

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 12 * № 1 * 2013

**SOCIOLOGICAL
REVIEW**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2013
Том 12. № 1

ISSN 1728-192X (Print)
ISSN 1728-1938 (Online)

Интернет-версия журнала: sociologica.hse.ru
Адрес редакции: puma7@yandex.ru

Главный редактор Александр Фридрихович Филиппов

Заместитель главного редактора Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии Светлана Петровна Баньковская
Виктор Семенович Вахштайн
Дмитрий Юрьевич Куракин
Ирина Максимовна Савельева
Андрей Михайлович Корбут (Беларусь)
Джеффри Александер (США)
Эдуард Надточий (Швейцария)

Редактор интернет-сайта Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературный редактор Каринэ Акоповна Щадилова

Корректор Инна Евгеньевна Кроль

Компьютерная верстка Андрей Михайлович Корбут

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Разговор с Гюнтером Гаусом..... 3
Ханна Арендт
- По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания..... 24
Илья Матвеев

SCHMITTIANA

- Переписка о Шмитте и политическом..... 34
Анатолий Ахутин, Александр Филиппов

РЕЦЕНЗИИ

- Политическая философия и политическая экономия..... 48
Камиль Галеев

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

- Герцен и славянофилы..... 62
Андрей Тесля
- Дневник Л. А. Тихомирова..... 86
Александр Репников

CULTURAL SOCIOLOGY

- Социальная теория и травма..... 121
Рон Айерман

ПЕРЕВОДЫ

- Ошибка каузальности в социальной науке..... 139
Аласдер Макинтайр

- Abstracts..... 158

Разговор с Гюнтером Гаусом*

Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г.

Ханна Арендт

Аннотация. Интервью Ханна Арендт немецкому журналисту Гюнтеру Гаусу посвящено переломным моментам ее биографии, имеющей существенное значение для понимания ряда аспектов ее творчества. Арендт рассказывает также о своем отношении к интеллектуалам, к отдельным философам, к политике, тоталитаризму и демократии.

Ключевые слова: Ханна Арендт, политическая теория, нацизм, еврейство, тоталитаризм, мышление, демократия.

От редакции

Ханна Арендт (1906–1975), политический мыслитель и публицист, была на пике известности, когда немецкий журналист и — позже — политик Гюнтер Гаус (1929–2004) взял у нее интервью для программы «Zur Person»¹, выходявшей на телеканале ZDF в ФРГ². Под разными названиями (включая и возвращение к первоначальному варианту) программа просуществовала несколько десятилетий. Арендт попала в один ряд с самыми известными публичными персонами своего времени, такими как Г. Киссинджер, Х. Шмидт или Р. Аугштайн. Работа об истоках тоталитаризма³ и чуть ли не скандальная в момент выхода книга «Эйхман в Иерусалиме»⁴ привлекли к ней самое широкое внимание, но более искушенная публика знала ее как значительного

* Пер. с нем. Г. М. Дашевского. Источник: *Arendt H.* (1996). *Ich will verstehen*. München: Piper. S. 46–72. Печатается с любезного разрешения Фонда Ханна Арендт и издательства Piper. Примечания, кроме особо оговоренных примечаний переводчика, сделаны редактором.

Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

© Дашевский Г. М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Примерно можно перевести как «Знакомство с личностью».

2. Запись интервью в настоящее время широкодоступна в сети. См., например: <http://www.youtube.com/watch?v=Ts4IQ2gQ4TQ>

3. См.: *Арендт Х.* (1996). *Истоки тоталитаризма* / Пер. с англ. И. В. Борисовой и др. под ред. М. С. Ковалевой и Д. М. Носова. М.: ЦентрКом.

4. См.: *Арендт Х.* (2008). *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме* / Пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой. М.: Европа.

политического философа. Что речь уже идет не только о политической философии, также начинали постепенно догадываться, и небольшая, но очень примечательная дискуссия в начале о том, является ли Арендт в точном смысле слова философом, имеет несколько неочевидных измерений. Гаус читал (и ссылается на него) важнейший к тому времени философский труд Арендт «*Vita activa*»⁵, но, возможно, он проштудировал и сборник ее философских эссе «Между прошлым и будущим»⁶. Вопрос о том, что значит быть философом, стоял для Арендт очень остро, она не соглашалась, но — примечательным образом — именно философом ее называли все снова и снова, чаще и чаще.

Отвечая на вопросы Гауса, она еще не знала, конечно, что вступает в последнее десятилетие своей жизни, не знала и о том, что в конце 60-х обратится к политической философии Канта⁷, получит приглашение читать лекции в Абердине — прославленные Гиффордские лекции — и напишет в результате «Жизнь ума»⁸. Выпущенная посмертно, эта книга стала одним из важнейших философских сочинений конца XX в. Гаус застал ее на вершине славы, но в то же время — накануне взлета. Интервью, которое мы публикуем накануне долгожданного выхода из печати «Жизни ума», оказалось одним из самых удачных: личность мыслителя, ее темперамент и бесстрашие явлены здесь во всей полноте.

* * *

Гаус: Госпожа Ханна Арендт, вы — первая женщина, которую мы представляем в нашей программе. Первая женщина, хотя и с предельно мужским по общепринятому представлению занятием: вы философ. От этого предварительного замечания я перехожу к первому вопросу: воспринимаете ли вы свою роль в кругу философов, несмотря на признание и уважение, которыми вы пользуетесь, как нечто необычное — или же проблема женского равноправия для вас никогда не вставала?

Арендт: Боюсь, сперва я должна возразить. Я не принадлежу к кругу философов. Моя профессия (если о таковой вообще можно говорить) — это политическая теория. Я несколько не чувствую себя философом. И не думаю, что я принята философами в их круг, как вы любезно предполагаете. Но если перейти к другому вопросу, который вы затронули в своем предварительном замечании: вы говорите, что это общепринятое мужское занятие. Но оно не обязано оставаться мужским занятием! Вполне возможно, что какая-нибудь женщина когда-нибудь станет философом...

Гаус: Я вас считаю философом...

---

5. См.: Арендт Х. (2000). *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина под ред. Д. М. Носова. СПб: Алетейа.

6. См.: Arendt H. (1961). *Between past and future: six exercises in political thought*. N. Y.: Viking Press.

7. См.: Арендт Х. (2011). *Лекции по политической философии Канта* / Пер. с англ. А. Глухова. СПб: Наука.

8. См.: Arendt H. (1978). *The life of the mind*. 2 vols. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich.

Арендт: Хорошо, с этим я ничего не могу поделать. Но я себя философом не считаю. Я считаю, что окончательно распрощалась с философией. Я изучала философию, как вы знаете, но это отнюдь не значит, что я там и осталась.

Гаус: Но все же я хотел бы (я очень рад, что мы коснулись этого пункта) точнее у вас узнать, где вы видите различие между политической философией и вашей занятиями политической теорией? На основании некоторых ваших книг, например «*Vita activa*», я все-таки включил бы вас в число философов, если вы мне не определите точнее это различие.

Арендт: Видите ли, это различие, собственно, содержится в самом предмете. Выражение «политическая философия», которого я избегаю, — это выражение крайне отягощено традицией. Когда я — будь то в академическом или неакадемическом жанре — говорю об этих вещах, то всегда напоминаю, что между философией и политикой существует напряжение — то есть напряжение между человеком, поскольку он является философствующим существом, и человеком, поскольку он является действующим существом. В натурфилософии этого напряжения нет. По отношению к природе философ находится в том же положении, что и все остальные люди. Когда он думает о ней, то говорит от имени всего человечества. Но по отношению к политике — уже начиная с Платона! — философ находится в положении не нейтральном...

Гаус: Я понимаю, что вы имеете в виду.

Арендт: ...И поэтому имеется своего рода враждебность к политике у большинства философов (за очень немногими исключениями: вот Кант — исключение). Враждебность, которая для этой сферы чрезвычайно важна, поскольку здесь дело не в персональных особенностях философа. Дело в самом предмете.

Гаус: К этой враждебности к политике вы не хотите иметь никакого отношения, так как полагаете, что она помешала бы вашей работе?

Арендт: «Я не хочу иметь никакого отношения к этой враждебности» — это значит: я хочу рассматривать политику глазами, незамутненными философией.

Гаус: Понимаю. Теперь, пожалуйста, вернемся к вопросу женского равноправия. Существовала ли для вас такая проблема?

Арендт: Да, эта проблема как таковая, разумеется, всегда существовала. Я, в общем-то, старомодна. Я всегда считала, что есть определенные занятия, которые женщинам не подходят, которые им не идут, если можно так выразиться. Не очень хорошо выглядит, когда женщина отдает приказы. Женщине лучше не попадать на такие должности, если ей важно сохранить свои женские качества. Права я в этом или нет, не знаю. Сама я этой идеей так или иначе руководствовалась — более или менее бессознательно, или, лучше сказать, более или менее сознательно. Лично для меня эта проблема никакой роли не играла. Видите ли, я просто делала то, что мне хотелось делать.

Гаус: Ваша работа (ее деталей мы еще, разумеется, коснемся) в своей существенной части направлена к познанию тех условий, при которых возникают политическое

действие и поведение. Хотите ли вы этими работами оказать воздействие и на широкую публику, или же полагаете, что сегодня такое воздействие уже невозможно, — или для вас подобное воздействие несущественно?

Арендт: Видите ли, это тоже отдельная история. Если говорить совсем честно, то должна сказать: когда я работаю, воздействие меня не интересует.

Гаус: А когда работа закончена?

Арендт: А когда она закончена, то и дело с концом. Для меня существенно вот что: я должна понять. Само писание для меня тоже включено в это понимание. Писание, согласитесь, — это ведь часть процесса понимания.

Гаус: Когда вы пишете, то это служит вашему собственному дальнейшему познанию.

Арендт: Да, так как при этом фиксируются определенные вещи. Скажем, если бы у меня была такая хорошая память, что я бы действительно запоминала все свои мысли, — в таком случае я вряд ли бы что-нибудь стала записывать, я свою лень знаю хорошо. Мне важен сам процесс мышления. Когда он у меня происходит, я лично очень рада. А когда мне потом удается его адекватно выразить на письме, то я снова радуюсь.

Теперь к вашему вопросу о воздействии. Если мне позволено ответить иронически: это очень мужской вопрос. Мужчины всегда хотят оказывать плодотворное воздействие; но я смотрю на это, в общем-то, со стороны. Воздействовать? Нет, я хочу понять. А когда другие люди понимают — в том же смысле, в каком поняла я, — тогда я испытываю радость, словно оказалась в родной стране.

Гаус: Вы пишете легко? Легко формулируете?

Арендт: Иногда да, иногда нет. Но вообще я могу сказать, что никогда не пишу, пока не запишу все у себя в голове.

Гаус: То есть пока все предварительно не обдумаете.

Арендт: Да. Я точно знаю, что я хочу написать. До того я не пишу. Почти всегда я пишу, просто записывая за собой. И это происходит сравнительно быстро, так как зависит только от скорости, с которой я печатаю.

Гаус: Занятия политической теорией, политическим действием и поведением составляют сегодня центр вашей работы. В этой ситуации мне кажется особенно интересным то, что я нашел в вашей переписке с израильским профессором Шоломом⁹. Там вы пишете (позволю себе процитировать), что вам «в молодости были безразличны и политика, и история». В 1933 году вы, госпожа Арендт, эмигрировали из Германии как еврейка. Тогда вам было 26 лет. Есть ли у того, что вы занялись политикой,

---

9. Переписка со знаменитым гебраистом и философом Гершомом Шоломом состоялась в 1963 г. и издана в нескольких местах. См., например: *Neue Zürcher Zeitung*. 1963. № 287. Письмо Ханны Арендт вошло в издание, по которому сделан данный перевод.

у того, что вы отказались от своего безразличия к политике и истории, причинно-следственная связь с этими событиями?

Арендт: Да, разумеется. В 1933 году это безразличие стало невозможно. Да и раньше оно уже было невозможно.

Гаус: И вы от него отказались тоже раньше?

Арендт: Да, конечно. Газеты я читала с тревогой. У меня появились политические мнения. Ни в какую партию я при этом не входила и не чувствовала в этом никакой нужды. Уже с 1931 года я была твердо убеждена, что нацисты придут к власти. И я постоянно спорила об этой проблеме с другими людьми. Но систематически этими вещами я впервые занялась только в эмиграции.

Гаус: У меня есть дополнительный вопрос к тому, что вы только что сказали. Раз вы с 1931 года были уверены, что приход нацистов к власти неотвратим, не подвигло ли это вас к какому-то активному противостоянию — например, к вступлению в какую-либо партию? Или вам казалось, что это уже не имеет смысла?

Арендт: Лично мне казалось, что смысла в этом уже нет. Если бы я видела в этом смысл — обо всем этом очень трудно говорить задним числом, — тогда бы я, может быть, что-то сделала. Мне это казалось безнадежным.

Гаус: Помните ли вы какой-то конкретный эпизод, которым можете датировать ваш поворот к политическому?

Арендт: Я могла бы назвать 27 февраля 1933 года — пожар Рейхстага и последовавшие в ту же ночь незаконные аресты, так называемые «превентивные задержания». Людей бросали в подвалы гестапо или в концентрационные лагеря. То, что тогда произошло, было чудовищно, хотя сегодня часто заслоняется позднейшими событиями. Для меня это стало непосредственным шоком, и с того момента я почувствовала свою ответственность. Я отказалась от мнения, будто сейчас можно быть просто наблюдателем. Я пыталась помочь кое в каких вещах. Но то, что меня тогда непосредственно выгнало из Германии, если уж об этом рассказывать, — я никогда об этом не рассказывала, так как это не имеет значения...

Гаус: Пожалуйста, расскажите.

Арендт: Я и без того уже собиралась эмигрировать. Я сразу же пришла к убеждению, что евреи не могут остаться. У меня не было намерения болтаться в Германии в качестве гражданина второго сорта, в какой бы то ни было форме. Кроме того, я считала, что дела будут идти все хуже и хуже. И тем не менее в конце концов я уехала совсем не таким уж спокойным образом. И должна признаться, это мне доставило некоторое удовольствие. Я была арестована, вынуждена была выехать из страны нелегально (сейчас я вам об этом расскажу), и все это сразу же принесло мне некоторое удовольствие. Я подумала: «По крайней мере, я хоть что-то сделала! По крайней мере, я не невинна. Уж в этом-то меня никто не упрекнет!»

И эту возможность мне предоставила сионистская организация. Я была очень близко знакома с несколькими из ее руководителей, прежде всего с тогдашним пре-

зидентом Куртом Блюменфельдом. Но сама я не была сионисткой, и никто не пытался меня в сионистку превратить. И однако, в определенном смысле они на меня повлияли. Именно той критикой, которую сионисты развернули по отношению к еврейскому народу. Это произвело на меня впечатление, но политически я не имела с ними ничего общего. Так вот, в 1933 году Блюменфельд и еще один человек, которого вы не знаете, обратились ко мне и сказали: «Мы хотим начать собирать все антисемитские высказывания на местах. Например, в профсоюзах, в объединениях, в любых специальных журналах, короче говоря, все то, что не доходит до заграницы». Сбор такой коллекции тогда подпадал под статью «Пропаганда заведомо ложных измышлений», так это называлось. За это не мог взяться ни один человек, который входил в сионистскую организацию, так как если бы он провалился, то провалилась бы вся организация.

Гаус: Разумеется.

Арендт: Они спросили: «Хочешь этим заняться?» Я ответила: «Разумеется». Я была очень рада. Во-первых, сама затея мне показалась очень разумной, а во-вторых, у меня было чувство, что можно наконец хоть что-нибудь сделать.

Гаус: Вы были арестованы в связи с этой работой?

Арендт: Да. Тогда-то я и попала. Но мне очень повезло. Я вышла через 8 дней, так как следователь уголовной полиции, который меня арестовал, со мной подружился. Это был замечательный человек. Его перевели из уголовной полиции в политический отдел. Он ничего не понимал, что ему тут делать. Он все время мне повторял: «Обычно, когда передо мной кто-то вот так сидит, то стоит мне посмотреть, так сразу я знаю, что это за человек. Но что мне делать с вами?»

Гаус: Это было в Берлине?

Арендт: Это было в Берлине. Я, к сожалению, вынуждена была этого человека обмануть. Я не имела права провалить организацию. Я рассказывала ему фантастические истории, а он повторял: «Я вас сюда привел, я вас отсюда вытащу. Не берите адвокатов. У евреев сейчас нет денег. Экономьте ваши деньги». А тем временем сионистская организация нашла мне адвоката. Разумеется, через членов организации. И этого адвоката я отослала прочь. Потому что у этого человека, который меня арестовал, было такое открытое, порядочное лицо. Я положила на него и подумала, что это намного надежнее, чем какой-нибудь адвокат, который только и будет что бояться.

Гаус: И вы вышли на свободу и смогли уехать из Германии.

Арендт: Я вышла, но уехать должна была нелегально, через тропу контрабандистов, так как дело, разумеется, развивалось дальше.

Гаус: В уже упоминавшейся переписке, госпожа Арендт, вы недвусмысленно отклонили совет Шолема всегда помнить о вашей принадлежности к еврейскому народу — отклонили как излишний. Вы пишете (снова цитирую): «Еврейство для меня относится к несомненным данностям моей жизни, и в такого рода фактичности я

никогда ничего не хотела изменить, даже в детстве»¹⁰. Об этом я хотел бы задать несколько вопросов. Вы родились в 1906 году в Ганновере, в семье инженера, и выросли в Кенигсберге. Можете ли вы рассказать, что в предвоенной Германии означало для ребенка происходить из еврейской семьи?

Арендт: Я не могла бы ответить на этот вопрос в общем. А что касается личных воспоминаний, то сначала я не сознавала, что я еврейка. Моя мать была совершенно нерелигиозна.

Гаус: А ваш отец умер рано.

Арендт: Да, мой отец умер рано. Все это звучит очень комично. Мой дед был президентом либеральной общины и депутатом городского совета Кенигсберга. Я происхожу из старинного кенигсбергского семейства. Тем не менее слово «еврей» никогда у нас не звучало, пока я была ребенком. Впервые я его услышала в антисемитских репликах — их не стоит пересказывать — детей на улице. Тогда-то я и была, так сказать, просвещена.

Гаус: Это стало для вас шоком?

Арендт: Нет.

Гаус: У вас возникло чувство — «теперь я не похожа на других»?

Арендт: Это, знаете ли, другое дело. Шоком для меня это вовсе не стало. Я просто подумала: ага, вот оно что. Но было ли у меня чувство, что я не похожа на других? Да. Но это я вам сегодня уже не могу разъяснить.

Гаус: Что же означало это чувство?

Арендт: Объективно говоря, я считаю, что это было связано с моим еврейством. Например, в детстве — уже чуть постарше — я знала, что выгляжу как еврейка. То есть что я выгляжу иначе, чем другие. Это я очень сознавала. Но не в форме комплекса неполноценности. Это было просто фактом — я отличаюсь. И потом моя мать, мой родительский дом был несколько необычным. Он был так не похож на дома других еврейских детей и даже на дома наших родственников, что ребенку очень трудно было уловить, в чем же именно состоит эта непохожесть.

Гаус: Я очень хотел бы, чтобы вы разъяснили то, что вы назвали непохожестью вашего родительского дома. Вы говорите, что для вашей матери никогда не было необходимости, пока вы с этим не столкнулись на улице, вас просвещать относительно вашей принадлежности к еврейству. Утратилось ли у вашей матери то сознание своего еврейства, о котором вы применительно к себе говорите в письме к Шолему? Оно не играло уже для нее никакой роли? Что здесь перед нами — удачная ассимиляция или же иллюзия вашей матери, будто она удачно ассимилировалась?

Арендт: Моя мать была не очень склонна к теоретизированию. Я не верю, что у нее были какие-нибудь особые идеи на этот счет. Она сформировалась в социал-де-

---

10. См.: *Arendt H. (1996). Brief an Gerhard Scholem // Arendt H. Ich will verstehen. München: Piper. S. 32.*

мократическом движении, в круге «Социалистического ежемесячника»¹¹ — мой отец тоже, но прежде всего моя мать. И еврейский вопрос никакой роли для нее не играл. Само собой, она была еврейкой. Она бы никогда меня не крестила! Предполагаю, что она мне надавала бы оплеух, если бы когда-нибудь я отказалась признать, что я еврейка. Ни о чем подобном не могло быть и речи. Но сам еврейский вопрос, разумеется, в 1920-е годы, в годы моей молодости, играл намного большую роль, чем когда-то для моей матери. А для моей матери он стал играть, когда я выросла, намного большую роль, чем до того. Но это было связано с внешними условиями.

Я, например, не думаю, что я когда-либо себя рассматривала как немку в смысле принадлежности к народу, а не к государству, если только можно провести такое различие. Я помню, что примерно в 1930 году у меня были об этом споры, например с Ясперсом. Он говорил — конечно же, вы немка! А я говорила — да видно же, что нет. Но это для меня не играло никакой роли. Я не переживала это как какую-то неполноценность. Этого со мной не было.

И если можно снова вернуться к непохожести моего родительского дома — видите ли, с антисемитизмом сталкиваются все еврейские дети. И он отравил души многих детей. Мы отличались тем, что моя мать всегда придерживалась такой позиции: нельзя сдаваться, нужно защищаться. Если кто-то из моих учителей допускал какое-то антисемитское замечание — чаще всего не в связи со мной, а в связи с другими школьницами-еврейками, например школьницами из Восточной Европы, — то на этот случай у меня была инструкция — немедленно встать, прийти домой, все точно доложить. Тогда мать писала очередное письмо школьному начальству, а для меня дело было полностью закончено. У меня образовывался свободный от школы день, и это, конечно, было замечательно. Но если же что-то подобное исходило от детей, то об этом я не имела права рассказывать дома. Это запрещалось. Против того, что исходило от детей, нужно было защищаться самой. Вот поэтому такие ситуации никогда не превращались для меня в проблему. Были правила поведения, при которых я сохраняла достоинство и была абсолютно защищена дома.

Гаус: Вы учились в Марбурге, Гейдельберге и Фрайбурге у профессоров Хайдеггера, Бульмана и Ясперса по специальности «философия», а кроме того, учили теологию и греческий. Как вы пришли к этому выбору предметов?

Арендт: Я и сама об этом часто себя спрашивала. Могу сказать лишь одно: философию я твердо выбрала в 14 лет.

Гаус: Почему?

Арендт: Я прочла Канта. Тут вы можете спросить: а почему вы читали Канта? Каким-то образом передо мной встал вопрос: либо я смогу заниматься философией, либо покончу с собой. Не то чтобы я не любила жизнь, нет! Дело было в том, о чем я говорила раньше, — в необходимости понять.

Гаус: Да.

---

11. Sozialistische Monatshefte — выходивший в 1897–1933 гг. теоретический журнал немецких социал-демократов.

Арендт: В потребности понять, которая возникла очень рано. Видите ли, все нужные книги были у меня дома, я брала их из домашней библиотеки.

Гаус: Были ли у вас кроме Канта какие-то книги-события, которые вам особенно запомнились?

Арендт: Да. Во-первых, «Психология мировоззрений» Ясперса, вышедшая, по моему, в 1920 году — тогда мне было четырнадцать лет. Затем я прочла Кьеркегора. Тогда-то все и сошлось.

Гаус: Вошла ли сюда и теология?

Арендт: Тогда все так сошлось, что и философия, и теология оказались для меня частями одного целого. Я только не знала, как мне этим заниматься, если я еврейка. И как вообще это происходит, то есть обучение философии. Я понятия об этом не имела. Так что у меня были тяжелые раздумья, которые потом очень просто разрешились. А греческий — это совсем другое дело. Я всегда очень любила греческую поэзию, и поэзия в моей жизни играла большую роль, поэтому я и взяла дополнительно греческий — это было удобнее всего. Я и так на нем читала.

Гаус: Преклоняюсь.

Арендт: Ну что вы, не преувеличивайте.

Гаус: Ваша интеллектуальная одаренность, госпожа Арендт, столь рано проявившаяся, — не отделяла ли она вас, когда вы были школьницей и студенткой, от вашего окружения каким-нибудь болезненным образом?

Арендт: Так должно было бы случиться, если б я ее сознавала. Но я считала, что все такие же, как я.

Гаус: Когда вы осознали, что дело обстоит иначе?

Арендт: Довольно поздно. Мне неловко об этом говорить. Я была неописуемо наивна. Частично это объясняется моим воспитанием. В доме о школьных успехах никогда не заходила речь. Никогда не говорили об отметках. Это считалось дурным тоном. Любое тщеславие дома считалось недостойным. Во всяком случае, я это свое качество по-настоящему не сознавала. Иногда оно осознавалось как какая-то чуждость по отношению к остальным людям.

Гаус: Вам казалось, что причина этой чуждости в вас?

Арендт: Да, исключительно. Но она не имела ничего общего с одаренностью. Я никогда не связывала ее с одаренностью.

Гаус: Не приводило ли это в молодости иногда к высокомерию?

Арендт: Да, такое случалось. Случалось уже очень рано. И за такое высокомерие мне иногда доставалось: нельзя так себя вести, нехорошо так себя вести и так далее...

Гаус: Когда вы в 1933-м покинули Германию, вы попали в Париж, где работали в организации, которая переправляла еврейскую молодежь в Палестину. Можете об этом рассказать?

Арендт: Эта организация отправляла еврейских подростков от 13 до 17 лет из Германии в Палестину и там поселяла их в кибуцах. Поэтому эти поселения я знаю сравнительно хорошо...

Гаус: ...и с очень раннего времени.

Арендт: И с очень раннего времени. Тогда я питала к ним очень большое уважение. Дети получали профессиональное образование, проходили переквалификацию. Иногда я вывозила и польских детей. Это была настоящая социальная работа, педагогическая работа. В сельской местности были устроены большие лагеря, где детей готовили, где у них были уроки, где они учились сельскому труду и где они прежде всего должны были окрепнуть. Их нужно было с ног до головы заново одеть. Нужно было для них готовить. Самое главное, нужно было раздобыть для них документы. Нужно было договариваться с родителями. И самое главное, нужно было раздобыть для них денег. Все это в значительной мере лежало на мне. Я работала вместе с французенками. В этом вот примерно заключалась моя деятельность. Но само решение взяться за эту работу — хотите о нем узнать или нет?

Гаус: Прошу вас.

Арендт: Видите ли, перед тем моя деятельность ограничивалась академической средой. А относительно этой среды 1933 год оставил у меня очень прочное впечатление. Во-первых, позитивное, а во-вторых, негативное. Точнее будет сказать наоборот — во-первых, негативное, а во-вторых, позитивное. Сегодня часто думают, что шок немецких евреев объяснялся тем, что Гитлер захватил власть. Что касается меня и людей моего поколения, то я могу сказать, что это странное недоразумение. Разумеется, захват власти Гитлером — это было очень плохо. Но это было политическим [событием]. Это не было личным. Что нацисты наши враги — чтобы это узнать, нам не нужен был гитлеровский захват власти. Уже самое меньшее четыре года всякому неслабоумному человеку это было абсолютно ясно. Что за Гитлером стоит большая часть немецкого народа — это мы тоже знали. Этим в 1933 году нас нельзя было шокировать.

Гаус: Вы имеете в виду, что шок 1933 года заключался в том, что события перешли с общеполитического на личный уровень?

Арендт: Нет, я имею в виду не это. Точнее говоря, и это тоже. Во-первых, общеполитическое действительно стало личной судьбой — в той мере, в какой человек не сидел взаперти. Но во-вторых, вы же знаете, что такое координация (*Gleichschaltung*)¹² — а это ведь означало, что друзья тоже координировались! Проблема, личная проблема была не в том, что делали наши враги, а в том, что делали наши друзья. В том, что тогда на волне «координации», которая была довольно-таки добровольной — по крайней мере, протекала не под угрозой террора, — вокруг тебя как будто образовывался вакуум. Я жила в интеллектуальной среде, но я знала и других людей — и

---

12. Политика подключения всех групп, слоев, общественных организаций к сотрудничеству с гитлеровским режимом.

я могла утверждать, что среди интеллектуалов «координация» была нормой, а среди других — нет. И этого я никогда не забывала. Я уехала из Германии с твердым убеждением — разумеется, несколько преувеличенным — «больше никогда!» Больше никогда я не буду иметь дела ни с какими интеллектуальными кругами! С этой средой я не хочу иметь ничего общего. Разумеется, я не думала, что немецкие евреи и немецко-еврейские интеллектуалы повели бы себя принципиально иначе, если бы оказались с другой стороны. Нет, я думала, что это связано с самой профессией, с интеллектуальностью. Я говорю в прошедшем времени, потому что сегодня я знаю об этом больше...

Гаус: Я как раз хотел спросить: по-прежнему ли вы так считаете?

Арендт: Уже не с такой заостренностью. Но что интеллектуалы в принципе устроены так, что по поводу чего угодно могут что-нибудь придумать, — так я по-прежнему думаю. Видите ли, за то, что кто-то «координировался», потому что должен был заботиться о жене и детях, — за это никогда никого не упрекали. Беда была в том, что они в это [в нацистскую идеологию] действительно поверили! Ненадолго; некоторые очень ненадолго. Но это все-таки значит, что и по поводу Гитлера они сумели что-то придумать. И иногда невероятно интересные вещи! Фантастически интересные и сложные! И вещи, стоящие очень высоко над средним уровнем! Это я воспринимала как нечто гротескное. Они попадали в ловушку к собственным выдумкам, сказала бы я сегодня. Вот что произошло. Тогда я не смотрела на это с такой точки зрения.

Гаус: И потому для вас было особенно важно выйти из этого круга, с которым вы тогда хотели радикально распрощаться, и перейти к практической работе?

Арендт: Да. А позитивная сторона заключается в следующем — я пришла к пониманию, которое тогда сформулировала одной фразой: «Если на тебя нападают как на еврея, то и защищаться ты должен как еврей». Не как немец, не как гражданин мира, не как обладатель прав человека и так далее, но — что я могу сделать именно в качестве еврея? К этому добавлялось, во-вторых, ясное намерение: теперь я хочу действительно действовать организованно. Впервые. И естественно, я имела в виду организацию сионистов. Они были единственными, кто был готов. Действовать вместе со сторонниками ассимиляции не имело никакого смысла. К тому же с ними я никогда не имела ничего общего. А самим еврейским вопросом я уже занималась. Работа о Рахели Фарнхаген¹³ была закончена, когда я уезжала из Германии. А в ней еврейская проблема играла некоторую роль. Но там я об этой проблеме писала с идеей «я хочу понять». Те проблемы еврейства, которые я там излагала, не были моими личными. А теперь принадлежность к еврейству стала моей собственной проблемой. И моя собственная проблема была политической. Чисто политической! Я хотела заниматься практической работой, и я хотела заниматься исключительно еврейской работой. Этой линии я тогда во Франции и придерживалась.

---

13. *Рахель Фарнхаген фон Энзе (1771–1833)* — немецкая писательница еврейского происхождения. Арендт написала о ней книгу: *Arendt H. (1958). Rahel Varnhagen: the life of a Jewess / Transl. R. Winston and C. Winston. L.: Institute by the East and West Library.*

Гаус: До 1940 года?

Арендт: Да.

Гаус: Во время Второй мировой войны вы переехали в США, где сегодня работаете профессором политической теории, не философии...

Арендт: Спасибо.

Гаус: ... в Чикаго. Вы живете в Нью-Йорке. Ваш муж, за которого вы вышли в 1940 году, тоже работает в Америке преподавателем философии¹⁴. Но академическая сфера, к которой Вы снова принадлежите, после разочарования в 1933 году, — эта сфера интернациональна. Поэтому мне хотелось бы спросить, скучаете ли вы по Европе догитлеровского времени, которой уже никогда не будет? Когда вы приезжаете в Европу, что, по вашему впечатлению, сохранилось и что невозможно утрачено?

Арендт: Европа догитлеровского времени? Никакой ностальгии у меня нет. Что осталось? Остался язык.

Гаус: А это для вас значит много?

Арендт: Очень много. Я всегда сознательно отказывалась терять родной язык. Я всегда соблюдала определенную дистанцию как по отношению к французскому, на котором я тогда очень хорошо говорила, так и по отношению к английскому, на котором я пишу сегодня.

Гаус: Я об этом как раз и хотел спросить. Теперь вы пишете по-английски?

Арендт: Я пишу по-английски, но я никогда не теряла дистанции по отношению к нему. Есть огромная разница между родным языком и всеми остальными языками. Про себя я могу сказать страшно просто: приличную часть немецкой поэзии я знаю наизусть. Эти стихи живут где-то у меня в голове, в уголках сознания, и, разумеется, ни на одном другом языке у меня это уже не получится. По-немецки я позволяю себе вещи, которые никогда бы не позволила себе по-английски. Вообще-то иногда я себе их позволяю и по-английски тоже, так как я довольно сильно обнаглела, но, в общем, я соблюдаю эту дистанцию по отношению к английскому языку. Немецкий язык, во всяком случае, — это главное, что осталось и что я сознательно сохраняла.

Гаус: Даже в самое тяжелое время?

Арендт: Да, всегда. Я думала: а что же с этим делать? Ведь это же не немецкий язык проклят или испорчен. Ведь это же не немецкий язык сошел с ума. И во-вторых: для родного языка не существует никакой замены. Можно родной язык забыть. Это правда. Я видела таких людей. Они говорили на чужом языке лучше, чем я, — я-то говорю по-прежнему с очень сильным акцентом, и я часто говорю не идиоматически. Но чужой язык, на котором человек бегло говорит, — это язык, в котором одно клише цепляется за другое, так как та производительность, та способность создавать новое, которая есть у человека в разговоре на собственном языке, она ампутруется, когда он этот язык забывает.

---

14. Генрих Блюхер (Blücher) (1899–1970) — второй супруг Ханны Арендт.

Гаус: Те случаи, когда родной язык бывал забыт, — можно ли назвать это вытеснением?

Арендт: Да, очень часто было именно так — вытеснение как следствие шока. Знаете, решающим событием тут был не 1933 год. По крайней мере, решающим для меня. Решающим был тот день, когда мы узнали об Освенциме.

Гаус: Когда это случилось?

Арендт: Это случилось в 1943 году. И сперва мы этому не поверили. Хотя вообще-то мой муж и я всегда говорили, что об этих бандитах мы поверим чему угодно. Но этому мы не поверили, так как это противоречило всем нуждам и потребностям войны. Мой муж прежде был военным историком, он разбирается в этих делах. Он сказал: не слушай эти рассказы, на такое они не пошли бы! А через полгода мы все-таки этому поверили, потому что нам это было доказано. И вот это стало настоящим шоком. Раньше мы говорили: ну бывают же у людей враги, это совершенно естественно. Почему бы именно нашему народу вдруг не иметь никаких врагов? Но это было уже что-то другое. Здесь действительно как будто разверзлась бездна. Потому что до того у нас было представление, что все остальное каким-то образом когда-нибудь можно будет загладить. Как в политике вообще все как-нибудь, когда-нибудь, так или иначе можно компенсировать. А это — нет. Это не должно было случиться. И при этом я имею в виду не количество жертв. Я имею в виду фабричное производство трупов и всё то, о чем мне нет необходимости дальше распространяться. Это не должно было случиться. Здесь произошло что-то такое, с чем мы все никогда не справимся. Обо всех других вещах, которые в ту эпоху произошли, я должна сказать: это бывало тяжело, мы бывали бедны, нас гнали, мы должны были убегать, должны были куда-то пробираться и тому подобное. Но мы были молоды. Мне это даже доставляло некоторое — не могу подобрать иного слова — удовольствие. Но [лагеря уничтожения] — это другое дело. Это было чем-то совсем иным. Со всем остальным можно было лично как-то справиться.

Гаус: Я бы хотел от вас услышать, госпожа Арендт, какие перемены претерпела после 1945 года ваша оценка послевоенной Германии, которую вы часто посещали и в которой изданы ваши самые значительные произведения.

Арендт: В первый раз я снова приехала в Германию в 1949 году по поручению еврейской организации по спасению еврейского культурного наследия — фактически книг. Я приехала, не держа зла [на бывших друзей]. Мои размышления после 1945 года были такими: что бы ни случилось [между нами] в 1933 году, по сравнению с тем, что произошло впоследствии, все это совершенно ничтожно. Разумеется, измена друзей, если можно так резко выразиться...

Гаус: ...которую вы испытали лично на себе?

Арендт: Да. Но понимаете, когда кто-то потом стал настоящим нацистом и потом написал об этом в газете, то по отношению лично ко мне ему уже незачем было хранить верность. Я в любом случае уже бы с ним не стала говорить. Вопрос о нашем

общении уже не стоял бы, такого человека я бы сама списала со счета. Это понятно. Но это все были не убийцы. Это были всего лишь люди, которые, как я сказала бы сегодня, угодили в собственные ловушки. Того, что пришло позже, они не хотели. Поэтому мне казалось, что как раз в этой бездне [Холокоста, которая ужаснула их так же, как меня] и можно найти опору [для восстановления отношений с ними]. И действительно со многими моими знакомыми именно так и получилось. Я спорила с ними — я не очень вежлива, я говорю то, что думаю, — но каким-то образом с целым рядом людей отношения снова наладились. Как было сказано, это все были люди, которые всего несколько месяцев или, в худшем случае, несколько лет что-нибудь такое делали, но они не стали ни убийцами, ни доносчиками. И как опять-таки я уже говорила, это были люди, которые много чего себе напридумывали по поводу Гитлера. Но помимо этих встреч-узнаваний, которые в греческой трагедии всегда служат поворотным моментом сюжета, — общее, самое большое переживание, когда я вернулась в Германию, было огромным потрясением. А еще — впечатление от того, что на улице говорят по-немецки. Это меня неопишимо обрадовало.

Гаус: Вот с такими настроениями вы приехали в 1949 году.

Арендт: Да, примерно с такими. И сегодня, когда все вокруг вернулось в спокойную колею, моя отстраненность стала больше, чем была тогда, при этом потрясении.

Гаус: Потому что, по вашему ощущению, ситуация здесь снова вернулась в спокойную колею слишком быстро?

Арендт: Да. И иногда в такую колею, которую я не приветствую. Но при этом я не чувствую себя ответственной. Я же смотрю на это со стороны, верно? И это значит, что я сегодня чувствую себя причастной еще меньше, чем тогда. Наверное, это зависит и от времени. Послушайте, пятнадцать лет — это не пустяк.

Гаус: Итак, вы чувствуете, что ваше безразличие усилилось?

Арендт: Отстраненность. «Безразличие» — слишком сильно. Но отстраненность — да, правда.

Гаус: Этой осенью, госпожа Арендт, в ФРГ вышла ваша книга о процессе Эйхмана в Иерусалиме. Эта работа с момента выхода в Америке вызвала очень жаркую полемику, особенно с еврейской стороны. Против вашей книги были высказаны упреки, о которых вы говорите, что они отчасти объясняются недоразумением, а с другой стороны — организованной [против вас] политической кампанией. Претензии вызвал прежде всего разбираемый в вашей книге вопрос, насколько евреям должна быть поставлена в вину их пассивность в роли жертв массовых убийств, совершенных немцами, или насколько сотрудничество с немецкими властями некоторых еврейских старейшин превратилось почти что в соучастие. Как бы то ни было, к портрету Ханны Арендт, мне кажется, эта книга об Эйхмане ставит много вопросов. Позвольте мне начать вот с какого: задевает ли вас иногда высказываемый упрек, что вашей книге недостает любви к еврейскому народу?

Арендт: Прежде всего позвольте мне заявить, что вы — уж не обессудьте — тоже стали жертвой этой пропагандистской кампании. Нигде в книге я не упрекаю еврейский народ за его непротивление. Это сделал другой человек, а именно — г-н Хауснер из израильской прокуратуры на процессе против Эйхмана. Вопросы, которые он задавал свидетелям в этом ключе, я назвала глупыми и жестокими.

Гаус: Я читал вашу книгу, я это знаю. Но некоторые обосновывают те упреки, которые вам делаются, тоном, в котором написаны некоторые места вашей книги.

Арендт: А, ну это другое дело. Против этого мне нечего возразить. И об этом я не хочу говорить. Если кто-то считает, что об этих вещах можно писать только патетически... Послушайте, есть люди, которые обвиняют меня вот за что (и этот упрек я в какой-то мере могу понять) — за то, что я еще могу смеяться. Но я действительно думаю, что Эйхман — дурак. И я говорю им: я прочитала его допросы — 3600 страниц, и прочитала очень внимательно. И я очень часто смеялась, даже вслух. За эту реакцию люди меня упрекают. С этим я ничего не могу поделать. Я знаю одно: я, наверное, стала бы смеяться и за три минуты перед верной гибелью. Но когда мне говорят: «что за тон, нельзя же так...» — тон у меня, действительно, в большой мере иронический, это правда. Это чистая правда. Но тон в этом случае действительно и есть человек. Когда меня упрекают в том, что я выдвинула обвинение против еврейского народа, это злобная пропагандистская ложь и больше ничего. Но «тон» — это упрек мне как личности. С этим я ничего не могу поделать.

Гаус: С этим вы готовы смириться.

Арендт: О, охотно. Что с этим можно поделать? Я же не могу этим людям сказать: вы меня неправильно поняли, а на самом деле в моем сердце происходит то-то и то-то.

Гаус: Я хотел бы в связи с этим еще раз обратиться к вашему собственному свидетельству. Вы говорите: «Я никогда в жизни не любила никакой народ или коллектив: ни немецкий, ни французский, ни американский народ, ни рабочий класс, ни что там еще такое бывает. Я люблю на самом деле только моих друзей, а ни к какой другой любви совершенно не способна. Но прежде всего мне была бы подозрительна любовь к евреям, так как я сама еврейка»¹⁵. Могу ли я спросить: разве человек не нуждается, будучи политически действующим существом, в связях с группой? В связях, которые до определенной степени могут быть названы и любовью? Не боитесь ли вы, что ваша позиция может оказаться политически бесплодной?

Арендт: Нет. Я бы сказала, что как раз иная позиция политически бесплодна. Принадлежать к какой-то группе — это просто естественная данность: вы принадлежите к какой-то группе просто по рождению. Но если вы имеете в виду принадлежность к группе в другом смысле, а именно принадлежность к какой-то организованной группе, то это совершенно другое дело. Такая организация происходит всегда по [принципу] некоего отношения к миру. Это значит, что те, кто так организуется, имеют друг

---

15. Цитата из письма Г. Шолему. *Op. cit.* S. 32 f.

с другом общие, как обычно говорят, «интересы». Прямое личное отношение, при котором можно говорить о любви, — оно существует, естественно, в наибольшей степени в собственно любви, и оно существует в определенном смысле также и в дружбе. Здесь адресатом является личность напрямую и независимо от ее отношения к миру. Так, люди, входящие в самые разные организации, могут по-прежнему оставаться лично друзьями. Но когда эти вещи одна с другой путаются, когда любовь — если выразиться максимально резко — приносят за стол переговоров, то это я считаю очень пагубным.

Гаус: Вы считаете это аполитичным?

Арендт: Я считаю это аполитичным, и я считаю это безмирным. И я действительно считаю это очень большой бедой. Я признаю, что еврейский народ — образцовый пример сохранившегося на протяжении тысячелетий безмирного народного союза...

Гаус: «Мир» понимается в смысле вашей терминологии, то есть как пространство для политики?

Арендт: Да, как пространство для политики.

Гаус: Иначе говоря, еврейский народ был аполитичным?

Арендт: Совсем так я бы не сказала, потому что его общины бывали, естественно, до определенной степени и политическими. Еврейская религия — это национальная религия. Но понятие политического применимо здесь только с очень большими ограничениями. Утрата мира, которую еврейский народ претерпел в рассеянии и которая, как у всех народов-парий, создает совершенно особую теплоту между теми, кто к нему принадлежит, — вот это изменилось, когда было основано государство Израиль.

Гаус: Утратилось ли с этим что-либо, о потере чего вы сожалеете?

Арендт: Да. За свободу платишь дорого. Специфически еврейская человечность под знаком утраты мира была чем-то прекрасным. Вы слишком молоды, вы этого уже не застали. Это было что-то прекрасное. Это нахождение вне всех общественных связей, эта полная непредубежденность, которую я очень сильно ощущала как раз у моей матери, которая именно так относилась и ко всему еврейскому обществу тоже. Все это, естественно, претерпело чрезвычайно большой ущерб. За освобождение нужно платить. Я когда-то в своей речи о Лессинге сказала...

Гаус: В Гамбурге в 1959 году.

Арендт: Да. Я сказала: такая человечность не переживает дня освобождения даже и на пять минут¹⁶. Видите, именно это у нас и случилось.

Гаус: Вы не хотели бы это вернуть?

Арендт: Нет. Я знаю, что нужно за свободу заплатить определенную цену. Я не могу сказать, что плачу ее охотно.

---

16. «Человечность униженных и оскорбленных никогда еще не переживала час освобождения даже на минуту» (Арендт Х. [2003]. Люди в темные времена / Пер. с англ. и нем. Г. Дашевского и Б. Дубина. М.: Московская школа политических исследований. С. 26–27). — Прим. перев.

Гаус: Госпожа Арендт, по отношению к тому пониманию, которого вы достигаете на путях политически-философского размышления или социологического анализа, чувствуете ли вы такую ответственность, что публикация этого знания становится для вас обязанностью? Или же вы признаете, что бывают причины, позволяющие умолчать о познанной истине?

Арендт: Это очень тяжелая проблема. Это, в сущности, единственный вопрос, который меня интересовал в течение всей контroversы вокруг книги об Эйхмане. Он, правда, не возникал никогда, если я сама его не поднимала. А это — единственный серьезный вопрос, все остальное — просто пропагандистские помои. И так, да будет высказана истина, пусть бы мир и погиб? Фактически книга об Эйхмане такого рода вещей не касалась. Этой книгой ничьи легитимные интересы на самом деле затронуты не были. Так только считается.

Гаус: При этом что считать легитимным, а что нет, вы, естественно, должны оставить открытым для обсуждения.

Арендт: Да, тут вы правы. Что именно легитимно — это опять-таки подлежит обсуждению. При этом я, очевидно, под «легитимным» понимаю нечто иное, чем еврейские организации. Но допустим на секунду, что тут были бы действительно поставлены на карту даже и мной признанные интересы...

Гаус: В таком случае могли бы вы умолчать о познанной истине?

Арендт: Поступила ли бы я так? Да, конечно. Впрочем, стала ли бы я тогда вообще писать... Знаете, меня кто-то однажды спросил: если бы вы предвидели то-то и то-то, написали бы вы книгу об Эйхмане иначе? Я ответила: нет. Я бы тогда стояла перед альтернативой: писать или вообще не писать. Можно ведь попросту не разевать рта.

Гаус: Да.

Арендт: Человек не всегда должен говорить. А теперь имеется следующее: мы пришли к вопросу о том, что в XVIII веке называлось «истиной факта». Речь идет только об истинах факта. Речь не идет о мнениях. Что ж, для этих истин факта хранителями служат исторические науки в университетах.

Гаус: Они не всегда бывают наилучшими хранителями...

Арендт: Да. Они уступают давлению, они принимают указания от государства. Мне сообщали, что один историк по поводу какой-то книги о начале Первой мировой войны сказал: «Я не позволю поколебать мои воспоминания об этом величественном времени». Вот человек, который не знает, в чем его обязанности как историка. Но это неинтересно. Фактически историк является хранителем исторической истины, истины факта. А насколько важны эти хранители, мы знаем, например, из истории большевиков, где история каждые пять лет переписывалась, и, например, такие факты, что существовал когда-то некий Троцкий, становятся неизвестными. Хотим ли мы попасть в такую ситуацию? У правительств есть заинтересованность в таком положении вещей.

Гаус: Заинтересованность — возможно, но есть ли у них на это право?

Арендт: Есть ли у них на это право? Они вроде бы и сами не верят, что у них есть на это право, иначе бы они вообще не терпели существования университетов. К тому же у государств есть заинтересованность и в истине. Я здесь не имею в виду никаких военных тайн — это другое дело. Нет, все эти истории [о которых идет речь в моей книге] происходили около двадцати лет назад. Почему же нельзя о них сказать правду?

Гаус: Может быть, потому, что двадцать лет — это еще слишком мало?

Арендт: Так говорят одни, а другие говорят, что через двадцать лет правду уже невозможно отыскать. Это значит, в любом случае у кого-то имеется интерес себя обелить. Но этот интерес нельзя назвать законным.

Гаус: Иначе говоря, в сомнительной ситуации вы бы отдали преимущество правде?

Арендт: Я бы сказала, что беспристрастность, которая пришла в мир, когда Гомер...

Гаус: ...воспел и побежденных?

Арендт: Именно! «Если глас песни молчит о побежденном, тогда позвольте мне свидетельствовать о Гекторе»¹⁷, да? Это и сделал Гомер. Затем пришел Геродот и сказал: «Великие деяния эллинов и варваров»¹⁸. Из этого духа возникла вся наука, в том числе и современная. В том числе и историческая наука. Если мы не способны на эту беспристрастность, потому что любим собственный народ до такой степени, что по-

17. Арендт цитирует начало строфы из стихотворения Фридриха Шиллера «Siegesfest» (в пер. В. А. Жуковского — «Торжество победителей», в пер. Ф. И. Тютчева — «Поминки»):

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.
(пер. В. А. Жуковского)

Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин. —
Сын Тидеев провещал, —
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...

Честь тому, кто, не робея,
Жизнь за братьев положил!
Победитель — победил,
Слава падшего святее!

(пер. Ф. И. Тютчева). — *Прим. перев.*

18. Цитируется начало «Истории» Геродота: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности» (пер. Г. А. Стратановского). — *Прим. перев.*

стоянно в его сторону делаем реверансы, то с этим ничего нельзя поделать. Но я считаю, что так поступают отнюдь не патриоты.

Гаус: В одном из ваших важнейших сочинений — «Vita activa» вы приходите к заключению, госпожа Арендт, что Новое время свергло с престола здравый смысл, а также чувство первостепенности политического. Вы называете современными такие общественные феномены, как беспочвенность и покинутость массового человека и триумф человеческого типа, который находит удовольствие в голых процессах работы и потребления. У меня к этому два вопроса. Прежде всего, насколько обобщение такого уровня основано на личном опыте? С него ли здесь начинается процесс мышления?

Арендт: Я не думаю, что какие-либо процессы мышления возможны без личного опыта. Всякое мышление есть мышление о чем-то, о какой-то вещи, правда? Я живу в современном мире и, само собой, у меня есть мой собственный опыт. Впрочем, эти же обобщения формулировались и многими другими. Видите ли, проблема с этой идеей «только-работа-и-потребление» — потому так важна, что в этом проявляется безмирность. Человеку уже не важно, как выглядит мир.

Гаус: «Мир» здесь по-прежнему понимается как пространство, в котором возникает политика?

Арендт: В данном случае имеется в виду даже большее: как пространство, в котором вещи становятся явными, как пространство, в котором мы живем и должны выглядеть достойно. В нем же, естественно, появляется и искусство. В нем появляется все возможное. Помните, Кеннеди попытался решительно расширить пространство публичности, пригласив в Белый дом писателей и прочих бездельников. Так что и подобные вещи тоже могли бы входить в это пространство. Однако в работе и потреблении человек действительно полностью отброшен к себе самому.

Гаус: К биологическому [уровню].

Арендт: К биологическому [уровню] и к себе самому. И тут у вас появляется взаимосвязь с покинутостью. В процессе труда возникает своеобразная покинутость. Я не могу сейчас об этом распространяться, это завело бы нас слишком далеко. И эта покинутость как раз и есть та отброшенность к себе самому, в которой потребление занимает место по-настоящему существенных занятий.

Гаус: Второй вопрос в связи с этим. Вы в «Vita activa» приходите к заключению, что «настоящий, ориентированный на мир опыт» (включая и предельно политические прозрения и опыт) — «все дальше и дальше уходит с опытного горизонта рядового человеческого существования»¹⁹. Вы говорите: сегодня способность действовать ограничена немногими людьми. Что это означает в практической политике, госпожа Арендт? Насколько в этих условиях государственная форма, которая, по крайней мере, теоретически основана на совместной ответственности всех граждан, превращается в фикцию?

---

19. Arendt H. (1960). Vita Activa oder vom tätigen Leben. Stuttgart: Kohlhammer. S. 316.

Арендт: Да, это я хочу еще чуть-чуть ограничить. Видите ли, во-первых, эта неспособность к действительно адекватной ориентации существует не только у широких масс. Она существует равным образом и для всех других слоев. Я бы сказала, и для политиков. Политик окружен толпой экспертов. И здесь следовало бы поставить вопрос о разнице между политиком и экспертом. Политик должен в конце концов принять решение. Он сам вряд ли может принять адекватное решение. Он ведь не может знать всего. Он должен собирать мнения у экспертов, причем у таких экспертов, которые должны друг другу противоречить. Всякий разумный политик заказывает экспертизы с противоположных позиций, потому что он должен видеть предмет со всех сторон, правильно? А при этом сам он должен вынести решение. И это решение есть крайне таинственный процесс. В нем проявляется здравый смысл. Что же касается массы человечества, то я бы сказала следующее: где бы люди ни оказывались вместе, совершенно неважно, в каком масштабе, там образуются публичные интересы...

Гаус: И раньше, и теперь.

Арендт: ...И образуется публичность. В Америке, где все еще существуют эти спонтанные объединения, которые потом снова распадаются, эти ассоциации, о которых говорил уже Токвиль, там вы можете наблюдать это очень четко. Образуется какой-нибудь публичный интерес, затрагивающий определенную группу людей — соседей, или всего лишь один дом, или город, или как-то иначе построенную группу, — и тогда эти люди сходятся, и они вполне в состоянии в этих вопросах действовать публично, так как эти вопросы вполне для них обозримы. Это значит (если вернуться к вашему вопросу), что проблема [адекватности] касается только самых крупных решений на самом высоком уровне. А здесь, поверьте мне, разница между политиком и человеком с улицы принципиально не очень-то велика.

Гаус: Госпожа Арендт, вы с Карлом Ясперсом, вашим прежним учителем, связаны как партнеры по непрерывному диалогу. В чем сильнее всего Ясперс на вас повлиял?

Арендт: Видите ли, там, куда Ясперс приходит и говорит, там становится светло. У него есть эта откровенность, эта открытость, эта непредвзятость разговора, какой я не знаю ни у кого другого. Это произвело на меня очень сильное впечатление, когда я была еще очень молода. Кроме того, у него понятие свободы соединяется с идеей разума, что мне, когда я приехала в Гейдельберг, было совершенно чуждо. Я ничего о разуме не знала, хотя я уже прочла Канта. И вот я увидела этот разум, так сказать, в действии, на практике. И если можно так сказать (я росла без отца), я стала воспитанницей этого разума. Я ни в коем случае не хочу делать его ответственным за меня, но если кому-нибудь удалось меня вразумить, то именно ему. И этот диалог, который сегодня, разумеется, стал совершенно иным, — это, собственно, самое сильное мое переживание: что такой разговор вообще есть, что можно так разговаривать.

Гаус: Позвольте мне последний вопрос. В «Похвальной речи» о Ясперсе вы сказали: «Человечность никогда не приобретается ни в одиночестве, ни благодаря тому, что человек отдает свое произведение публике. Ее приобретает лишь тот, кто подвер-

гает свою жизнь и личность риску публичности»²⁰. Этот «риск публичности» — в чем он заключается для Ханны Арендт?

Арендт: Риск публичности кажется мне очень ясным. Человек являет себя в свете публичности, и являет в качестве личности. Хотя я считаю, что человек не должен думать о себе, когда появляется и действует публично, все же я знаю, что в таком действии личность выражается, как ни в какой другой деятельности. При этом разговор есть тоже форма действия. Второй риск состоит вот в чем: мы нечто начинаем, мы вплетаем наши нити в уже существующую сеть отношений. Что из этого выйдет, мы никогда не знаем. Слова «Господи, прости им, что делают, ибо не знают, что творят» имеют силу для любого действия, в самом простом и конкретном смысле — потому что невозможно знать, что ты творишь. В этом и состоит риск. И я сказала бы, что этот риск возможен только при доверии к людям. При трудноуловимом, но принципиальном доверии к человеческому во всех людях. Иначе мы бы на этот риск пойти не могли.

---

20. Арендт Х. Люди в темные времена. С. 88.

По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания¹

Илья Матвеев*

Аннотация. В XX веке было предпринято множество попыток переучредить политическое знание как объективную, эмпирическую науку — науку, которая соответствовала бы идеалу ценностной нейтральности. Наряду с этой тенденцией прослеживается и другая: стремление исследователей к открытому провозглашению своей политической позиции, готовность признать политические цели и ценности фактором собственной работы. Когда такая готовность существует, можно говорить об ангажированном знании. В статье продемонстрировано то, как это знание отделяет себя, с одной стороны, от представлений о социальных и политических исследованиях как о «чистой науке», и с другой — от политико-философского подхода с его возвышением созерцательного теоретизирования. Также в статье дана характеристика неоднозначной связи ангажированного знания с марксистской традицией.

Ключевые слова: сциентизм, объективизм, эпистемология, ангажированность.

В статье «За ангажированное знание» Пьер Бурдьё говорит о недопустимом, с его точки зрения, характерном для многих противопоставлении *scholarship* (исследований) и *commitment* (политической позиции). Он призывает избавиться от образа «ученого, заключающего себя в башню из слоновой кости» и прекратить «бегство в стерильность», убеждает исследователей в необходимости распространить свое знание за пределы академии и присоединиться к социальным движениям (Бурдьё, 2002). Более того, общеевропейский протест против политики неолиберализма, по Бурдьё, может быть эффективен, только если объединит «три составляющие: профсоюзы, социальное движение и исследователей» (Бурдьё, 2002).

Другой известный социолог Майкл Буравой в речи при вступлении в должность президента Американской социологической ассоциации (2004), озаглавленной «За публичную социологию», заявил: «Мы потратили сто лет на построение профессионального знания, перевод здравого смысла в науку, и сейчас более чем готовы к выполнению систематического обратного перевода, перемещая знание туда, откуда оно пришло, понимая личные невзгоды как социальные проблемы и таким образом возрождая моральную устойчивость социологии» (Буравой, 2008: 124). Публичная социология, по Буравому, выходит за границы научного сообщества, обращаясь к

---

* Матвеев Илья Александрович — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
E-mail: matveev.ilya@yahoo.com

© Матвеев И. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Благодарю Олега Журавлева и Арсения Хитрова за помощь в подготовке статьи.

широкой публике (традиционная публичная социология) или взаимодействуя с социальными движениями, «контрпубликой» (органическая публичная социология). В своих одиннадцати тезисах, прозрачно намекающих на «Тезисы о Фейербахе» Маркса, Буравой призывает усилить публичную социологию как один из компонентов социологической дисциплины и тем самым вернуть этой дисциплине ее призвание: активно участвовать в жизни общества.

Выступление Буравого, как и статья Бурдые, представляет собой манифест. Их роднит императивный характер, жанр воззвания: «За ангажированное знание», «За публичную социологию».

Очевидно, что эти тексты имеют некий общий объект критики. Они осуждают определенное видение науки и определенное представление о роли ученого, которое историк науки Роберт Проктор формулирует следующим образом:

«Согласно присущему науке здравому смыслу, политика и ценности всегда являются внешними по отношению к практике науки — они обнаружимы в способах использования науки, но не в ее истоках, в ее неудачах, но не в ее успехах, в исключениях или на периферии, но не в каждодневном и фундаментальном. Это идеология *чистой или свободной от ценностей* науки, вера в то, что наука „сама по себе“ является чистой, а ценности или политика входят в нее только как нежелательная примесь» (Proctor, 1991: 3).

Наука, согласно такому представлению, нейтральна по отношению к возможным способам ее использования, ее внутренняя детерминация свободна (или должна максимально освободиться) как от ценностей, так и от вненаучных целей. Проктор расшифровывает концепт нейтральности науки по отношению к своим целям: «Политика и мораль стоят за нашими науками и дают им жизнь; наука может использоваться во благо и во зло. Это один из смыслов „нейтральности“ науки — то, что наука (или технология) „сами по себе“ ни хороши и ни плохи; науку можно использовать, а можно ей злоупотреблять» (Proctor, 1991: 2).

Именно так отделил практику науки от способов ее использования Макс Вебер, заметив: «...существует и еще одна предпосылка: важность результатов научной работы, их научная ценность. Очевидно, здесь-то и коренятся все наши проблемы. Ибо эта предпосылка сама уже недоказуема средствами науки. Можно только указать на ее конечный смысл, который затем или отклоняют, или принимают в зависимости от собственной конечной жизненной установки» (Вебер, 1990: 718). Итак, наука не может отдавать себе отчета о способах своего применения и их значимости, эти вопросы находятся за её пределами.

Современное использование понятия научной объективности, по замечанию Да-стон и Галисона, предполагает «все — от эмпирической надежности и процедурной корректности до эмоциональной невовлеченности» (Daston, Galison, 1992: 82). В XX веке многие пытались перенести идеал научной объективности, со всеми оттенками смысла этого термина, в область политического и социального знания.

В политической науке такой попыткой была «бихевиоральная революция» 1930–1960-х годов. Подготовленная деятельностью Чарльза Мерриама, она стремилась пе-

реучредить политическую науку как эмпирическую дисциплину, опираясь на четкое определение объекта, — политического поведения и выработку строгих формальных, преимущественно количественных, методов его изучения. Эти методы становились все более сложными и разветвленными. Исследователей, принадлежавших к данному направлению, по словам Роберта Даля, объединял «научный» настрой: подразумевалось, что «...бихевиоральный подход — это попытка улучшить наше понимание политики посредством объяснения эмпирических аспектов политической жизни с помощью методов, теорий и критериев доказательства, удовлетворяющих канонам, конвенциям и предпосылкам современной эмпирической науки» (Dahl, 1961: 767). По сути, интенция, лежавшая в основе «бихевиоральной революции», никуда не исчезла и продолжает влиять на идентичность американской политической науки как дисциплины и сейчас.

Но еще в 1939 году американский социолог Роберт Линд, откликаясь на контекст, созданный «бихевиоральной революцией», задал вопрос: «Знание для чего?» (Lynd, 1939). В одноименной книге он постарался показать, что исследователь, исключаящий как сторонник «чистой науки» вопросы ценностей и потому несамостоятельный в выборе объекта изучения, становится орудием в руках других: капиталиста, политика, чиновника.

По отношению к идеологии «чистой науки» ангажированное знание совершает двойную операцию. Концепции ангажированного знания, с одной стороны, указывают на то, что социальное познание не может быть изолировано от политики, поскольку неизбежно оказывает политические эффекты в той реальности, которую изучает. «Политике не место в аудитории» (Вебер, 1990: 720), — говорит Макс Вебер. Но политика всегда присутствует в аудитории, пусть даже политика «чистой науки»: риторика и практика «чистой науки» также обладают своими политическими следствиями². С другой стороны, если политики не избежать, концепции ангажированного знания призывают выбрать осознанное участие в политике, учитывающее возможные политические эффекты того знания, которое производит ученый. Эту мысль сформулировал Чарльз Р. Миллс в «Социологическом воображении» (1959): «Практикующим социальным исследователям совсем не обязательно позволять „случайностям“, связанным с условиями их работы, определять политическое значение этой работы, или же позволять другим людям, преследующим собственные цели, решать, как будет использована их работа. Им вполне по силам обсудить значение своей работы и сделать способ ее применения вопросом их собственного выбора» (Mills, 2000: 177)³. Это

2. Большой материал, иллюстрирующий этот тезис, собран в феминистских и постколониальных исследованиях. Так, в книге «Женская болезнь: женщины, безумие и английская культура, 1830–1980» Элен Шоуэлтер анализирует мизогинию, присущую психиатрическому дискурсу и практикам лечения истерии. Таким образом, научный дискурс психиатрии поддерживает угнетение женщин. Как показали феминистские движения, оно является политическим феноменом не в меньшей степени, чем партийная борьба, для которой двери университета традиционно закрыты.

3. Ср.: «Социологическая теория либо представляет и выражает доксу, либо, отправляясь от доксы как от исходного пункта, производит радикальный разрыв с ней. Первое делает теорию наивной, второе — ангажированной. Согласно Ж.-П. Сартру, социолог всегда engagé — захвачен, вовлечен, втянут

рассуждение иллюстрирует тезис Бурдьё о том, что противопоставление *scholarship* и *commitment* является не только гибельным, но и по сути ложным.

Как уже отмечалось, социальное познание неизбежно оказывает политические эффекты в той реальности, которую изучает. Любая теория обладает собственной внутренней логикой, которая «совместима» с определенной политической логикой и тем самым поощряет ее. Теория задает одни вопросы (пусть даже ответ на них останется открытым, пусть даже они являются внутренними, логическими, а не эмпирическими), исключая другие. Теоретическая перспектива формирует и структурирует политическую перспективу и к тому же, за счет своих претензий на общезначимость, окружает ее ореолом внеисторичности, научной объективности и истины.

Так, под «политическим поведением» как объектом исследований эмпирической политической науки понимается индивидуальное поведение, тем самым подразумевается, что субъектом политики является индивид. Вопрос можно поставить и по-другому: для Фуко, например, индивид был не субъектом, а объектом политики, конечным результатом работы власти, которая посредством дисциплинарных институтов производит индивидов.

К тому же индивидуальное политическое поведение изучается в рамках институций и норм, современных исследователю, из-за чего, как заметил Лео Штраус в 1959 году, «социальная наука подвергается опасности ошибочно принять особенности Соединенных Штатов середины XX века или вообще современного западного общества за сущность человеческого общества» (Штраус, 2000: 23–24). В этом смысле бихевиоральная политическая наука «совместима» с либеральной демократией. Отношение между «свободной от ценностей» политической наукой и либеральной демократией можно обозначить как взаимную легитимацию. При этом в рамках самой политической науки это отношение не проговаривается, поскольку считается, что либеральная демократия — ценность, а наука должна быть свободна от ценностей. Джон Ганнел сформулировал это противоречие следующим образом: «Несмотря на то, что было бы нетрудно выявить космос нормативных данностей, внутренне присущих американскому прагматизму и реализму, американские политические исследователи верили не только в разделение фактов и ценностей, но и в относительность ценностей и опасность трансцендентальных претензий» (Gunnell, 1986: 14).

В то же время граница между «неангажированным» (или, по определению Ю. Качанова, «наивным») (Качанов, 2000) и ангажированным знанием не совпадает с границей между ценностно-нейтральным и нормативным, политико-философским подходом. Несмотря на взаимную критику сторонников объективной, эмпирической науки политики и приверженцев традиционной политической философии, обращенной к «природе политических вещей» (Штраус, 2000), в рамках спора, характерного для американской политической науки с 1950-х годов, их концепции обладают одним

в политику, причастен ей, *volens nolens* делает политический выбор. Но можно быть „политиком неведомо для себя“, „наивно“, доксихески, а можно „ангажироваться“ — взять на себя ответственность за свои практики, отрефлексировать свою профессиональную причастность к производству/воспроизводству политического порядка» (Качанов, 2000: 137).

важным общим качеством. Они последовательно исключают из рассмотрения вопрос о тех реальных политических эффектах, которые производит политическое знание, принимает ли оно форму «чистой науки» или философии.

Наиболее известным критиком позитивистской установки в политическом познании был Лео Штраус. В работе «Что такое политическая философия?» (1959) ценностно-нейтральное политическое знание предстает одновременно нежелательным и невозможным. Но для того, чтобы лучше понять позиции, с которых Штраус критикует «бихевиоральную революцию», следует обратиться к другим его текстам.

Во введении к книге «Преследование и искусство письма» (1952) Штраус формулирует свое отношение к философии. Он стремится выстроить правильную перспективу для того, что могло бы стать социологией философии. Философы, по Штраусу, образуют «самостоятельную группу»: «...то, что объединяет всех подлинных философов, — важнее того, что роднит одного конкретного философа с какой-либо группой нефилософов» (Strauss, 1988: 8). Изучая отношение средневекового восточного мыслителя Аль-Фараби к Платону, Штраус обнаруживает универсальное свойство философии как таковой: философия и общество находятся отнюдь не в гармонии между собой, философская истина опасна для общества. Поэтому для собственной защиты философы создают «эзотерические учения», которые лишь намекают на подлинное, но скрытое — «эзотерическое» — философское знание. Это и объединяет всех подлинных философов. Таким образом, политика философии — это политика ускользания, маскировки, письма «между строк» (Штраус, 2012), политика сохранения философии в обществе, по определению враждебном к философии. Понимание опасности, которая, «какие бы разнообразие формы она ни принимала, всегда сопутствует философии», — по мысли Штрауса, выступает первоочередной и даже единственной задачей социологии философии (Strauss, 1988: 21).

Исходя из этой перспективы, позитивизм с его всеобъемлющими претензиями в области политического знания — еще одна, новая угроза философии, характерная для современных обществ, где отсутствует прямая цензура. Позитивная политическая наука — это вторжение в автономию философствования. При этом философствование как таковое обладает самостоятельной ценностью. Здесь Штраус, по сути, опирается на аристотелевское возвышение *bios theoretikos*, созерцательной жизни, перед практической жизнью. Последователь Штрауса Данте Джермино формулирует это так: «Теорией следует заниматься лишь ради нее самой. <...> Ныне пришло самое время обратиться внутрь себя и вновь ощутить все великолепие такой жизни» (цит. по: Павлов, 2010: 61).

Но в своей критике универсалистских притязаний «бихевиоральной революции» Штраус и его последователи также не эксплицируют возможные политические эффекты собственной позиции. Тезис Штрауса об «эзотеричности» философии (как, по-видимому, и любое утверждение самоценности философствования) имеет выраженный элитистский характер. В основе этого тезиса — убежденность в том, что люди неравны: неравны в своей способности принять ту скрытую истину, которую несет в себе философия. Такое «конститутивное неравенство» характерно для консерватив-

ного мышления и консервативной политики. Существует множество исследований, посвященных связи Штрауса с современными американскими неоконсерваторами (Norton, 2005; Павлов, 2008). На наш взгляд, эта связь была отнюдь не буквальной, и все же теоретическая логика Штрауса «совместима» с консервативной политической логикой настолько, насколько теоретическая логика «бихевиоральной революции» «совместима» с либеральной политической логикой.

Ангажированное знание порывает как с либеральной «чистой наукой», так и с консервативным возвышением *theoria*. Политика ангажированного знания — не скрытая, заключенная в его логике и послышках, а открытая и публичная. Такое знание стремится эксплицировать связь между своей внутренней логикой и своей политикой. На этом пути оно сталкивается с главной трудностью: «мифом», согласно которому истина «служит наградой для свободных умов, плодом долгого одиночества, привилегией тех, кто сумел освободиться» (Фуко, 2002: 206). По Фуко, вопреки данному «мифу», истина принадлежит этому миру (а не находится за его пределами) и производит эффекты власти (а не искажается/вульгаризуется/замалчивается властью).

Этот «миф», фундаментальный для западной интеллектуальной традиции, обнаруживается уже в древнегреческой философии, с ее превознесением созерцательной жизни. Не им ли одушевлены горделивые слова Штрауса: «Только когда Здесь и Теперь перестают быть центром внимания, может появиться философский или научный подход к политике» (Штраус, 2000: 15)? (По словам Стивена Смита, «[Штраус] наблюдал политику не слева и не справа, а сверху» [Smith, 2007: 179].)

Но философское знание о «природе политических вещей», пусть даже максимально далекое от текущей политики, все равно играет свою роль «Здесь и Теперь», и в этом смысле использование Штрауса неоконсерваторами не является ошибкой или случайностью, даже если их интерпретации его текстов ошибочны.

Но не этот ли «миф», в другой форме, воплощен в том, что Дастон и Галисон называют «механической объективностью», стремление к которой было характерно для естественных наук рубежа XIX–XX веков: «...с одной стороны, честность и самоограничение, необходимые для того, чтобы отречься от оценок, интерпретаций или даже свидетельств собственного чувственного восприятия; с другой — напряженная концентрация внимания, необходимая для точного наблюдения и измерения, постоянно, без усталости повторяемых» (Daston, Galison, 1992: 83)? Строгое соблюдение метода и максимальная свобода от оценок, сами, по Дастону и Галисону, становящиеся чем-то вроде моральной добродетели, позволяют ученому освоить взгляд «из ниоткуда», который только и способен дать полное и объективное знание. Такая установка, несомненно, прослеживается в стремлениях, характерных для «бихевиоральной революции» в политической науке.

В этой точке сходятся бесстрастный философ и стремящийся к объективности ученый: их объединяет представление об истине как о чем-то внешнем по отношению к социальному миру и политике.

Ангажированное знание, пусть даже вставшее на путь политики, далеко не всегда свободно от этого «мифа». Об этом свидетельствует марксистский сциентизм Альтюссера в 1961–1966 годах (Матвеев, 2012) и просвещенческий универсализм Миллса. Фуко, сделавший так много для критики этого «мифа», в своей концептуализации ангажированного знания в каком-то смысле позволил ему вернуться — в почти неузнаваемой форме, — сделав привилегированной познавательную позицию угнетенных и тем самым вернув знанию тотализующую претензию на универсальность.

И все же именно ангажированное знание вынуждено столкнуться с этим «мифом» лицом к лицу. Вступив на территорию политики, авторы уже не могут отречься от тех политических эффектов, которые вызывают их слова. Их отношение к истине становится более контекстуальным и тактическим, социально и политически локализованным.

Представление о социально локализованном знании, по замечанию Сандры Хардинг, может показаться логически несообразным: «Обычно подразумевается, что социально локализованные представления могут быть лишь мнениями. Чтобы достичь статуса знания, они должны избавиться от — или преодолеть — свою первоначальную связь с локальными историческими интересами, ценностями и повесткой» (Harding, 1993: 50). Другими словами, знание обладает качеством полноты и универсальности, частичными (partial) могут быть лишь мнения. Ангажированное знание совершает попытку мыслить знание как социально локализованное и учитывать все, в том числе политические, последствия такой частичной перспективы. Одна из наиболее последовательных подобных попыток — феминистская «эпистемология точки зрения» (standpoint epistemology), которую развивают Хардинг и Донна Харауэй. Эти авторы указывают, что социальные исследования, не отвергающие частичную перспективу, из которой они сделаны, в пользу «взгляда из ниоткуда», но максимально эксплицирующие все свойства этой частичной перспективы, производят более достоверное знание, чем исследования, руководствующиеся идеалом «чистой науки». Они настаивают, что «эпистемология точки зрения» не является релятивистской и не предполагает, что все истинностные высказывания равны. Этот аргумент показывает, что ангажированное знание нужно не только политике, но и познанию: отказ от универсальной/нелокализованной перспективы, «взгляда сверху», «взгляда из ниоткуда» — это вопрос не только политической, но и познавательной необходимости. Другими словами, более полное и адекватное понимание общества лежит на пути вовлеченности в политику, политической борьбы.

Теперь, когда мы проанализировали отношение ангажированного знания к идеологии «чистой науки», с одной стороны, и возвышению созерцательного теоретизирования — с другой, мы должны остановиться еще на одном вопросе: о связи ангажированного знания с марксистской традицией.

Марксизм, с одной стороны, сделал возможной саму постановку проблемы ангажированного знания. Отправной точкой любого рассуждения на эту тему является одиннадцатый тезис о Фейербахе Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Маркс, Энгельс, 1955: 4).

Марксизм пошатнул достоинство «чистой философии», объявив о приоритете практики перед философским созерцанием.

Марксизм всегда стремился обнаружить социальные корни знания, но делал это со специфических, детерминистских позиций: отсюда «теория отражения». В своем самоописании марксизм занимает вполне определенное место в системе социальных отношений, но это привилегированное место, с которого открывается панорама всего общества и которое позволяет увидеть общественные отношения в их тотальности (Лукач, 2003; Jay, 1986). Этьен Балибар определил место, занимаемое пролетариатом по Марксу, как «подлинное место истины, но также место, из которого мир подвергается изменению» (Balibar, 1994: 92).

Такой взгляд не только возвращает (марксистскому) знанию универсальную перспективу, но и осеняет ее исторической необходимостью: марксистское учение не только истинно, но и обречено победить, ведь это учение пролетариата, на стороне которого законы исторического развития.

Безусловно, марксизм может быть интерпретирован совсем по-другому, но трудно отрицать, что он оставляет возможность и для интерпретации, в свою очередь, допускающей тоталитарную практику, при которой государство «от лица пролетариата» (а значит, одновременно от имени Истины и от имени Истории) репрессивует одни теории как «буржуазные» и поощряет другие как «пролетарские». Доминик Леккур в своей книге о феномене Лысенко назвал это «воображаемой классовой борьбой» (Lecourt, 1977: 128) двух наук. Такого рода государственная «партийность» не имеет ничего общего с ангажированным знанием.

И все же марксизм открывает перспективу для подлинно ангажированного анализа, того, что Альтюссер назвал «критическим и революционным» отношением между философией и социальными практиками. Одна из попыток восстановить такое отношение совершена самим Альтюссером (Альтюссер, 2012).

* * *

Авторы, рассуждающие о политической ангажированности ученых, предъявляют к ним разные требования и по-разному представляют эту ангажированность. Так, Миллс настаивал: признание политического значения социальных наук не предполагает ухода исследователей из профессии — напротив, именно в рамках своей академической роли они должны ставить под вопрос политические эффекты своей деятельности и не допускать того, чтобы создаваемое ими знание было инструментализовано, подчинено утилитарным интересам государства и капитала: не допускать «дальнейшей бюрократизации разума и дискурса» (Mills, 2000: 192).

Представители аргентинской группы *Colectivo Situaciones* формулируют куда более радикальную позицию: их исследования, погруженные в повседневную борьбу социальных движений, дистанцируются от академических форм работы как таковых. На пути политической ангажированности участники этой группы доходят до той точки, когда сама граница между исследованиями и активизмом становится пробле-

матичной. Так, по утверждению представителей этого анонимного коллектива, для обозначения их деятельности подходит как термин «активистские исследования», так и термин «исследовательский активизм»: это особая форма исследований, но также особая форма политики (Haldren, Touza, 2005: 596).

Вопрос о конкретных формах ангажированности — это вопрос политической/эпистемологической стратегии и тактики. Но от самого этого вопроса, по-видимому, уже не уйти: в свете эволюции, которую проделали социальные и политические исследования в XX веке, позиция «чистой науки» или философского созерцания, «взгляда из ниоткуда» ученого или «взгляда сверху» философа, едва ли могут доминировать в своих дисциплинах. Сартр отметил в 1945 году: «Писатель пребывает в ситуации своей эпохи: каждое его слово отдается эхом. Точно так же, как и молчание» (цит. по: Може, 1999: 293). В меньшей степени это верно по отношению к ученым сейчас.

Литература

- Альтюссер Л. (2012). Преобразование философии / Пер. с фр. К. Саркисова // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 73–96.
- Буравой М. (2008). За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ.
- Бурдьё П. (2002) За ангажированное знание / Пер. с фр. М. Бухарина // Неприкосновенный запас. 2002. № 5. С. 61–63.
- Вебер М. (1990). Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П. П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–734.
- Качанов Ю. Л. (2000). Начало социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Лукач Г. (2003). История и классовое сознание: исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. С. Н. Земляного. М.: Логос-Альтера.
- Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 1–4.
- Матвеев И. А. (2012). Альтюссер: политика теории // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 55–72.
- Може Ж. (1999). Социологическая ангажированность / Пер. с фр. М. М. Федоровой // Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. С. 292–324.
- Павлов А. В. (2008). Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. Вып. 13. М.: Институт философии РАН. С. 98–109.
- Павлов А. В. (2010). Гражданская война политической теории // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 40–65.
- Фуко М. (2002). Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис.
- Штраус Л. (2000). Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Праксис.
- Штраус Л. (2012). [Преследование и искусство письма](#) / Пер. с англ. Е. Кухарь под ред. А. В. Павлова // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 12–25.

- Balibar E.* (1994). *Masses, classes, ideas: studies on politics and philosophy before and after Marx*. L.: Routledge.
- Dahl R. A.* (1961). The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *American Political Science Review*. Vol. 55. № 4. P. 763–772.
- Daston L., Galison P.* (1992). The image of objectivity // *Representations*. 1992. №40. P. 81–128.
- Harding S.* (1993). Rethinking standpoint epistemology: what is «strong objectivity»? // *Feminist epistemologies* / Ed. L. Alcoff. L.: Routledge. P. 49–82.
- Gunnell J. G.* (1986). *Between philosophy and politics: the alienation of political theory*. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Holdren N., Touza S.* (2005). Introduction to *Colectivo Situaciones* // *Ephemera*. T. 5. № 4. P. 595–601.
- Jay M.* (1986). *Marxism and totality: the adventures of a concept from Lukács to Habermas*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Lecourt D.* (1977). *Proletarian science? The case of Lysenko*. L.: NLB.
- Lynd R. S.* (1939). *Knowledge for what? The place of social science in American culture*. Princeton: Princeton University Press.
- Mills C. W.* (2000). *The sociological imagination*. N. Y.: Oxford University Press.
- Norton A.* (2005). *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Have: Yale University Press.
- Proctor R.* (1991). *Value-free science? Purity and power in modern knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
- Showalter E.* (1987). *The female malady: women, madness, and English culture, 1830–1980*. N. Y.: Penguin Books.
- Smith S. B.* (2007). *Reading Leo Strauss: politics, philosophy, Judaism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L.* (1988). *Persecution and the art of writing*. Chicago: University of Chicago Press.

Переписка о Шмитте и политическом

Анатолий Ахутин*
Александр Филиппов**

Аннотация. Обсуждение концепции политического у Карла Шмитта принимает форму диалога. Философ Анатолий Ахутин ставит три вопроса: 1) О суверенитете: суверенен лишь тот, кто может ввести чрезвычайное положение, но не получится ли так, что чрезвычайное положение используется для утверждения и поддержания диктаторских полномочий? 2) О решимости. Что означает переключка между Шмиттом и Хайдеггером? Можно ли говорить, что полнота экзистенциальной автономии обретается в монолитной экзистенции народа? 3) О речи и демократии. Не следует ли понимать политическое скорее как сообщество существ-обладающих-словом? Социолог Александр Ф. Филиппов отвечает на эти вопросы.

Ключевые слова: Карл Шмитт, Хайдеггер, война, политическое, полис, диктатура, демократия, речь.

Этому письму, кажется, уже почти полгода. Так случилось, что мы с Анатолием Валериановичем никогда не встречались. Знакомство завязалось в социальной сети Facebook и, наверное, не могло не привести однажды к важному разговору. Признаюсь, сначала я недооценил собеседника. Его высокие достоинства как философа мне были хорошо известны, однако политическая философия — поле особое, взрывоопасное: перемещаться по нему сравнительно легко, да и подорваться нетрудно. Я ждал не то чтобы элементарных, но когда-то уже продуманных мною вопросов. Я рассчитывал ответить быстро. Я ошибался. Мгновенного ответа не получилось. Несколько поверхностных замечаний, которые должны хоть как-то оправдать мою медлительность, вот и все, что мне удалось. Пожалуй, ничего удивительного нет в том, что более пространно я смог высказаться по темам, которые философ счел менее важными. А вот на что я хотел бы рассчитывать, так это на то, что заочный диалог привлечет внимание более широкого круга читателей. Мы открыты для продолжения разговора: мы — это «Социологическое обозрение» и наш шмиттианский симпозион.

А. Ф. Филиппов

07.04.2013

---

* **Ахутин Анатолий Валерианович** — кандидат химических наук, доцент философского факультета РГГУ. Email: akhutin@gmail.com

** **Филиппов Александр Фридрихович** — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ им. А. В. Полетаева НИУ ВШЭ. Email: filippovaf@gmail.com

© Ахутин А. В., 2013

© Филиппов А. Ф., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

Уважаемый Александр Фридрихович!

Меньше всего хотел бы занимать Ваше время и отвлекать Ваше внимание на сюжеты, Вам, может быть, не очень интересные. Я в Вашей профессии мало сказать дилетант, могу увязнуть в тривиуме, не добравшись до квадравиума. По себе знаю эту досаду: отвечать надо, а не хочется, да толком и не о чем. Так вот, пожалуйста, не невольте себя: будем считать, что моя тропинка где-то вдалеке от путей Вашей науки бежит, а в Вашем расположении ко мне я уверен (может, и самонадеянно). Ежели захотите ответить, не стесняйтесь указывать на неосведомленность, меня Сократ давно научил, что невежда не тот, кто не знает, а тот, кто, не зная, думает, что знает.

«Политическое» меня занимает с трех сторон.

Одна — горячая и даже жареная: жутковатая *обратимость* шмиттовских определений в руках реальных политиков. Логика не позволяет обращать импликацию, но политики только это и делают. Если чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации для защиты бытия политического индивида (государство, народ) или конституционного строя (от внутренних врагов) требует экстраординарных полномочий Суверена, например, ЧК, то эти полномочия очень удобны, чтобы сохранить свое сверхзаконное положение в частных (корпоративных) интересах, создавая или выдумывая чрезвычайное положение, врагов вне и внутри и т. д. Государство, тем более народ — как нечто единое — требует представительства в Одном, но этот Один есть всего лишь один человек (или группа) [«Ты всего лишь человек, а не бог, / Я такой же человек, а не лох»]. Нужны какие-то дополнительные *политические механизмы*, предупреждающие возможность злоупотребления чрезвычайным положением (*право* на революцию ничего не меняет в структуре). Как в диалектику Левиафана входит наш (и не только) опыт: самое опасное для бытия государства, страны, народа — органы государственной безопасности: тайные, бесконтрольные, сверхзаконные, дьявольски всемогущие? Вопросы эти горячие, но тут не главные.

Вторая — *философская*. «Бытийственное учреждение собственной формы экзистенции» (5-я глава «Понятия политического»¹) (нет у меня оригинала, если под рукой, напишите, пожалуйста, это заклинание по-немецки). Entschließen, словно указующее на хайдеггеровский *экзистенциал* Entschlossenheit. Dasein — почти по-хайдеггеровски (Вы и переводите *тут-бытие*). Насколько явно и осознанно Шмитт отсылает этой лексикой к хайдеггеровскому контексту (оба текста в 1927-м опубликованы)? Или это все носилось в воздухе 1920–1930-х? Или — общее гнездо?

Трудность же тут вот в чем. У Хайдеггера экзистенциальная решимость предполагает экзистенцию, выход из своего всегда уже наличного бытия, но выход собственно в себя, в собственного себя, открытие (Erschließen) собственного себя как виновника собственного бытия. Экзистенция есть поэтому предельное «объединивание» — Vereinzelung. Такова экзистенциальная предпосылка всякого возможного Mit-Sein. Оно — со-бытие, со-общество экзистенциально само-бытных, авто-номных. Поэтому социально-политический регулятив: *позволить быть* экзистенции, которая

1. Шмитт К. (1992). Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 52.

есть *jemeinige* (почти Кант). Это 1927 год (БиВ) и в курсе «Основные понятия метафизики. *Welt — Endlichkeit — Vereinzelung*» (29/30). Однако дух времени стремительно меняется. В речи, произнесенной М. Хайдеггером 30 ноября 1933 г. в Тюбингене, он уточняет: ныне, в метафизических глубинах начавшейся революции происходит «полный переворот нашего немецкого бытия (*unseres deutschen Daseins*)»². «Субъектом» *Dasein* оказывается теперь *немецкий народ в своем государстве*. Он принимает на себя все бремя, риск и решимость экзистирования, собственного присутствия в бытии, истине которого он сам дает место присутствовать. Что же тогда выпадает на долю индивидуального *Dasein*, которому *случилось* быть фактически заброшенным сюда (*da*): в этот исторический момент, в этот народ? Разумеется, включиться в экзистенциальную революцию общенародного *Dasein*. Тот же, кто еще не включился в общенародное дело, есть *nicht daseinsfähig* (!). Способность к (собственному) бытию обретается только в со-трудничестве, в котором каждый *знает*, почему и для чего он занимает свое место. Только так он укореняется в народном *Dasein*, причаствует народной судьбе. («Единица — вздор, единица — ноль... <но вот> если в партию сгрудились малые...») Тот, кто таким образом — знанием и делом — находится в средоточии созидания, обретает полноту *des Daseins* и становится «совладельцем истины народа в его государстве». Эта антиномия экзистенциальной автономии становится реальным разделом-расколом общества: одни — экзистенциальные одиночки (как Беньямин, Арндт) — эмигрируют (диаспора), другие собираются в монолитную экзистенцию народа (*Volk-Reich-Führer*). Мир отчетливо разделяется на врагов и друзей, но в отличие от традиционных войн, мировая война впервые (так ли?), как ни смешно, «философская»: сталкиваются универсальные идеи человека, идеи *человечества*: человек-ариец (или человек-пролетариат) и человек-автономный, неопределимый. Он тоже мобилизован, выстроен в солдатское подразделение, но за спиной у него не «народ», а мой частный дом, даже просто — моя собственная — *jemeinige* — экзистенция.

Но и эта тема не главная.

Третья сторона — *философско-политическая*. Здесь, кажется, и возможны какие-то переклички. В основе «политического» лежит «философское»: не только антропология, но и онтология (лучше сказать, онто-логика) — потому и Гоббс (из современников Ш. ссылается на Шпрангера, Плесснера, но тут же были и Шелер, и Хайдеггер, и...). Довольно слово «естественное» понять не натуралистически, а антропо-онто-логически: «естество» как то самое «бытийное учреждение...». Тут два вопроса: 1) само политическое бытие в действительной истории (с войнами, революциями и пр.) может ли рассматриваться как опыт самопознания (на гегелевский или иной лад), т. е. имеет ли оно философские последствия? Или в его основе — универсальная метафизика (положим, гоббсовская), которая только уясняется? 2) Действительно ли политическое бытие (друг-враг-борьба) есть собственная форма бытийной экзистенции чело-

---

2. Цит. по кн.: *Safranski R.* (2011). *Ein Meister aus Deutschland: Heidegger und seine Zeit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. S. 274. (*Сафрански Р.* [2005]. Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового. М.: Молодая гвардия. С. 320.)

века в его сообща-бытии? Или это только некая предельная абстракция такого бытия и есть другие формы отношения одного с другим, экзистенциально другим (без коннотаций с «другом»)?

Если я правильно понимаю, задается вопрос: что такое *политическое* — в отличие от юридического, экономического, этического, эстетического? Так сказать, в чистом виде. Можно сформулировать его по-кантовски: как возможно политическое? У Канта его надо было бы искать в сфере практического разума, в сфере свободы. Так и Вы в лекции говорите: «политическое есть только там, где есть свобода». Но, видимо, не везде, где есть свобода, есть и политическое. У Канта — практический разум «человеческого рода» содержит в себе идею (утопическую, но регулятивную) всеобщего гражданского общества, где нет друзей и врагов, а только мой ноуменальный дом — моя крепость. Политическое скрыто в стенах этой крепости, как в конституции США скрыты ковбойские кольчуги. Практический разум ничего чисто политического не предполагает. Закон тут — только право, юриспруденция. Политическое невозможно, это эпифеномен, обстоятельство, нечто историческое-фактическое-эмпирическое. Частный предмет историков, социологов, политологов.

Снова: как возможно политическое? В смысле: существует ли такое, независимое от других, измерение человеческого бытия. Задать этот вопрос с философской радикальностью (а так вроде бы он ставится К. Шмиттом) — значит, потребовать трансцендентальную дедукцию политического. Найти его в некоем перво-делении (Ur-teilen).

Почему меня этот вопрос занимает? Потому что философия с момента рождения внутренне соотносится с политическим. Коллеги в ФБ уже ссылались на Гераклитов *poletos*, можно было бы и самое раннее свидетельство привести, Анаксимандра (что-де всякое сущее гибнет, отдавая долг и право другим за неправоту своего возникновения). Платон же, пытаясь определить философию (философское), постоянно попадает либо в софиста, либо в политика. Причем не только в рассуждениях: он приехал в Сиракузы как политик и был изгнан (еле удрал) оттуда как софист. Итак, политическое (а с другой стороны, софистическое) — внутренняя граница, возможность и «опасность» философии.

Семерых мудрецов (*sophoi*) звали так за «искусство в государственных делах». Если поставить рядом *sophos* — *philosophos* — *sophistes*, внутреннее родство станет наглядным. Рискну сказать: тот оборот, та внутренняя склонность философии, которым она обращается в мудрость, это и есть ее политический оборот (в греческом смысле слова: занятия по устройению *полиса* (законодательство) и принятие решений, касающихся полиса). С другой стороны, традиционный *sophos* превращается в политического, когда он оставляет «мудрость» богам, сам же остается «другом» мудрости: фило-софом. Иными словами, политическое рождается вместе с философским. Общие темы: спор *physis* и *nomos*, внедрение *logos*'а в *nomos*. Сократ ловит Алкивиада на пути в политику («принимать решения о войне и прочем на благо Афин») и обращает его мысленный взор в умную «душу»: де там находится *правильность* правильных решений. Получается ликвидация политического — либо в бесконечных беседах о

благе, либо в учреждении окончательного Блага. Поэтому «Государство» — не политический трактат, а педагогический, и проектируется там исправительно-воспитательное учреждение, своего рода педагогический монастырь, а не полис.

Голос «политического» в его оппозиции «философскому» звучит разве что у Калликла («Горгий»).

Вот что здесь важно (кажется мне). Политическое возникает там, где в дело вступает «логос» — речи, краткие сократовские ли исследования, долгие ораторские ли убеждения, сейчас не важно, важна *bouleusis* — агора—форум—парламент. Политическое как сфера полемики, решающей вопрос здесь и сейчас (апелляция к разным «ценностям» — только аргумент, в центре — скипетр изономии). Это *нормальное* понимание политического (или политическое как нормальное). Вместе с тем проводится, конечно, и шмиттовское разделение, определение врага. Но существует совершенно определенное *основание* этого разделения (парадигма: слова Демарата Ксерксу) (Herod. VII, 102–103): эллины всему научились сами, эллины действуют из свободы, а не из страха.

Есть текст, в котором это панэллинское самоопределение-отделение выражено предельно ясно. Это «Панегирик» Исократы. Приведу кусочек, благо он у меня под рукой:

<p>[Пер. Н. Ф. Дератани]</p> <p>(47) Философия, приохотившая нас к общественной жизни, сделавшая более дружелюбными друг к другу, научившая остерегаться зла невежества и стойко переносить неизбежное, в нашем городе укоренилась по-настоящему прочно <была открыта, нашим городом (Наш город выучился философии)> [Афины обнаружили-раскрыли философию, которая сделала нас друзьями <Аристотель тоже дружескую филию общей фило-софией обосновывает>]. А красноречие <логос, искусство разумно рассуждать> у нас стало настолько почетным, что овладеть им стремится чуть ли не каждый,</p>	<p>[Isocrates. Vol. I. (1980) / Transl. G. Norlin. Cambridge: Harvard University Press; London: William Heinemann.]</p> <p>[(47) Philosophy,¹ moreover, which has helped to discover and establish all these institutions, which has educated us for public affairs and made us gentle towards each other, which has distinguished between the misfortunes that are due to ignorance and those which spring from necessity, and taught us to guard against the former and to bear the latter nobly—philosophy, I say, was given to the world by our city. And Athens it is that has honored eloquence,² which all men crave and envy in its possessors;</p> <p>¹ For «philosophy» in Isocrates see General Introd. p. xxvi, and Cicero's definition, De orat. iii. 16, «omnis rerum optimarum cognitio, atque in iis exercitatio, philosophia».</p> <p>² Cf. Isoc. 15.295–296; Plat. Laws 641e; and Milton: «mother of arts and eloquence».]</p>	<p>(47) Φιλοσοφίαν τοίνυν, ἣ πάντα ταῦτα φιλοσοφίу, кот. все это <панэллинство> συνεξέυρε καὶ συγκατεσκεύασεν (со)открыла и (со)учредила καὶ πρὸς τε τὰς πράξεις ἡμᾶς ἐπαίδευσεν и воспитала-образовала нас для совместных действий καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐπράυνε καὶ τῶν συμφορῶν и сделала дружелюбнее в отношениях друг с другом τὰς τε δι' ἀμαθίαν καὶ τὰς ἐξ ἀνάγκης γιγνομένας διεἴλεν καὶ τὰς μὲν φυλάξασθαι, τὰς δὲ καλῶς ἐνεγκεῖν ἐδίδαξεν, — ἡ πόλις ἡμῶν κατέδειξεν, различила <зло> то, что происходит от невежества, и то, что происходит по необходимости, и научила остерегаться одного и стойко переносить другое — эту философию наш город открыл (показал) καὶ λόγους ἐτίμησεν, ὧν πάντες μὲν ἐπιθυμοῦσιν, τοῖς δ' ἐπισταμένοις φθονοῦσιν,</p>
--	--	---

<p>(48) понимая, что только дар речи отличает (обособляет) человека среди животных, что во всем остальном по прихоти судьбы неудачу терпят и умные люди, а успеха добиваются часто глупцы, зато искусство речей глупцам недоступно, являясь уделом лишь одаренных <благо-разумных душ>,</p>	<p>[(48) for she realized that this is the one endowment of our nature which singles us out from all living creatures, and that by using this advantage we have risen above them in all other respects as well;¹ she saw that in other activities the fortunes of life are so capricious that in them often the wise fail and the foolish succeed, whereas beautiful and artistic speech is never allotted to ordinary men, but is the work of an intelligent mind,</p> <p>¹ For the power and function of λόγος see Isoc. 3.5–9; Isoc. 15.273; Xen. Mem. 4.3.]</p>	<p>(48) συνειδυῖα μὲν ὅτι τοῦτο μόνον ἐξ ἀπάντων τῶν ζῶων ἴδιον ἔφουμεν ἔχοντες καὶ διότι τούτῳ πλεονεκτήσαντες καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν αὐτῶν διηγέγκαμεν, ὁρῶσα δὲ περὶ μὲν τὰς ἄλλας πράξεις οὕτῳ ταραχώδεις οὖσας τὰς τύχας ὥστε πολλάκις ἐν αὐταῖς καὶ τοὺς φρονίμους ἀτυχεῖν καὶ τοὺς ἀνοήτους κατορθοῦν, τῶν δὲ λόγων τῶν καλῶς καὶ τεχνικῶς ἐχόντων οὐ μετὸν τοῖς φαύλοις, ἀλλὰ ψυχῆς εὖ φρονούσης ἔργον ὄντας,</p>
<p>(49) что мудрые и невежественные более всего отличаются им друг от друга, и те, кто изначально воспитан в качестве свободного <не аристократический род-physis, не порода-природа> распознается не по мужеству, богатству и прочим благам в этом роде, но по речам, что верным символом <опознавательным знаком> воспитанности-образованности является умение хорошо говорить, что владеющий словом уважаем не только у себя в городе, но и повсюду [умение хорошо говорить — знак благородства].</p>	<p>[(49) and that it is in this respect that those who are accounted wise and ignorant present the strongest contrast; and she knew, furthermore, that whether men have been liberally educated from their earliest years is not to be determined by their courage or their wealth or such advantages, but is made manifest most of all by their speech, and that this has proved itself to be the surest sign of culture in every one of us, and that those who are skilled in speech are not only men of power in their own cities but are also held in honor in other states.]</p>	<p>(49) καὶ τοὺς τε σοφοὺς καὶ τοὺς ἀμαθεῖς δοκοῦντας εἶναι ταύτη πλεῖστον ἀλλήλων διαφέροντας, ἔτι δὲ τοὺς εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς ἐλευθέρως τεθραμμένους ἐκ μὲν ἀνδρίας καὶ πλούτου καὶ τῶν τοιοῦτων ἀγαθῶν οὐ γιγνωσκομένους, ἐκ δὲ τῶν λεγομένων μάλιστα καταφανεῖς γιγνωμένους, καὶ τοῦτο σύμβολον τῆς παιδείσεως ἡμῶν ἐκάστου πιστότατον ποδεδειγμένον, καὶ τοὺς λόγῳ καλῶς χρωμένους οὐ μόνον ἐν ταῖς αὐτῶν δυναμένους, ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς ἄλλοις ἐντίμους ὄντας.</p>
<p>(50) В уме и красноречии Афины своих соперников опередили настолько, что стали подлинной школой всего человечества, и благодаря именно нашему городу слово «эллин» теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение.</p>	<p>[(50) And so far has our city distanced the rest of mankind in thought and in speech that her pupils have become the teachers¹ of the rest of the world; and she has brought it about that the name Hellenes suggests no longer a race but an intelligence, and that the title Hellenes is applied rather to those who share our culture than to those who share a common blood.²</p> <p>¹ For Athens as the School of Greece see General Introd. p. xxviii; Isoc. 15.296; Thuc. 2.41.1.</p> <p>² See General Introd. p. xxxiv and Isoc. 9.47 ff. Cf. the inscription on the Genadeion in Athens: Ἕλληνες καλοῦνται οἱ τῆς ποεδεύσεως τῆς ἡμετέρας μετέχοντες.</p>	<p>(50) Τοσοῦτον δ' ἀπολέλοιπεν ἡ πόλις ἡμῶν περὶ τὸ φρονεῖν καὶ λέγειν τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους, ὥσθ' οἱ ταύτης μαθηταὶ τῶν ἄλλων διδάσκαλοι γεγόνασιν, καὶ τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα πεποίηκεν μηκέτι τοῦ γένους, ἀλλὰ τῆς διανοίας δοκεῖν εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἑλλήνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδείσεως τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας.</p>

От этого народа существ-обладающих-словом (основание дружбы) отделяются все прочие живые существа — животные, рабы, варвары — как не владеющие речью, не умеющие принимать решение о совместном бытии путем совместного обсуждения, то есть как *вне-политические* (вне-полисные).

Человек есть *zoon politikon*, поскольку он есть *zoon logon exon*.

Пока все. Набрал много и не очень системно, чтобы Вы видели, с каким *zoon* имеете дело, и могли провести сообразное разделение.

Не премину еще раз настоятельно повторить: уважаемый Александр Фридрихович! Пожалуйста, не вменяйте в обязанность Вашей вежливости не только входить в мои дебри, но даже и вообще отвечать сколько-нибудь подробно. Мне не трудно представить себе степень Вашей занятости и увлеченности собственным делом. Не отвлекайтесь. Много Вашего мною еще не читано, хватит времени и сил, вчитаюсь: или получу ответы, или пойду дальше починять свой примус.

Всяческих Вам успехов, здоровья и хоть отдаленных просветов на нашем общем небосклоне.

* * *

Уважаемый Анатолий Валерианович!

Немного странными кажутся наши личные обращения в научной публикации; впрочем, оба мы помним ироничный прогноз, сделанный, кажется, еще в ту эпоху, когда физики не то шутили, не то продолжали шутить. Специализация в науке, все более узкая, приведет к тому, предрекали тогда, что в мире найдется не больше двух человек, занимающихся одной проблемой, так что статьи в журналах будут начинаться с прямого личного обращения, принятого в переписке. Что ж, будем ли мы считать, что дожили до предсказанных времен? Как бы не так! Труды Карла Шмитта, его биография, да и связи одного с другим обсуждаются в тысячах публикаций, так что *быть специалистом* по Шмитту в наши дни столь же невозможно, как быть дилетантом. Личное обращение, скорее всего, имеет иной смысл: это интуитивное возвращение к форме «Республики писем», из которой когда-то выростала современная наука и к которой она, быть может, принуждена вернуться, минуя все преграды на пути мысли, будь то пресловутое анонимное рецензирование или загадочный «фактор влияния». Ученые все еще могут говорить о том, что им интересно.

Перейдем теперь к Вашим рассуждениям. Первое из них не то чтобы маловажно, отнюдь нет, но главное в нем — определение суверенитета, которое мы находим у Шмитта в «Политической теологии», то есть в определенный период, в определенном контексте. Этот период и этот контекст для лучшего понимания необходимо всегда иметь в виду. Определение Шмитта — внимание! — столько же теологическое, сколько и политико-юридическое, и современные дискуссии вокруг него обычно тем более плодотворны, чем более вовлекают в рассмотрение также и этот второй, теологиче-

ский план. Но попробуем временно вынести его за скобки. Останемся в пределах политико-юридического.

Ваши сомнения по поводу обратимости данного определения я бы переформулировал так: Шмитт говорит, что суверен — это тот, кто может ввести чрезвычайное положение и прекратить действие законов, но если чрезвычайное положение введено, суверен может его и не отменять, *потому что ему выгодно*. Конечно, это очень абстрактное представление. В самом деле, революция, во время которой создается упомянутая Вами ВЧК, сама по себе есть положение чрезвычайное, все или почти все прежние законы не действуют, потому что исчезло пространство нормы. Поэтому здесь требуется важное различие, которое Шмитт и вводит в книге «Диктатура», вышедшей за год до «Политической теологии». Это различие между диктатурой комиссарской и диктатурой суверенной. Слово «комиссар» у нас прочно ассоциируется со временами Октябрьской революции и Гражданской войны. Однако исторически оно, конечно, много старше и, в общем, означает «порученец». Диктатура порученцев «защищает конкретную конституцию от посягательств, которые грозят эту конституцию уничтожить. ...Акция диктатора должна привести к такому состоянию, при котором право может быть осуществлено, поскольку любая правовая норма предполагает нормальное состояние в качестве гомогенной среды, в которой она действует»³. Именно поэтому диктатура такого рода, во-первых, временная, а во-вторых, возможна для отдельных областей государства. И то и другое логически невыводимо из понятия о праве, но работает именно как исключение. И — в политико-правовом смысле — именно так и надо понимать рассуждения в «Политической теологии» о том, что нормальное не доказывает ничего, а исключение доказывает все. Суверен — тот, кто может временно, на ограниченных территориях приостановить действие конституции и дать поручение назначенному им диктатору, а при нормализации ситуации вернуться к рутинному конституционному порядку. Однако весь расклад меняет понятие *суверенной диктатуры*. «Суверенная же диктатура весь существующий прядок рассматривает как состояние, которое должно быть устранено ее акцией. Она не *приостанавливает* действующую конституцию в силу основанного на ней, и стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией. Таким образом, она ссылается не на действующую конституцию, а на ту, которую надлежит ввести»⁴. Но если конституции еще нет, то нет и действующего права, а если нет права, то все действия суверенного диктатора неправовые? Шмитт намерен доказать, что это не так. Правовой смысл имеет действие конституирования права, а тот, кто совершает это действие, получает право не от высшей инстанции, но от себя самого — как *власть конституирующая*. Народ, нация — по учению обильно цитируемого Шмиттом Сийеса (развивающего идеи Спинозы и Руссо) — не ограничены рамками права, потому что сами являются его источником. Оттого и *народные комиссары* — порученцы народа — имеют очень специфические полномочия.

3. Шмитт К. (2005). Диктатура / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. СПб: Наука. С. 157, 158.

4. Там же. С. 158.

Эти полномочия не определены, однако их особенность состоит в том, что комиссары при суверенной диктатуре не получают точного персонального поручения, а вместе с тем ссылаются на такую власть, которой в принципе не может быть положено пределов. Собственно, тут мы и застаем ту беспокоящую Вас формулу, которая может быть повернута куда угодно. От имени народа можно натворить куда больше, чем по поручению суверена, это очевидно, но и это еще не все. Ведь вопрос не в выгоде, которую извлекают народные комиссары, а в самой конструкции, и если уже конструкция народного суверенитета у Руссо разоблачается как перманентная революция, разрушающая и вновь создающая правопорядок, тогда суверенная диктатура — это отнюдь не диктатура чрезвычайного положения, понимаемого как исключение. Тогда чрезвычайное положение и есть рутина. Собственно, вся более или менее релевантная критика Шмитта вертится вокруг этого вопроса: что создает суверенный диктатор: порядок или постоянную войну на уничтожение того, что сам порождает? И кто такой господин чрезвычайного положения: суверен, принимающий решения и дающий поручения диктаторам-комиссарам, или суверенный диктатор, при котором только чрезвычайное и полагается как право? В особенности сложен этот вопрос, когда речь заходит о современных демократиях.

Что касается «дополнительных механизмов», это слишком большая тема для переписки. Отсылаю к «Приложению» к «Диктатуре». История известная, но все равно мутная. В Веймарской Конституции была статья 48, предусматривавшая особые полномочия президента. Шмитт рассматривал диктатуру рейхспрезидента несколько раз, в том числе и в данной работе. Об ограничениях полномочий диктатора в правовом государстве он писал: «...Типичная картина регламентирования чрезвычайного положения в правовом государстве состоит в том, что здесь описываются и ограничиваются и предпосылки предоставления чрезвычайных полномочий, и содержание этих полномочий, а кроме того, учреждается особый контроль. При этом должно, конечно, оставаться некоторое пространство для маневра, потому что в противном случае преследуемая таким учреждением цель — допустить возможность энергичного вмешательства — не была бы достигнута, а государство и конституция могли бы погибнуть из-за своей «легальности». Предпосылки предоставления чрезвычайных полномочий могут быть ограничены путем перечисления особых обстоятельств... В качестве дальнейшего ограничения, проводимого в рамках правового государства, к определению предпосылок примыкает точное указание содержания чрезвычайных полномочий. Диктатору дается по возможности более точный перечень тех экстраординарных средств, к которым он может прибегнуть... усугублено введением более жестких наказаний за определенные преступления и т. д. Все эти перечни говорят о том, что помимо перечисленных в них полномочий диктатор не обладает свободой действий...»⁵. Но все дело в том, что у немцев президент в то время отнюдь не был ничем ограничен в таком смысле. Шмитт объясняет это тем, что в 1919 году надо было наделять его особыми полномочиями в особой ситуации, а теперь — уже в середине 20-х, — если считают, что нормальное состояние достигнуто, надо было бы пропи-

5. Там же. С. 273, 274.

сать ограничивающие моменты, и это ничуть не затрагивало бы самую конституцию. Вот тут мы подходим к самому неприятному. Потому что для укрепления порядка, находящегося под угрозой, возможно, как мы видим, предоставление опасно широких полномочий тому, кто выступает как шмиттовский суверен — господин чрезвычайного положения, заново учреждающий порядок. От кого он получил полномочия? От народа! Но в системе представительного правления воля народа не реализуется в решениях непосредственно. Значит, диктатор, казалось бы, действует как «народный комиссар»? Но действует он не на пустом поле, а там, где прежде было право, только вот оно не действовало. И для защиты права нарушаются права. В середине 20-х Шмитт, с позиций правового государства, показал, что президент — не суверенный монарх и не суверенный диктатор. Первый может переступить через конституцию, второй конституцию создает на пустом месте. Но логика рассуждений о суверенитете оказалась сильнее всех доводов. Эта логика привела Шмитта к тому, чтобы поддерживать тех, кто, по его мнению, мог хотя бы и путем чрезвычайных мер привести ситуацию в Германии — все более и более беспокойную в начале 30-х гг. — к новой нормализации. Так он, в конце концов, поддержал и Гитлера.

Перейдем теперь ко второму, философскому пункту. То место, на которое Вы ссылаетесь, в оригинале выглядит так: «Wenn eine solche Vernichtung menschlichen Lebens nicht aus der seinsmäßigen Behauptung der eigenen Existenzform gegeneüber einer ebenso seinsmäßigen Verneinung dieser Form geschieht, so läßt sie sich eben nicht rechtfertigen»⁶. Несомненно, перекличка с Хайдеггером внятна всем, кто читал обоих мыслителей⁷. Конечно, интерпретация «Бытия и времени» для меня слишком рискованное мероприятие, однако дело отчасти облегчается тем, что делает сам Хайдеггер в упомянутом Вами курсе лекций⁸. Этот текст — важнейший источник, касающийся отношения Хайдеггера к философской антропологии, которое мы кратко обсуждали в нашей прошлогодней переписке. Напомню, что широко распространено воззрение, которое не чуждо, кажется, и Вам, что Хайдеггер радикально «разобрался» с философской антропологией уже до «поворота». Однако сразу по выходе «Бытия и времени» все выглядело иначе, философское завещание Макса Шелера «Положение человека в Космосе» и монументальный труд Хельмута Плеснера «Ступени органического и человек» (впечатление от которого было сильно смазано, впрочем, по позднейшему признанию Плеснера, брошюрой Шелера) были одной из самых влиятельных альтернатив проекту Хайдеггера, в чем он, конечно, отдавал себе отчет. Вот в этом лекционном курсе он попытался пройти по той же самой литературе и той же самой проблематике, на которую делали упор основатели философской антропологии⁹.

6. Если такое физическое уничтожение человеческой жизни совершается не из бытийственного утверждения собственной формы экзистенции в противоположность столь же бытийственному отрицанию этой формы, то именно его и нельзя оправдать (*Schmitt C.* [1963]. *Der Begriff des Politischen*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 50).

7. Теперь бы я стал переводить «бытие-вот», но сейчас это неважно.

8. См.: *Heidegger M.* (1983). *Gesamtausgabe*. II. Abt. Bd. 29/30: *Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt — Endlichkeit — Einsamkeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.

9. Арнольд Гелен сильно запоздал, в это время он только защищал первую диссертацию.

Отношение человека к миру — в отличие от отношения животного к окружающему миру — представляет особую важность для философской антропологии. Хайдеггер корректирует антропологический подход, поскольку говорит об *образовании* мира, а не о мире как существующем до и независимо от человека. Он, однако, подхватывает самое проблематику, постановку вопроса. Отсюда проистекает, собственно, и возможность разных толкований того, что составляет один из основных мотивов его лекционного курса. Одни видят здесь специфическое развитие тезисов «Бытия и времени»¹⁰, другие — их ревизию¹¹. Дело заключается в том, насколько термины и ходы мысли Хайдеггера приобретают здесь значение, сравнительно более близкое к повседневному, поскольку в рассмотрение включается также и биологический материал. Биологическое устройство организма таково, каково оно *есть*. В философской антропологии, считает Хайдеггер, все ограничивается именно тем, что есть, наличным, *свойствами* человека. Это не совсем справедливо, но в данном случае неважно.

Посмотрим, что говорил в лекциях сам Хайдеггер. Проблему смерти он рассматривает, демонстрируя различие между философскими и научными понятиями и отсылая к соответствующим (46 и следующим за ним) параграфам «Бытия и времени». «Человек всегда некоторым образом относится к смерти, то есть [именно] к своей смерти. В этом заключено [следующее]: Человек *может* забежать вперед к смерти как предельной возможности своего бытия-вот и уже отсюда понять себя в самой подлинной и полной самостности своего бытия-вот»¹². Нас, однако, подстерегает опасность вульгарного, обиходного словоупотребления, продолжает Хайдеггер. Ведь получается, что человек, чтобы подлинно существовать, должен постоянно думать о смерти, а поскольку вынести такое существование невозможно, ему остается только самоубийство — вывод совершенно безумный. Но откуда же взялось это недоразумение? Дело в том, что так можно было бы сообщать о *свойствах* человека, существующего наряду с камнями, растениями и животными. У человека *наличествует* некое отношение к смерти, и вот: это наличное выставляют в качестве требования, чтобы отношение к смерти было постоянно именно таким. Однако же при этом упускают из виду, что основной характер человеческой экзистенции составляет *решимость*, причем не я обладаю решимостью, но она овладевает мною¹³. Это решающее мгновение действия, и оно остается затем в воспоминании, сохраняя важность, хотя и не будучи в наличии. Вульгарный же рассудок не видит, что есть разница между повседневным существованием и мгновениями решимости. Итак, повседневность — это наличное, продолжительное, это неподлинная экзистенция, и ее связь с подлинной не есть нечто наличное, происходящее в человеке так же, как совершаются любые процессы.

---

10. См.: *Beelmann A.* (1994). *Heideggers hermeneutischer Lebensbegriff*. Würzburg: Königshausen & Neumann. См. в особенности S. 237 ff. (исследование «генетических связей» с поздними трудами Шелера).

11. См., напр.: *Wunsch M.* (2010). *Heidegger — ein Vertreter der Philosophischen Anthropologie?* // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. Bd. 58. № 4. S. 553.

12. *Heidegger M.* Op. cit. S. 426.

13. См.: *Ibid.* S. 426 f.

Понятия смерти, решимости, истории имеют значение *не свойств* наличествующего, но указаний на понимающее самопреобразование бытия-вот¹⁴.

Вы пишете: «У Хайдеггера экзистенциальная решимость предполагает экзистенцию, выход из своего всегда уже наличного бытия, но выход собственно в себя, в собственного себя, открытие (Erschließen) собственного себя как виновника собственного бытия. Экзистенция есть поэтому предельное «объединчивание» — Vereinzelnung. Такова экзистенциальная предпосылка всякого возможного Mit-Sein. Оно — со-бытие, со-общество экзистенциально само-бытных, авто-номных (суверенных)». Я позволю себе здесь небольшое добавление. Совместное с другими бытие Хайдеггер в «БиВ» описывает не как сообщество «экзистенциально само-бытных», а как область «das Man». То, что из этого можно сделать целую социологию, в то время мало кто понял. Но все описания бытия-в-мире у Хайдеггера очень социологичны. Но это все-таки бытие-в-мире. А может ли быть сообщество самобытных, самостей? Впоследствии — справедливо или нет, это другой вопрос, — Ханна Арендт упрекала Хайдеггера: «... Самость, взятая в ее абсолютной изоляции, бессмысленна; если же она не изолирована, то, падшая в повседневность людей, она уже больше не самость»¹⁵. А если в понятие человека не входит совместная жизнь с другими людьми, атомизированные самости могут быть примирены только механическим образом, на гетерогенной им основе некоторой сверхсамости¹⁶. Это политический вывод, политическая критика того, что является имманентно политическим в самой сердцевине философии Хайдеггера, потому что сверхсамостью у него, как можно предполагать, оказывается — в понимании Арендт — «немецкий народ, знающий себя в своем государстве»¹⁷. Это именно то самое время, дух которого, как Вы пишете, менялся. Но Хайдеггер оказывается тогда, как и Шмитт, не более чем игрушкой духа времени. «Что же тогда выпадает на долю индивидуального *Dasein*, которому *случилось* быть фактически заброшенным сюда (da): в этот исторический момент, в этот народ? Разумеется, включиться в экзистенциальную революцию общенародного *Dasein*», — пишете Вы. Но если нечто «выпало на долю» тому, кто «заброшен», при чем тут его «решимость»? Как толкуется его «*Dasein*»? Как «*in-der-Welt-sein*»? Но тогда коллективность продолжает быть столь же неподлинной, как и наличное индивидуальное существование.

Именно здесь мы можем вернуться к Шмитту. Связь между ним и Хайдеггером, конечно, была, и сочинения друг друга они читали, и переписывались, в том числе и в роковом 1933 году, начиная активное политическое сотрудничество с нацистами. Немаловажно, что продолжалась эта связь и после войны, но в нашем случае этой стороны дела мы не касаемся. Чуть ли не первая из послевоенных критических работ посвящена как раз анализу *решения* как того, что объединяет Шмитта, Хайдеггера

14. См.: Ibid. S. 428 f.

15. Arendt H. Was ist Existenzphilosophie? S. I. S. a. S. 35.

16. Ibid. S. 38.

17. Формула, использованная Хайдеггером в ректорской речи «Самоутверждение немецкого университета», при вступлении в должность в 1933 г. См.: Heidegger M. (2000). Gesamtausgabe. Abt. I. Bd. 16. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. S. 108.

и Эрнста Юнгера¹⁸, есть и более поздние работы того же рода¹⁹, так что в некотором роде вопрос хорошо исследован. Но я бы добавил сюда еще и то, о чем пишу выше, то общее, что есть у раннего Хайдеггера, философской антропологии и Шмитта. Прежде всего, конечно, у Шмитта свои серьезные отношения с философской антропологией, его переключки с Шелером достаточно известны, а что касается Плеснера, то это, пожалуй, наиболее показательный случай. Плеснер в начале 30-х публикует книгу «Власть и человеческая природа», где одобрительно цитирует Шмитта, а Шмитт в переиздании «Понятия политического» в виде брошюры в то же время столь же одобрительно цитирует Плеснера. Антропология Плеснера содержит утверждение о человеке как существе не столько слабом и недостаточном, сколько неопределенном. «Человек как власть» называется одна из глав книги Плеснера. Можно было бы сказать, что понимание человека как власти есть перетолкование понятия свободы. Но в традиционное понятие свободы не входит то, что закладывает в понятие власти Плеснер: опасность и угроза, которые представляет человек для человека. Не заложено в него и то конкретное борение и решение, о которых говорит Плеснер. «Это самоопределение человека не имеет ничего общего с кантовской автономией, если считать эту последнюю вневременным основным актом свободного самостояния (Selbstnahme), выше которого ничего нет»²⁰. Выше человека, — пишет Плеснер, — его история, история решений, *которые уже были приняты прежде*. По отношению к ним всякий раз, принимая решения, приходится определяться: держаться ли уже принятых прежде решений или нет. «В этом отношении неопределенности применительно к самому себе человек опознает себя как власть и выявляет себя для своей жизни, теоретически и практически, как открытый вопрос. В чем он себе в этом отречении [от определенности] отказывает, то снова прирастает у него как сила можествования. То, что тем самым обретено в полноте возможностей, одновременно решительным образом отграничивает его от бесконечного множества иных возможностей понять себя и постигнуть мир, тех возможностей, которых он теперь уже не имеет»²¹. Приращение и ограничение возможностей сопряжены друг с другом, прошлое не детерминирует настоящее и будущее — это Плеснер называет принципом «открытой имманентности». В конце концов, он приходит — внимание! — к тому, что человек может реализовать себя только в своем народе²². Взаимосвязи философской антропологии Плеснера и политической философии Шмитта хорошо изучены²³, и я только напоминаю об этом. Главное для нас сейчас вот что: если есть такая линия, которую я условно называю линией философской антропологии, то к ней в данном случае относятся и Шмитт, и

18. См.: *Krockow Chr. v.* (1958). *Die Entscheidung: Eine untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger*. Stuttgart: Enke.

19. См.: *Rother R.* (1993). *Wie die Entscheidung lessen? Zu Platon, Heidegger und Carl Schmitt*. Berlin, Wien: Turia & Kant.

20. *Plessner H.* (1979). *Macht und menschliche Natur // Plessner H. Zwischen Philosophie und Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 319.

21. *Ibid.* S. 321.

22. См.: *Ibid.* S. 361 ff.

23. См., напр.: *Kramme R.* (1989). *Helmuth Plessner und Carl Schmitt*. Berlin: Duncker & Humblot.

Плеснер, и Хайдеггер. Здесь решимость, решение и самореализация через политическое единство народа — один из устойчивых мотивов, которые надо рассматривать и как дань духу времени, и как попытки на него, этот дух времени, повлиять. Таким образом, я оспариваю у Вас именно это: нет никакого столкновения человека-одиночки и человека-арийца. Все, что должно было произойти, по самой логике мысли, происходит именно с одиночкой, который с готовностью обращается к политическому единству, потому что сам для себя невыносим.

Обращаясь к третьему пункту, я нахожусь в затруднении. То, что я сумел для себя уяснить, не вызывает желания спорить. Вот это место в Вашем письме суммирует все важное: «От этого народа существ-обладающих-словом (основание дружбы) отделяются все прочие живые существа — животные, рабы, варвары — как не владеющие речью, не умеющие принимать решение о совместном бытии путем совместного обсуждения, то есть как *вне-политичные* (вне-полисные).

Человек есть *zoon politikon*, поскольку он есть *zoon logon echon*».

Так и есть. Но здесь мы вступаем в совершенно новую область. Для Шмитта политическое есть противостояние одного народного единства другому. Если речь заходит о внутренней политике, эта конструкция ничего не дает. Единственная попытка Шмитта рассмотреть внутреннюю жизнь как политически напряженную — его работы, посвященные устройству тоталитарного государства²⁴, в то время как знаменитые работы о кризисе парламентаризма сводятся к тому, чтобы продемонстрировать невозможность конституирования политического в разумной речи в современную эпоху. Здесь обращение к античности нам поможет лишь отчасти. Мы должны были бы привлечь к рассмотрению и труды Ханны Арендт, в которых читается скрытый ответ Шмитту, и инспирированные как Шмиттом, так и Арендт, сочинения Хабермаса, и критику Хабермаса в работах Лумана о процессуальном характере демократии.

Но все это увело бы нас слишком далеко от темы.

Наверное, в этом месте следует просто поставить точку.

С уважением,
А. Ф. Филиппов

---

24. См., напр.: *Schmitt C.* (1933). *Staat — Bewegung — Volk*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.

Политическая философия и политическая экономия

Камиль Галеев*

REINERT S. A. (2011). *TRANSLATING EMPIRE: EMULATION AND THE ORIGINS OF POLITICAL ECONOMY*. CAMBRIDGE: HARVARD UNIVERSITY PRESS. 438 P. ISBN 0674061519

Аннотация. Рецензия на книгу Софуса Райнерта «*Translating empire: emulation and the origins of political economy*», в которой автор рассматривает историю развития новой дисциплины через призму истории переводов и переизданий экономических трудов XVII–XVIII вв. Основной тезис книги заключается в том, что экономическое состязание между государствами есть такая же борьба, что и военное соперничество, основу экономическому развитию всегда закладывают государственные интервенции, что очевидно на примере Англии, традиционно считавшейся оплотом свободной торговли.

Ключевые слова: Софус Райнерт, экономика, политическая экономия, история Англии, история Ирландии, Джон Кэри, интеллектуальная история, колониализм, история экономики, Другой канон.

«Europe generally, industrialized while adhering to theories and pursuing policies which have little to do with the historiography of political economy invented retroactively in Britain in the second half of the nineteenth century»¹ (p. 3).

Книга гарвардского историка Софуса Райнерта² «*Translating empire: emulation and the origins of political economy*» не переведена на русский. А жаль — это отличная работа по интеллектуальной истории. Как следует из названия, она посвящена истории возникновения политической экономии. Слово «*translating*» употреблено не случайно — автор рассматривает историю развития новой дисциплины через призму исто-

* **Галеев Камиль Рамилевич** — студент 3-го курса факультета истории НИУ ВШЭ. E-mail: kamilkazani@gmail.com

© Галеев К. Р., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. «Европа проводила свою индустриализацию, придерживаясь теорий и осуществляя меры, которые в основном имели мало отношения к историографии политической экономии, придуманной ретроспективно в Британии во второй половине XIX в.».

2. Софус Райнерт преподает в Гарвардской школе бизнеса в качестве Assistant Professor of Business Administration. Среди его известных работ — *Serra A. (2011). A short treatise on the wealth and poverty of nations (1613). / Transl. J. Hunt; ed. S. A. Reinert. L., N. Y.: Anthem Press*. Это издание книги неаполитанского мыслителя XVII в. Антонио Серры — «Короткий трактат о причинах, которые могут сделать королевства изобильными золотом и серебром даже в отсутствии рудников».

рии переводов и переизданий экономических трудов XVII–XVIII вв. Фабула строится вокруг почти забытого, но важнейшего для понимания истории Просвещения произведения — «*Essay on the state of England*» Джона Кэри.

Софус Райнерт — настоящий сын своего отца, норвежского экономиста Эрика Райнерта³, и его идейный последователь. Один из основных тезисов трудов Райнерта-старшего — наличие в европейской традиции Нового времени, наряду с ортодоксальным либеральным канонам экономической теории (*laissez faire — laissez passer*), «другого», более раннего, чем либеральный, протекционистского канона.

Исходная предпосылка этого «другого» канона заключается в следующем. Разные виды экономической деятельности обладают разной «технологической емкостью», т. е. разным потенциалом для рационализации и внедрения инноваций и в конечном счете для экономического роста. Отсюда следует вывод о том, что экономический успех зависит в огромной степени от правильного выбора поля деятельности. Обобщая, можно сказать, что сельское хозяйство и добыча сырья — плохие области специализации, ведущие к бедности, а промышленность — хорошая, и она ведет к богатству. Это противоречит базовой предпосылке неоклассической традиции, которую нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен сформулировал как «*equality assumption*» — вложение равного количества трудовых и материальных ресурсов в разные виды деятельности приносит одинаковую отдачу. Возрастающая отдача от масштаба производства и QWERTY-эффекты, связанные прежде всего с тем, что «плохие» виды экономической деятельности не только плохо поглощают инновации, но и плохо их производят, приводят к тому, что новые игроки на «хороших» рынках будут проигрывать старым. Значит, правительствам стран, которые хотят достичь благополучия, следует искусственно стимулировать рост в «правильных» отраслях. Это возможно за счет закрытия рынка введением таможенных пошлин, выплаты субсидий на экспорт, государственной поддержки заимствования чужих технологий, в том числе промышленного шпионажа и т. д.

«Другому» канону следовали все без исключения страны, когда-либо достигавшие экономического благополучия. Добившись успеха, развитые страны, однако, каждый раз пытались запретить странам-конкурентам следовать их примеру. По выражению германо-американского экономиста Фридриха Листа, ведущая промышленная держава — Англия стремилась «отбросить за собой лестницу»⁴. Иногда это происходило насильственным путем: на ранних стадиях промышленность стран-конкурентов попросту уничтожалась, как уничтожили англичане текстильную промышленность Ирландии («Шерстяной акт» (*Wool Act*) английского парламента от 1699 г. запрещал вывоз готовых шерстяных изделий из Ирландии), на более поздних — ее давили бо-

---

3. Эрик С. Райнерт — глава фонда «*Other Canon*», автор знаменитой книги «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными».

4. Современный кембриджский экономист Ха Джун Чанг использовал это выражение Листа в названии одной из главных своих работ — «Отбрасывая лестницу: стратегии развития в исторической перспективе» (*Chang H.-J.* [2002]. *Kicking away the ladder: development strategy in historical perspective.* L.: Anthem).

лее мягкими методами, такими, например, как хлопкопрядение в Индии, промышленность Китая (т.н. «gunboat diplomacy») и, что менее известно, — Южной Европы.

Важную роль в «отбрасывании лестницы» играли и «эзотерические» либеральные экономические теории (рецепты), предназначенные лишь для экспорта. Так, Адам Смит категорически не советовал американцам строить собственную промышленность, утверждая, что это приведет к падению доходов американцев. А Джон Кэри рекомендовал ирландцам и жителям прочих английских колоний сосредоточиться на сельском хозяйстве — совсем к другим мерам он призывал в Англии.

Софус Райнерт разделяет в целом как идеи Райнерта-страшного, так и его интерес к старым малоизвестным сочинениям по экономической теории. Но их подходы различаются: Райнерт-старший — экономист, а Райнерт-младший — историк. Несмотря на широкую и беспрецедентную для экономиста эрудицию Эрика Райнерта, основной предмет его интереса — модель, а исторический контекст — лишь эмпирический материал для доказательства основного тезиса. Для Софуса же, напротив, исторический контекст и есть самое важное, он сам по себе заслуживает детального рассмотрения. Книги Райнерта-младшего рассчитаны на более подготовленного читателя. Манера его повествования, да и письма, напоминает барочный стиль Якоба Буркхардта, если это вообще можно сказать о тексте, написанном на академическом английском.

В книге пять частей. Первая, «Emulation and translation», посвящена общему историческому и интеллектуальному контексту эпохи, вторая — английскому оригиналу книги Кэри, последующие — соответственно, французскому, итальянскому и немецкому переводам, отличающимся от оригинала как по содержанию, так и по политическому контексту, а значит, и политическому смыслу.

Политическая философия и политическая экономия

Еще у Монтескье можно встретить весьма распространенное до сих пор заблуждение. Французский философ противопоставляет жестокое царство войны и политики, в котором всегда есть победители и побежденные (и горе побежденным!), мирному царству *doux commerce*, «невинной коммерции» — области взаимного сотрудничества, согласия и взаимообогащения. Насколько нарисованная французским просветителем картина отражает реальность?

Наблюдения и сюжеты экономического характера можно встретить еще у древних авторов — вспомним, как Маркс в «Капитале» писал о «буржуазном инстинкте Ксенофонта»⁵. Но до раннего Нового времени экономическим проблемам не уделя-

---

5. Он имел в виду историю из «Киропедии». Захватив Вавилон, Кир Великий поразился невиданно высокому качеству его товаров. Ксенофонт объясняет это так. В маленьких поселениях один человек не может прокормить себя, занимаясь только одним ремеслом, он должен быть попеременно горшечником, плотником и т.д., и поэтому не может довести свои навыки до совершенства. А в больших городах узкая специализация приводит к повышению качества изделий. Это рассуждения вполне в духе Адама Смита.

лось и сотой доли того внимания, какое им стали уделять с его приходом. С чем это связано?

Дело в том, что только в XVI–XVII вв. экономическую политику начали воспринимать как способ достижения власти — не власти одного частного лица над другим, но власти одной страны над остальными. Этот столь привычный для нас ответ на вопрос о секретах могущества был неочевиден для людей предыдущих эпох. Античные авторы полагали, что господствующее положение государства обеспечивается доблестью и простотой нравов. Еще Тацит, писавший о римских *arcana imperii* (тайнах господства), обеспечивших римское господство, имел в виду в первую очередь именно *virtu* — понятие, которому нет аналога в русском языке. Это и доблесть, и добродетель, причем непременно публичная, выражающаяся в участии в жизни государства, и, разумеется, мужская — неслучайно *virtu* образовано от *vir*. Те авторы Ренессанса, которые следовали классической традиции — от Макиавелли до Михалона Литвина, разделяли эту точку зрения.

С XVI в. в Европе все более распространяется представление о том, что *arcana imperii* лежат в области экономики. Казанова, описывая в своем «Китайском шпионе» древние Пунические войны, в которых военная держава — Рим, победила коммерческую — Карфаген, замечает, что в современных ему условиях исход борьбы был бы совершенно иным. Этот вывод неудивителен для современника Семилетней войны и свидетеля гибели первой французской колониальной империи. Из всего опыта и наблюдений Казановы следовал неутешительный для Франции прогноз относительно исхода ее противостояния с Англией. Если, конечно, Франция не сумеет превзойти Англию также в области коммерции.

В чем заключались эти новые *arcana imperii*, по мнению людей раннего Нового времени? Современному человеку трудно понять это, не зная языка и терминологии эпохи.

Как отмечалось выше, внимание Райнерта приковано к истории переводов и истории распространения экономических идей, а значит — к истории языка и теоретических концепций. Целые разделы книги посвящены этим концептам — общераспространенным в XVII–XVIII вв., но забытым в наше время: понятию «*jealousy of trade*» (р. 18), классической идиоме «*dicere leges victis*» (р. 24), приобретшей в XVIII в. новое звучание, и, наконец, идее «*emulation*» (р. 31) — неслучайно это слово вынесено в заглавие книги.

«*Jealousy of trade*». Понятие, которое трудно буквально перевести на русский. Подготовленный читатель догадается, что речь идет о протекционистских мерах по защите собственной торговли и промышленности, но, не зная философского контекста эпохи, нельзя догадаться, что «*jealousy of trade*» — отсылка к ключевой метафоре Гоббса. По Гоббсу, мир состоит из враждующих государств — Бегемотов и Левиафанов, находящихся по отношению друг к другу в «естественном состоянии», состоянии войны, и руководствующихся собственными «*jealousies*». Метафора «*jealousy of trade*» вскрывает политическую подоплеку экономического состязания — мир делится на

друзей и врагов, в торговом состязании есть победители и побежденные, причем это не отдельные индивиды, а целые государства.

Не менее важная, равно забытая метафора эпохи «*dicere leges victis*» — давать законы побежденным. Конечный смысл всякой войны состоит в праве диктовать свои законы побежденному, навязать ему *juris-diction*. Античные авторы⁶ подчеркивали, что никакие успехи ни в какой области человеческой деятельности не имеют смысла, если не будет победы в войне, ибо все, что имеют побежденные, в том числе и они сами, достается победителю. Эта метафора была общераспространенной не только в сочинениях древних римлян, но и в работах европейцев Нового времени — Макиавелли, Жана Бодена, Локка и др. Достаточно отметить, что перевод выражения «to give the laws» приводился в словарях того времени, например, в англо-испанском словаре 1797 года.

Но лишь в Новое время европейцы пришли к пониманию, что дать свои законы побежденному можно, не совершая завоеваний, просто победив в экономическом состязании. Уже после битвы при Бленхейме (одно из крупнейших сражений войны за испанское наследство, в котором войска герцога Мальборо разгромили франко-баварскую коалицию) в Европе распространяется опасение, что англичане будут диктовать законы всей Европе, а после Утрехтского мира оно перерастает в твердую уверенность. Казанова и Гудар в «Китайском шпионе», описывающем вымышленное путешествие китайского эмиссара Cham-pi-pi по Европе, вкладывают в уста своего героя, увидевшего на горизонте английский берег, восклицание: «Так вот оно — то знаменитое могучее государство, которое господствует на морях, и дает сейчас свои законы нескольким великим нациям!» (р. 68).

Итак, война и коммерция — разные стороны одного и того же явления — межгосударственного соперничества. Ставки в этом соперничестве, будь то на поле коммерции или на поле боя, одинаково велики — победитель диктует свои законы побежденному.

Третий концепт Просвещения — «*emulation*» (от латинского *aemulari*). Словари определяют *emulation* как желание превзойти кого-то или как «noble jealousy». По определению Гоббса, *Emulation* — противоположное зависти (*Envy*) чувство. Это желание достичь благ, которыми обладает объект «эмулирования», и оно присуще «молодым и благородным» (Young and Magnanimous) людям. Существовало общераспространенное мнение, что государство может достичь успеха только за счет «эмулирования» более успешных соперников.

---

6. У Райнерта в данном случае нет ссылок на античных авторов — мы имеем в виду «Законы» Платона и «Киропедию» Ксенофонта.

Джон Кэри. «Essay on the state of England»

«The English model was a Janus-faced phenomenon that haunted the economic imagination of eighteenth-century Europe. Trade could unite humanity with bonds of culture and commerce, but it could also cause the enslavement and desolation of the entire countries»⁷ (p. 141).

Рубеж XVII–XVIII в. — время коренных преобразований в истории Англии. В нашей историографии принято говорить об этом периоде как об эпохе Славной революции 1689 г., когда были свергнуты Стюарты и на английский престол вступил голландский штатгальтер Вильгельм Оранский. В англоязычной литературе чаще употребляется более широкий термин — Williamite Revolution, который включает в себя все преобразования за тринадцать лет правления Вильгельма Оранского⁸. Это время становления английской армии и, что куда более важно, королевского флота. Королевская власть была существенно ограничена Биллем о правах, что стало важным шагом на пути превращения страны в парламентскую монархию. Англия вступила в эпоху национализма и агрессивного экспансионизма, что привело к резкому наращиванию военных расходов (налоговое бремя в стране было чуть ли не самым тяжелым в Европе).

Точные даты рождения и смерти Джона Кэри неизвестны. Он начал свою карьеру подмастерьем ткача в Бристоле, разбогател на торговле тканями, организовывал торговые экспедиции в Вест-Индию. Был делегатом английского парламента в Ирландии и принимал участие в проведении Williamite Settlement — конфискации земли у католиков⁹ и передаче ее протестантам. Считается, что именно Кэри инициировал принятие «Акта о шерсти» (Wool Act) 1699 г., который запретил экспорт шерстяных тканей из Ирландии, чтобы не создавать конкуренции английскому текстилю. О последних годах жизни Кэри известно мало — в 1720 г. он попадает в тюрьму, и его следы теряются.

«Essay on the State of England» — крупнейшее и самое значительное произведение бристольского купца. Оно примечательно уже тем, что автор — эмпирик, основываю-

---

7. «Английская модель — это Янус, который владел воображением экономистов Европы XVIII в. Торговля могла объединить мир с помощью культурных и коммерческих связей, но она могла также привести к порабощению и опустошению целых стран».

8. Это окончательное усмирение Ирландии и подавление волнений шотландцев, Девятилетняя война против Людовика XIV и т.д. Североирландские протестанты до сих пор празднуют годовщину битвы на реке Бойн, где Вильгельм Оранский разбил католическую армию Якова II, состоящую из ирландцев. А оплаканная Вальтером Скоттом Резня в Гленко — уничтожение шотландского клана МакДональдов солдатами герцога Аргайла из протестантского клана Кэмпбеллов именно за отказ принести присягу на верность Вильгельму Оранскому.

9. Конфискации 1700 г. были направлены преимущественно против католической аристократии. Репрессии Кромвеля и Penal Laws Вильгельма Оранского касались в равной степени как кельтского населения, так и «Old English».

щийся только на своем личном опыте торговца и государственного деятеля. Критикуя государственное устройство Франции, он говорит об «unlimited power» французского короля. Идею «universal monarchy», о которой так много писали современные ему английские авторы, он не упоминает. У Кэри нет ссылок на античных авторов — он находится вне этой традиции. Весьма показательны два письма из его переписки с Локком. Кэри уличил Локка в том, что тот неправильно посчитал курс валют в одном из своих сочинений, а тот упрекнул Кэри в незнании латинской грамматики. Кэри — очень «киплинговский» по своей эстетике персонаж. При отсутствии каких-либо отсылок к античной и современной Кэри интеллектуальным традициям его работа изобилует библейскими метафорами.

Содержание книги Кэри можно свести к следующему тезису. Мощь государства зависит от его благосостояния, а оно достигается за счет специализации на производстве товаров с высокой добавленной стоимостью, что неразрывно связано с внедрением технических усовершенствований. Производство и торговля представляют собой единственные источники благополучия, а добыча сырья — верный путь к нищете. Так, испанское королевство бедно, несмотря на свои огромные колониальные владения, поскольку товары завозят туда из Англии. Труд испанских рабочих ничего не добавляет к цене товара¹⁰. Поэтому Англия должна сосредоточиться именно на производстве: импортируя необработанные материалы и экспортируя продукты своей промышленности.

Кэри спорил с теми авторами, которые считали необходимым понизить оплату рабочей силы в Англии, чтобы сделать английские товары более конкурентоспособными. Высокие заработки англичан, считал он, вовсе не ведут к проигрышу в конкурентной борьбе. Низкие цены на товары обеспечиваются не низкими заработками, а механизацией труда: «Шелковые Чулки ткут, вместо того, чтобы вязать; Табак — режут с помощью Механизмов, а не Ножей, Книги — печатают, а не пишут вручную... Свинец плавят в отражательных печах, а не с помощью Ручных Мехов... все это сохраняет труд многих Рук, так что Жалованье рабочих не нуждается в сокращении» (р. 85)¹¹. Более того, высокие заработки приводят к увеличению потребления и, как следствие, — к возрастанию спроса. Довольно неожиданно обнаружить такие «фордистские» идеи у автора конца XVII в.

Какова, по мнению Кэри, была роль государства в экономическом росте?

Во-первых, оно должно облагать высокой пошлиной экспорт сырья.

Во-вторых, отменить пошлины на импорт сырья и вывоз промышленных товаров.

В-третьих, защитить английскую торговлю от посягательства врагов.

В-четвертых, отменить монопольные привилегии.

---

10. Из всего вышесказанного вытекает, что «меркантилизм» — крайне неудачный термин для обозначения интеллектуального течения, к которому принадлежал Кэри. Положительный торговый баланс для него — лишь симптом здоровой производительной деятельности общества.

11. «Silk-Stockings are wove instead of knit; Tobacco is cut by Engines instead of Knives, Books are printed instead of written... Lead is smelted by Wind-Furnaces instead of blowing with Bellows... all which save the labour of many Hands, so the Wages of those imployed need not be lessened».

Кэри выступал против монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией и монополии Африканской компании на работорговлю (работорговля — это английское Потоси, по его собственному определению. Он сравнивал значение этой торговли для Англии со значением богатейших американских рудников для испанской короны). Современного экономиста-девелопменталиста такая позиция могла бы несколько удивить. Но тогдашние монополии были совершенно иными, чем монополии современные. Это были вполне феодальные по духу учреждения, наследство Тюдоров и Стюартов, раздававших своим приближенным монопольные права на торговлю и производство. Шумпетер полагал, что именно историческая память о паразитических монополиях раннего Нового времени поддерживает в англосаксах стойкое отвращение к современным монополиям, которые обрели свое положение не благодаря указу короля, а лишь потому, что на шаг опередили своих конкурентов на пути технического прогресса. Современные монополии, как правило, сами создают те сектора экономики, в которых доминируют (см. «Капитализм, социализм и демократия» Йозефа Шумпетера).

И, наконец, в-пятых, правительство должно путем заключения «договоров и иных соглашений» добиваться того, чтобы иностранные государства придерживались прямо противоположной стратегии — экспорта сырья и импорта готовых товаров.

Самая большая опасность для Англии, с его точки зрения, заключалась в том, что остальные государства поступят так же. Французский министр Кольбер следовал примеру английского короля Эдварда III, запретившего экспорт шерсти из Англии с целью развития собственного текстильного производства. В результате Франция превратилась в крупнейшего поставщика предметов роскоши в Англию. К счастью, португальцы не смогли или не захотели последовать французскому примеру, и правители некогда величайшей колониальной империи превратились в «таких же плохих мореходов, как и промышленников» (р. 93).

Лучше всего иллюстрирует политические убеждения и экономические взгляды Джона Кэри его позиция по ирландскому вопросу. Ирландия тогда была одним из трех королевств, позже составивших Великобританию. Как и Англия и Шотландия, она имела собственный парламент. Но Шотландия объединилась с Англией путем династической унии и сохранила независимость по всем вопросам внутреннего управления: их объединяло только наличие общего монарха. Ирландия же была покорена силой оружия и стала подвластна английскому парламенту.

Нет ничего удивительного в том, что убежденный протестант и английский националист¹², Кэри рассматривал Ирландию как врага Англии — «колыбель папизма и

---

12. Кэри — националист, разумеется, в английском понимании этого слова. Понятие «nationalism» в английском, как и в большинстве европейских языков, апеллирует не столько к этнической самоидентификации, сколько к идентификации по отношению к государству — к политической нации. После свержения Стюартов англичане начинают ощущать себя единой политией, которая объединена противостоянием как со всеми своими соседями, так и с мировым папизмом в лице уже не Испании, как во времена Кромвеля, а Франции.

рабства». Кэри полагал, что Ирландию следовало «низвести до положения колонии» (reduce to the state of a colony) (p. 108).

Подобная позиция в отношении побежденной страны вряд ли удивит читателя. Гораздо более любопытно, что поражение в правах, по мнению Кэри, должно было распространяться не только на ирландских католиков как *группу населения*, но и на Ирландию как *территорию*, со всеми, кто там проживал. Речь идет о вопросе ирландского самоуправления и представительства, так остро стоявшем на рубеже веков.

Ирландские протестанты — прежде всего Молине — самый крупный ирландский публицист эпохи, ничуть не возражали против поражения в правах католиков. Их устраивало положение, по которому католики отстранялись от любого участия в государственном управлении и были de facto лишены представительства в Ирландском парламенте в силу т.н. «Карательных законов» (Penal Laws), принимавшихся постепенно на протяжении XVI–XVII вв. и окончательно закрепленных после битвы на реке Бойн. Но неограниченное господство протестантских колонистов в покоренной стране компенсировалось полным подчинением страны в целом английскому парламенту, где ирландцы-протестанты представительства не имели.

Молине считал такое положение дел абсурдным. «Древние ирландцы, — писал он, — некогда были покорены силой оружия и потому потеряли свою свободу» (p. 109). Однако теперь потомки «древних ирландцев» составляют лишь меньшинство населения страны, большинство — потомки английских колонистов: солдат Кромвеля и Вильгельма Оранского. Почему они должны быть поражены в правах?

Потому, отвечал ему Кэри, что королевство, в котором они живут, — подчиненная Англии территория. Если англо-ирландцам угодно называть свою «колониальную ассамблею» парламентом, пожалуйста — это вопрос вкуса. Но они никогда не будут обладать избирательными правами, пока живут в Ирландии. Чтобы участвовать в государственном управлении, им следует переселиться в Англию (Ibid). Как тут не вспомнить превосходное определение термина «колония», данное Карлом Шмиттом: колония — есть территория страны, с точки зрения международного права, но — за граница, с точки зрения права внутреннего.

Почему английский парламент так упорно держался за свое полное господство над Ирландией и почему ирландцы так отчаянно стремились отстоять хотя бы частичное самоуправление? Какой вопрос вызывал разногласия между Молине и Кэри?

С точки зрения Кэри, Ирландия была соперником Англии, ее конкурентом по производству текстиля. Значит, эту отрасль ее экономики следовало уничтожить и заменить другой, где ирландцы не смогут составить конкуренцию англичанам. Кэри сравнивал Англию и ее «Plantations» с огромным человеческим телом, в котором Англия исполняла, разумеется, роль головы. Поэтому она имела полное право извлекать доходы (draw Profits) из своих колоний. В конечном счете это было необходимо для поддержания имперской мощи — ради общего блага империи. К тому же «the True Interest of Ireland» состоял в том, чтобы заниматься сельским хозяйством, желательно животноводством, а население страны следовало бы сократить до трехсот тысяч человек.

Молине и сам не питал особенных иллюзий по поводу исхода своей борьбы. Он писал, что «Англия совершенно точно не позволит нам обогащаться за счет Шерстяной торговли. Это — их Дорогая Возлюбленная и они будут ревновать к любым соперникам» (р. 109)¹³. Так и случилось — в 1699 г. был принят закон, запрещающий экспорт шерстяных изделий из Ирландии, а годом позже последовал запрет на ввоз в Англию индийских ситцевых тканей.

Уже в 1704 г. экономическое положение Ирландии значительно ухудшилось — в течение всех лет, последовавших за принятием Wool Act, торговый баланс Ирландии оставался стабильно отрицательным. Кэри был отправлен парламентом в Ирландию во главе комиссии по изучению ситуации. Он пришел к выводу, что единственный выход для Ирландии — основание там «промышленности, которая никоим образом не конкурировала бы с английской». Речь шла о заведении там льняной промышленности: в течение последующего века производство Ирландии было сосредоточено на изготовлении льняной пряжи — полуфабриката для английских мануфактур.

Переводы

Бютель-Дюмон. «Эссе о состоянии коммерции в Англии»¹⁴

После войн за испанское (1701–1714) и австрийское (1740–1748) наследство Франция была истощена. Ее вынудили принять условия англичан — признание Ганноверской династии и изгнание Стюартов из французских владений, уход с Ньюфаундленда, уничтожение береговых укреплений Дюнкерка. Крупнейшее аграрное государство Европы страдало от регулярных неурожаев и вспышек голода. Государственные финансы находились в столь плачевном состоянии, что отчаявшееся правительство доверило спасение страны шотландскому аферисту Джону Ло — с предсказуемым результатом.

Франция явно проигрывала колониальную гонку англичанам. Англичане победили в давней необъявленной войне за Ньюфаундленд и, столкнувшись с сопротивлением французских поселенцев в Акадии, депортировали их. Постоянные столкновения между французскими и английскими кораблями в Атлантике в 1730–1740-е гг. завершились мощным ударом британцев. В середине 1750-х гг. английский флот без объявления войны уничтожил большую часть французского торгового флота, что стало главной причиной Семилетней войны.

В этом контексте и следует воспринимать французскую политическую экономию XVIII в. Если английская политическая экономия была сборником рецептов агрессивного экспансионизма, то французская должна была стать, по выражению Райнерта, «лекарством от болезней французского государства» (р. 134). Англия была для французских мыслителей предметом ненависти и восхищения — примером, которому они, безусловно, хотели бы следовать.

13. «England most certainly will never let us thrive by the Wollen trade. This is their Darling Mistris and they are jealous of any rivals».

14. Butel-Dumont. «Essai sur l'Etat du Commerce d'Angleterre».

Самым мощным интеллектуальным центром в области политической экономии во Франции середины XVIII в. был кружок Гурне (Gournay) — государственного интенданта финансов. Именно ему приписывается известное высказывание «laissez passer, laissez faire», из-за чего его ошибочно причисляли к физиократам и сторонникам свободной торговли. Одним из членов кружка Гурне был Бютель-Дюмон — адвокат, происходивший из парижской купеческой семьи, автор труда по истории торговли североамериканских колоний Англии.

В 1755 г. он переводит на французский язык книгу Джона Кэри. Получившийся текст не был буквальным переводом с английского — он существенно увеличился в объеме. Бютель-Дюмон украсил его ссылками на античных и современных мыслителей и значительно переработал концепцию. Книга Бютель-Дюмона была историческим трактатом — полной историей экономического развития Англии.

Бютель-Дюмону был доступен огромный массив юридических документов, статистических данных и произведений английских авторов, необходимых для его работы. Он начал с описания ничтожного положения Англии в Средние века и протекционистских мер, которые предпринимали английские правители, начиная с Эдварда III для изменения этого положения. Речь шла прежде всего о развитии шерстяной промышленности. Копируя производство более развитых промышленных центров вроде Италии или Фландрии, англичане сумели стать величайшей державой Европы. Бютель-Дюмон подчеркивал, что все это стало возможно только благодаря государственному интервенционизму: «правительство не останавливалось ни перед какими мерами для развития какого бы то ни было производства» (р. 164).

Вполне понятно, почему Бютель-Дюмон уделял больше внимания истории, чем Джон Кэри, — Франции еще предстояло пройти значительную часть пути, уже преодоленного англичанами. В отношении теоретическом французский автор полностью разделял идеи Кэри и спорил с приверженцами школы физиократов¹⁵, полагавших, что истинный источник благосостояния — исключительно почва, а не промышленность.

Дженовези. «История коммерции в Великобритании»¹⁶

Еще с XVI в. итальянская политическая мысль постоянно возвращалась к проблеме танатологии наций. Страна была раздроблена, подвергалась вторжениям «варваров» из-за Альп и из Испании, постепенно теряла свое ведущее экономическое положение в Европе.

---

15. Райнерт считает необоснованным возвеличивание физиократической школы. Их эксперименты во Франции, Бадене и Тоскане привели к самым тяжелым последствиям. Физиократы проиграли на всех полях, кроме одного — историографического. Это неудивительно, поскольку школа, считающая единственным источником благосостояния сельское хозяйство и естественно склоняющаяся к свободной торговле (они не видят необходимости в развитии собственной промышленности), несомненно, рассматривается как идейная предшественница современного экономического либерализма. Р. 179.

16. Genovesi. «Storia del commercio della Gran Bretagna».

Наиболее богатая традиция политической экономии расцвела в Неаполитанском королевстве — в начале XVII в. здесь жил Антонио Серра, которому посвящена другая книга Софуса Райнерта. В XVIII в. в Неаполитанском королевстве была учреждена первая в Европе кафедра политической экономии (вернее, «Коммерции и Механики»). Ее основал управляющий поместьями герцогов Медичи Бартоломео Интьери — руководитель местного политэкономического кружка, в который вошел Антонио Дженовези из Салерно, учившийся у Джамбаттисты Вико.

Когда в руки Дженовези попал французский перевод книги Кэри, он решил перевести его на итальянский. И вновь — текст существенно вырос. Если книга Бютель-Дюмона была тысячестраничным двухтомником, то у Дженовези она превратилась в трехтомник объемом свыше полутора тысяч страниц. Он снабдил свою книгу полным переводом Навигационных актов, добавил к записи эмпирического опыта бристольского купца и историческому исследованию французского адвоката теоретическую конструкцию Антонио Серры. Серра утверждал, что труд, вложенный в сельское хозяйство, не мог принести столько же богатства, сколько труд, вложенный в производство, потому что производительность в сельском хозяйстве снижалась по мере вложения новых ресурсов, а в производстве — увеличивалась. Поэтому эти виды деятельности приносили доходы совершенно разного порядка.

Книга Дженовези стала чрезвычайно популярной в Италии. Ее перепечатывали в Неаполе и Венеции. Когда накануне наполеоновского вторжения папа Пий VI задумался об оздоровлении экономики папской области, его советник Паоло Вергани принес ему не Адама Смита, а Дженовези. В этом можно было увидеть усмешку судьбы — сочинение яростного врага католицизма и борца за «Protestant Interest in Europe» Кэри послужило на благо Святого Престола.

Вихманн. «Экономико-политический комментарий»¹⁷

Судьба немецкого перевода книги Кэри оказалась не такой удачной, как во Франции или в Италии. В Германии к XVIII в. уже существовала своя богатая традиция камерализма (Kameralwissenschaft) — всеобъемлющего искусства государственного управления, включавшего в себя не только право или политическую экономию, но и естественные науки, сельское хозяйство, горное дело и т. д. Традиция эта, кодифицированная Зокендорфом, была заметна не только в немецких государствах, но и в тесно связанной с ними Скандинавии.

Политическая философия камералистов лежала в русле аристотелевской традиции — правитель рассматривался как «отец семейства», пусть и большого. Они склонялись к стихийному протекционизму, не подкрепленному какой бы то ни было теоретической базой. Так, советник Фридриха II Юсти писал, что таможенные пошлины необходимы потому, что новички в деле промышленности никогда не могут соревноваться на равных с теми, кто вступил на это поле раньше.

Скандинавские государства, тяжело переживавшие упадок своих империй, стремились копировать полезный опыт континента, с тем чтобы сравняться с ведущими

17. Wichmann. «Ökonomisch-politischer Commentarius».

державами если не в политическом влиянии, то хотя бы в богатстве. Петер Кристиан Шумахер — камергер датского короля и бывший посол в Марокко и Санкт-Петербурге ездил по континенту, по известному маршруту Grand Tour, изучая местный опыт (наблюдал, в частности, провальные эксперименты физиократов в Тоскане и Бадене) и собирая сочинения по политической экономии. В Италии он купил книгу Дженовези и на обратном пути в Данию, захав в Лейпциг — крупнейший в Германии центр книжной торговли, оставил ее для перевода Кристиану Августу Вихманну.

Тот подошел к делу с немецкой педантичностью. Не удовлетворившись переводом перевода, как Дженовези, он собрал все три текста — английский, французский и итальянский, перевел их и снабдил подробным библиографическим комментарием. Там, где Дженовези ссылался на автора, не упоминая конкретное сочинение, Вихманн находил цитату и указывал конкретное издание. Он решил создать своего рода метатекст с подробным комментарием всех трех изданий. Разумеется, работа осталась неоконченной. Да и то, что он успел сделать, оказалось бесполезным.

Аккуратный и титанически работоспособный Вихманн не сумел понять, что именно он переводит и комментирует. Будучи приверженцем физиократической школы, он и переводимым авторам приписывал похожие взгляды — даже Бютель-Демону, который полемизировал с физиократами, хотя, кажется, что в этом случае подобную ошибку совершить было невозможно.

Немецкий перевод книги Кэри, в отличие от двух предыдущих, никогда впоследствии не переиздавался. Достаточно упомянуть, что Гердер цитировал в своих трудах работу Дженовези, но никогда — своего соотечественника Вихманна.

Заключение

«While production, entrepreneurship and technological change are keys to growth, they are not necessarily outcomes of market mechanisms. The economy is intrinsically political»¹⁸ (p. 219).

Идеи и теории, послужившие экономическому развитию Европы в раннее Новое время, совершенно забыты в наши дни. У нас нет языка не только для их описания, но даже для их обозначения. Термин «меркантилизм» извращает содержание этих идей, понятие «камерализм» — неизбежно отсылает нас к германской и скандинавской традиции, в то время как родиной их была Англия.

Именно Англия первой из всех национальных государств Европы начала проводить политику экономической экспансии, в которой экономические и внеэкономические меры были переплетены настолько тесно, что само их разделение предстает здесь искусственным и необоснованным. Англия стремилась ввозить сырье и вы-

---

18. «В то время как производство, предпринимательство и технологические изменения являются ключами к росту, они не всегда — результаты рыночных механизмов. Экономика по природе своей — область политического».

возить промышленные товары и следила за тем, чтобы колонии и иностранные государства придерживались противоположной политики. Она выплачивала премии за экспорт собственного текстиля и запрещала его вывоз из Ирландии (из Англии же запрещалось вывозить необработанную шерсть), поддерживала высокие импортные пошлины и проводила бомбардировку береговых линий тех государств, которые пытались копировать эту политику; была крупнейшим посредником в транзитной морской торговле и защищалась от конкурентов на этом поприще, запрещая иностранное посредничество в собственной торговле.

Мы называем подобные меры «протекционистскими», тогда как их следовало бы именовать «экспансионистскими». Однако традиционное обозначение выбрано не случайно — страны, что пошли тем же путем, были вынуждены копировать английскую политику в гораздо менее благоприятных условиях, защищая свои рынки от английского.

Ценность работы Софуса Райнерта как философского сочинения состоит в том, что она помогает нам понять политическую подоплеку экономической жизни и экономической науки, а следовательно, заставляет усомниться в теории, которая эту подоплеку игнорирует. Книга эта не только о том, что некогда в прошлом были распространены идеи, о которых мы мало что знаем, и не о том, что эти идеи гораздо ценнее и правильнее современных. Райнерт показывает, что любое национальное государство, какой бы ни была его идеология, каким бы космополитичным и универсальным оно себя ни провозглашало, является (пусть он и не употребляет этой метафоры) «утопией Фрасимаха». Межгосударственное соперничество — как политическое, так и экономическое — это, как правило, игра с нулевой суммой. Она ведется в условиях несовершенной конкуренции, когда любой выигрыш догоняющего игрока подрывает позицию лидера-монополиста. Единственный способ, которым победитель может себя обезопасить от соперников, — это *dicere leges*, запрещающие побежденным следовать его же примеру.

Герцен и славянофилы¹

Андрей Тесля*

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения А. И. Герцена и славянофилов на протяжении 1840-х — первой половины 1860-х гг., выделяются основания сближения (как со стороны Герцена, так и славянофилов). Особое внимание уделяется влиянию на Герцена славянофильских взглядов в 1850-е гг., в момент выработки им так называемого «русского социализма».

Ключевые слова: И. А. Аксаков, А. И. Герцен, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, славянофильство, социализм, народничество, нация, национализм.

Классическое противостояние «западников» и «славянофилов» многократно становилось объектом специальных исследований. Гораздо в меньшей степени изучено славянофильство как интеллектуальное и политическое направление — если раннему («классическому») славянофильству посвящена масса работ, то история последующих десятилетий отражена в куда меньшем числе исследований (Державин, 1939; Дудзинская, 1983; Порох, 1971; Порох, Порох, 1986; Рамишвили, 1957а; Рамишвили, 1957б). Соответственно и проблема интеллектуального и социального взаимодействия и взаимовлияния Герцена и славянофилов преимущественно изучалась в рамках 1840-х годов, тогда как более поздние контакты оставались в тени. В данной работе мы предпримем попытку кратко проследить взаимоотношения Герцена и членов славянофильского кружка на протяжении всего периода их контактов, полагая, что данная, «удлиненная» перспектива позволяет выявить аспекты, ранее остававшиеся в тени.

В Москве (1842–1846)

Когда весной 1842 г. Герцен вернулся из второй (новгородской) ссылки в Москву, он застал лагерь славянофилов и западников вполне оформившимися — отсутствовав в Москве восемь лет, он пропустил большую часть идейных боев и разногласий, весь сложный процесс образования направлений, оказавшись в ситуации, когда ос-

---

* **Тесля Андрей Александрович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи ТОГУ. Email: mestr81@gmail.com

© Тесля А. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

новые линии размежевания были прочерчены, симпатии и антипатии вполне определились, хотя представители обоих направлений всё еще поддерживали довольно тесные отношения между собой, оставались частью одного московского круга. Что касается самого Герцена, то его интеллектуальные симпатии и дружеское общение однозначно определяли принадлежность писателя к западничеству. При этом по своему характеру он не мог быть просто участником — ему необходимо было занять положение лидера направления, по крайней мере, московского крыла (главенствующая роль Белинского безоговорочно обеспечивалась его журнальным статусом) (см.: Малия, 2010, гл. 12–13).

Между тем Герцен в наибольшей мере среди западников испытал влияние славянофилов. Речь не только о личных контактах, но и о вовлеченности в славянофильскую мысль, о чем свидетельствует дневник, в котором с осени 1842 до зимы 1844/45 гг. он пытался с разных сторон осмыслить и опровергнуть суждения славянофилов². Подготовленный предшествующим кругом общения и своими интеллектуальными установками, Герцен оценивает славянофилов как «безумное направление, становящееся костью в течении образования. Оно принимает вид фанатизма мрачного и нелепого» (II, 242, запись от 18.XI.1842³). Однако ближайшее знакомство пробуждает интерес, который, как пишет Герцен в дневнике 1844 г., когда отношения со славянофилами становятся все напряженнее, встречал неодобрение других участников западнического кружка: «С полной гуманностью, подвергаясь упрекам со стороны всех друзей, протягивал я им руку, желал их узнать, оценил хорошее в их воззрении» (II, 354, запись от 12.V.1844)⁴.

Первые знакомства приходятся на позднюю осень — зиму 1842/43 г. В ноябре в доме Елагиных⁵ он встречается и беседует с Петром Васильевичем Киреевским, чуть

2. Кстати, отношения со славянофилами в некоторые моменты достигали такой степени близости, что Герцен читал Киреевскому (по наиболее вероятному предположению редакторов академического собрания сочинений Герцена — Ивану Васильевичу) и Хомякову свою IV статью из цикла «Дилетантизм в науке» («Буддизм в науке») за полгода до ее напечатания (II, 281, запись от 9.V.1843).

3. Здесь и далее ссылки на академическое собрание сочинений Герцена (Герцен, 1954–1965) даются по тексту; римской цифрой обозначается ссылка на том, арабской — на страницу указанного тома.

4. Ср. в письме Н. Х. Кетчеру от 27.IV.1844: «Что вы хотите делаете, ругайтесь или хвалите, я в одном неизменен — это в той добросовестной и светлой гуманности, которая всегда бежит от исключительных (haineux <человеконенавистнических (фр.)>) взглядов. Только смеясь или шутя можно думать, что я разделяю мнения Хомякова et C^{nie}; но я вовсе не шутя говорю и прежде говорил, что я со многими очень сочувствую и сердцем и умом, в очень многих сторонах и во имя этих сторон, а равно и во имя благородств<ва> убеждений я не отворачиваюсь» (XXII, 183).

5. *Авдотья Петровна Елагина* (1789–1877) — мать славянофилов Петра и Ивана Киреевских (от первого брака с Василием Ивановичем Киреевским, 1773–1812) и Василия и Николая Елагиных (от второго брака с Алексеем Алексеевичем Елагиным, ?–1846). Ее дом с 1830-х по 50-е был одним из основных центров московской умственной жизни. Кавелин в некрологе Елагиной писал: «Дом и салон Авдотьи Петровны были одними из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. Все, что было в Москве интеллектуального и талантливого, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранцы, являлись в салон Елагиных. В нем преобладало славянофильское направление, но это не мешало постоянно посещать

позже — и с его братом, Иваном. Хотя в современной перспективе личность старшего брата почти совершенно вытеснила младшего, именно Петр оказался из числа «старших» славянофилов постоянным собеседником Герцена, с ним будет и последний разговор, уже после окончательного разрыва со славянофилами (II, 406, запись от 23.II.1845). В декабре 1844 г., в начале разгорающегося скандала, вызванного стихотворными посланиями Языкова, Герцен в дневнике сопоставит двух братьев:

«Мне прежде казался Иван Васильевич несравненно оконченнее Петра Васильевича — это не так. Петр Васильевич головою выше всех славянофилов, он принял один во всю ширину нелепую мысль, но именно за его консеквентностью исчезает нелепость и остается трагическая грандиозность. Он жертва, на которую пал гром за его народ, за ту национальность, которая бичуется теперь. Но Иван Васильевич хочет как-то и с Западом поладить; вообще он и фанатик и эклектик — фанатик, чтоб быть полным, именно должен не быть эклектиком, иначе то, что придает ему силу, резкость, как паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, эмусируется, и выходит нечто неопределенное. Бездушному Хомякову все идет: и эта многосторонность публичных женщин, и это лукавство, предательски соглашающееся, и этот смех, которым он встречает негодование. Но Киреевский должен бы был быть оконченнее» (II, 397, запись от 17.XII.1844; ср.: XVIII, 12).

Любопытна в своей нетипичности (по сравнению с «обычными» описаниями, в рамках сложившегося позднее quasi-житийного канона) дневниковая заметка Герцена об Иване Киреевском, сделанная после второй встречи с ним в доме Елагиных:

«Иван Киреевский, конечно, замечательный человек — он фанатик своего убеждения так, как Белинский своего. Таких людей нельзя не уважать, хотя бы с ними и был диаметрально противоположен в воззрении; ненавистны те люди, которые не умеют резко стоять в своей экстреме, которые хитро отступают, боятся высказаться, стыдятся своего убеждения и остаются при нем. Киреевский *soeur et âme*⁶ <отстаивает> свое убеждение, он нетерпящ, он грубо и дерзко возражает, верно своим началам и, разумеется, односторонно. Человек этот глубоко перестрадал вопрос о современности Руси. <...> Он верит в славянский мир — но знает гнусность настоящего» (II, 244–245, запись от 23.XI.1842).

А несколько месяцев спустя оценка становится еще более высокой: «Что за прекрасная, сильная личность Ивана Киреевского! Сколько погибло в нем, и притом развитого! Он сломался так, как может сломаться дуб. Жаль его, ужасно жаль. Он чахнет, борьба в нем продолжается глухо и подрывает его. Он один искупает партию славянофилов» (II, 273, запись от 23.III.1843).

С Хомяковым Герцен познакомился еще весной 1840 г., после возвращения из владимирской ссылки. Знакомство было поверхностно, но оставило неблагоприятное воспоминание: «человек эффектов, совершенно холодный для истины» (цит. по:

вечера Елагиных людям самых различных воззрений, до тех пор пока литературные партии не разделились на два неприязненных лагеря...» (Кавелин, 1989: 139).

6. Сердцем и душой (*фр.*).

Желвакова, 2010: 195). Первое впечатление, в сущности, осталось неизменным, и хотя в дальнейшем Герцен делал уступки в оценке Хомякова (см.: Емельянов, Тесля, 2012: 55; [Самарин], 2012: 68–70), но каждый раз, когда высказывался о нем без расчета на восприятие определенной аудитории, у него вырывались жесткие характеристики («бесплодно проспори́л всю жизнь»). Это было, видимо, столкновение двух во многом схожих людей, блистательных полемистов, остроумцев, любителей каламбуров и лидеров групп — неизменно мысливших себя на первых ролях, какого бы размера ни была та группа, которую в данный момент приходилось возглавлять. И одновременно глубинное несходство характеров, самого типа отношения к жизни — для Герцена честный человек в современной ему России мог быть только «лишним человеком», Хомяков же представлял собой зримое опровержение — живой, активный, остроумец во французском стиле, он одинаково хорошо чувствовал себя и в своем поместье, и в московских салонах, был великолепным полемистом и крепким хозяином, счастливым семьянином и благочестивым прихожанином, совершенно лишенным при этом и налета «казенности», и «иерархове́рия». Его ирония, не родственная саркастической иронии Герцена, воспринималась последним как «лукавство» (ср.: «Черта истинно московско-русская в Хомякове — это его лукавство, прикрытое бономией <от фр. *bonhomie* — добродушие>» (II, 353–354, запись от 12.V.1844)).

В записи, противопоставляющей Хомякова Чаадаеву, которого «тяжелая атмосфера северная сгибает в ничтожную жизнь маленьких прений, пустой траты себя слова о ненужном», первый оценивается как тот, «кому это по натуре», кто «родился для византийско-петербургского порядка дел» (II, 383, запись от 17.IX.1844), иными словами, кто воспринимает свое житейское положение не как повод для трагической позы, «мрачного голоса», «страшных слов» и «похоронного красноречия» (XVIII, 186).

Если к «старшим» славянофилам Герцен прислушивался со вниманием и интересом, временами перемежавшимся раздражением, то с двумя участниками того же круга следующего поколения у него установились дружеские связи. О Константине Аксакове он написал в прочувствованном некрологе (XV, 9–11), фрагменты из которого в дальнейшем включил в «Былое и думы» (IX, 133, 163, 169–171), но наиболее сильное интеллектуальное впечатление на него произвел Юрий Самарин. Сразу же после знакомства с ним Герцен писал Н.Х. Кетчеру: «он очень умный человек» (XXII, 158, письмо от 18–19.XI.1843), а спустя две недели на упреки в отступничестве отвечал: «С Самариним я познакомился, *c'est un parfait honnête home*⁷... да, сверх того, *très distingué*⁸, вы там у себя сидите и углубляетесь все далее и далее в односторонность, славянофила из меня так же мудроно сделать, как славянофоба; как можно такого рода людей мешать с грязным Погодиным, тупорожденной Шевырко́й, с кровожадным пауком — Дм<итриевым>⁹ etc., etc.» (XXII, 161–162, письмо Н. Х. Кетчеру

7. В высшей степени порядочный человек (*фр.*).

8. Очень тонченный (*фр.*).

9. Имеются в виду: *Погодин Михаил Петрович* (1800–1876), *Шевырев Степан Петрович* (1806–1864), *Дмитриев Михаил Александрович* (1796–1866). Названные лица связаны с журналом «Москвитянин» (1841–1856), изданием, близким к г. Уварову и претендовавшим на то, чтобы быть выразителем и

от 3.XII.1843; ср.: там же, 174, письмо тому же адресату от 7.II.1844). Два с половиной месяца спустя он продолжал защищать своего высоко ценимого знакомого, теперь уже заручившись поддержкой приехавшего в Москву И.П. Галахова¹⁰, от натиска петербургских западников: «...полгода тому назад ты и Белинский смеялись над тем, что я сблизился с Самариним. А который из вас знал его? Самарин юноша высоких дарований и в полном развитии, ему только 25 лет — а вы уж осудили его. Я сначала инстинктом оценил его. Теперь спроси-ка Галахова, как этот человек гигантски продвинулся вперед от всех прежних товарищей, это одна из самых логических натур в Москве, это человек, который далеко выше Хомякова и даже Аксакова» (XXII, 183, письмо Н.Х. Кетчеру от 27.IV.1844). Он не просто высоко ценит это знакомство, но делает все, чтобы перетянуть Самарина на свою сторону, переубедить его, стремится ввести его в западнический петербургский кружок (XXII, 201, 202), когда Самарин, после защиты диссертации, по настоянию отца отправляется служить в петербургских канцеляриях¹¹. Накануне окончательного разрыва со славянофилами Герцен записывает в дневнике: «Писал к Самарину¹². Не мог, да и не хотел удержаться, чтоб не написать ему вполне мое мнение о славянах, об этой пустой болтовне, узком взгляде, стоячести и пр. <...> ...я не полагаю, чтоб мое письмо на него подействовало, но пусть же он услышит и другую сторону. Он один из них может, кажется, спастись» (II, 391, запись от 4.XII.1844), а уже после состоявшегося разрыва, сожалея об утрате Киреевских и Аксакова, отмечает: «Самарин не думаю, чтоб их был» (II, 403–404, запись от 10.I.1845) и с тем большей горечью отзывается на получение большого прощального письма от Самарина, которому отвечает столь же обстоятельным письмом от 27.II.1845 (не пропуская случая даже здесь, нарушая стиль, сделать выпад в адрес ненавистного Хомякова):

«Итак, наконец, от вас письмо, и притом большое, любезнейший Юрий Федорович, — благодарю вас — но не скрою, что впечатление всего письма было грустное, очень грустное. <...>

Прощайте. Идите иным путем — мы не встретимся как попутчики — это верно. Возражать вам я не стану, потому что это лишнее, один Хомяков спорит для спору, для него жизненнейшие вопросы только предметы для разговора — для меня не так. Замечу одно — на чем вы основываете, отталкивая от себя отрицание, что в нем нет любви, — любовь с обеих сторон (я

истолкователем доктрины «официальной народности»: Погодин при участии Шевырева был издателем и редактором журнала, а Дмитриев — постоянным автором.

10. Галахов Иван Павлович (1809–1849), приятель Герцена и Огарева, принадлежал к кругу «западников», разговоры с ним легли в основу двух ключевых статей, вошедших в состав «С того берега» (см.: Гершензон, 2000а: 107–120).

11. Первоначально он был определен в Министерство юстиции (27.X.1844), в дальнейшем продолжил службу по Министерству внутренних дел, где ему покровительствовал министр В. А. Перовский (1841–1852).

Ю. Ф. Самарин писал К. С. Аксакову в Москву (10.IX.1844): «На днях мне стало ужасно тяжело и грустно по Москве; я отправился к Кетчеру и застал у него Белинского и Щепкина, который сообщил мне известия о Герцене и Грановском» (Самарин, 1911: 143).

12. Письмо Ю. Ф. Самарина не сохранилось.

исключаю закраины эгоистические и скверные с той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мне жаль и больно, что именно вы пишете так, в вас я видел организацию далеко сильнейшую, нежели во всех славяноф<илах> — исключая, может, Петра Вас<ильевича Киреевского> <...>; отдаление такого человека, как вы, больно — потому что нельзя мимо вас пройти» (XXII, 229–230).

А в дневнике за день до отправления приведенного выше письма сделал запись: «На днях получил письмо от Самарина. Удивительный век, в котором человек до того умный, как он, как бы испуганный страшным, непримиримым противуречием, в котором мы живем, закрывает глаза разума и стремится к успокоению в религии, к квиетизму, толкует о связи с преданием. Письмо его подействовало на меня грустно. <...> Да как это ему не стыдно принадлежать к этим запакощенным славянофилам» (II, 407, запись от 26.II.1845).

Ю. Ф. Самарин писал К. С. Аксакову (видимо, в начале марта 1845-го): «Что сказать тебе о твоей размолвке с Герценом и Грановским? Подробностей я не знаю; но рано или поздно это должно было случиться. Так, неприступная черта меж нами есть, и наше согласие никогда не было искренно, то есть не было прочным, жизненным согласием. Вспомни, какими искусственными средствами оно поддерживалось. Много, очень многое нас разлучает и в особенности то, что для нас многое осталось святынею, в чем они видят безжизненных идолов. Но вот что мне кажется: не замешалось ли много страсти, много личности с той и другой стороны? Разрыв был необходим, но, может быть, в ином виде. Говорил ли тебе Герцен о моей переписке с ним? Если не говорил, то и ты не упоминай» (Самарин, 1911: 159).

Для Герцена, как и для большинства западников характерен романтический тип дружбы, дружба-влюбленность (в другой тональности, но в той же стилистике это можно наблюдать в переписке Т. Н. Грановского) (см.: Гинзбург, 1973), славянофилам же свойственна куда большая сдержанность во взаимных излияниях, выработка иного типа дружеской переписки, в которой обсуждаются как текущие события, так и идейные вопросы в рамках существующего, но не требующего постоянного проговаривания, дружества. Переформулируя ситуацию иным образом, позволительно, на наш взгляд, сказать, что для западников в целом было характерно привнесение в эпистолярную романтического литературного канона, тогда как славянофилам было свойственно отделение «литературного» от эпистолярного (в стихотворном послании, например, те же дружеские связи формулировались в рамках привычного языка эпохи, но он оставался фиксирован как язык «литературы»).

Герцен в дружбе тяготел к дружбе-влюбленности, преобладанию эмоционального вовлечения, устойчиво воспроизводя этот тип отношений, удачно сложившийся с Н. П. Огаревым (а его переход собственно в любовный род можно наблюдать на примере отношений с Т. П. Пассек, где он не получил полноценного развития, и с Н. А. Захарьиной). Отметим попутно, что ту же модель поведения Герцен в целом сохранит до конца своей жизни; в первый эмигрантский период место отсутствующего Огарева (выехавшего на Запад только в 1856 г.) займет Г. Гервег, который сам испы-

тывает подобную потребность, откликается вполне «в тон» на послания Герцена — и их интенсивная переписка будет явно важна и интересна для обоих, здесь нет явного первенствования в отношениях. Приведем в качестве примера одно, вполне типичное, письмо Гервега Герцену (январь 1850 г.): «Боже мой, жизнь моя кажется мне полной только с тех пор, как я встретил вас. И если я пишу вам, то иногда это имеет такой вид, как будто я пишу девушке, в которую влюблен. Я мщу за ненависть, которую питаю к человечеству вообще, и в частности моим друзьям — мужчинам и женщинам, которых я мучаю своей любовью» (цит. по: Желвакова, 2010: 319).

В целом относительное сближение Герцена со славянофилами заняло два с небольшим года — от первых встреч в ноябре 1842-го до полного разрыва отношений в январе 1845-го, пик же контактов и заинтересованного, готового к восприятию интереса Герцена к славянофильству приходится на период с осени 1843 до осени 1844 г. Сближению способствовало и то, что до 1844/45 г. славянофильство еще не оформилось как направление, в отличие от западничества, уже значительно более консолидированного. Собственно, жесткую и явную позицию (вокруг которой происходит в ближайшие годы консолидация) занимают в этот период только Хомяков и братья Киреевские, при этом — поскольку будущее «славянофильство» на тот момент еще даже не кружок, а скорее круг общения, то границы, отделяющие его от других, родственных интеллектуальных направлений, еще подвижны и не ясны для самих участников, а именование задается извне (западниками). Так, 2 мая 1844 г. Ив. Киреевский пишет Хомякову: «...славянофильский образ мыслей я разделяю только *от части*, а *другую часть* его считаю *дальше от себя*, чем самые эксцентричные мнения Грановского» (Киреевский, 1911: 233). Интересен, помимо прочего, в процитированном письме и выбор слов — «славянофильство» как имя, данное противником, здесь уже объективировано, и вместе с тем Киреевский отделяет себя от него, выделяя собственную позицию. События ближайшего года (полемика на страницах «Отечественных записок») будут направлены на недопустимость подобного индивидуального выделения/самовыделения. Аналогичным образом в то же время судит и сам Герцен — 24 января 1844 г. он записывает, что полемика способствовала уяснению вопросов и что «добросовестность сторон сделала большие уступки, образовавшие мнение более основательное, нежели чистая мечтательность славян и гордое презрение ультраоксидентных» (II, 328). Год спустя, в ситуации конфликта, он предпочтет ради полемического эффекта отказаться от подобных уточнений.

Уже в сентябре 1844 г. Герцен пишет с явным раздражением:

«Мне даже люди выше обыкновенных в Москве начинают быть противны: этот суетный, 40-летний парень Хомяков, просмеявший целую жизнь и ловивший нелепый призрак русско-византийской церкви, делающей всемирной, повторяющий одно и то же, погубивший в себе гигантскую способность, и Аксаков, безумный о Москве, ожидающий не ныне-завтра воскресение старинной Руси, перенесение столиц и чорт знает что. Даже И. В. Киреевский странен при всем благородстве. Белинский прав. Нет мира и совета с людьми до того розными» (II, 379, запись от 4.IX.1844).

После почти двухлетних споров и столкновений со славянофилами, непосредственно перед окончательным разрывом, Герцен записывает промежуточный итог своих размышлений: «Славянофильство имеет подобное себе явление в новой истории западной литературы. Появление национально-романтической тенденции в Германии после наполеоновских войн — тенденция, которая находила слишком всеобщую и космополитическую науку и мысль, шедшие от Лейбница, Лессинга до Гердера, Гёте, Шиллера. Как ни естественно было появление неоромантизма, но оно было не более как литературное и книжное явление без симпатии масс, без истинной действительности; не трудно было угадать, что через десять лет о них забудут. Точно такое же положение занимают славянофилы. Они никаких корней не имеют в народе, они западной наукой дошли до своих национальных теорий, это болезнь литературная и больше никакого значения не имеющая. Они вспоминают то, о чем народ забывает...» (II, 391–392, запись от 10.XII.1844). И далее, отзываясь на суждения славянофилов о враждебности Запада и нелюбопытстве его по отношению к России:

«Европа очень занимает нашей силой, потому что она в ней видит мощного раба под влиянием розги и бича, который готов на время разрушить великие плоды веков; Европа *tacitement*¹³ стоит под одним знаменем от Кенигсберга до Дублина, разногласия их — частные вопросы, но есть лабарум, около которого все народы готовы были бы соединиться (исключая, может быть, часть Австрии).

С другой стороны, они видят знамя, прямо противоположное, — написавшее яркими буквами „самодержавие“; они должны ненавидеть стан врагов и тот народ, который готов идти на гибель народам» (II, 392).

Однако он продолжает размышлять над славянофильскими тезисами: «Когда при возрождении наук явилась древняя гуманная цивилизация, весь средневековый мир испытал то, что русское государство испытало при принятии западной цивилизации. Иная, вполне развитая мысль внедрялась в Европу католическую и сочеталась с нею — к нам так явилась мысль европейская» (II, 392–393, запись от 11.XII.1844). Последняя запись особенно любопытна, поскольку в ней Герцен намечает один из вариантов помещения русских «в число народов исторических», уповая на некий «русский Ренессанс» от усвоения «западной цивилизации», которому еще предстоит случиться.

Впрочем, в своих печатных выступлениях 1845–1846 гг. Герцен данные идеи не развивает¹⁴; напротив, в состоянии конфликта со славянофилами (спланивавшим за-

13. Молчаливо (*фр.*).

14. Влияние славянофильского круга общения можно обнаружить в последней статье из цикла «Дилетантизм в науке», законченной в марте 1843 г.: «...может, тут раскроется великое призвание бросить нашу северную гривну в хранилищницу человеческого разумения; может, мы, мало жившие в былом, явимся представителями действительного единства науки и жизни, слова и дела. В истории поздно приходящим — не кости, а сочные плоды. В самом деле, в нашем характере есть нечто, соединяющее лучшую сторону французов с лучшей стороной германцев. Мы несравненно способнее к наукообразному мышлению, нежели французы, и нам решительно невозможна мещански-филистерская жизнь немцев; в нас есть что-то *gentlemanlike*, чего именно нет у немцев; и на челе нашем проступает след величавой мысли, как-то не сосредоточивающейся на челе француза» (III, 73).

паднический кружок вокруг жесткой позиции Белинского, которого наряду с другими «петербуржцами» раздражали предшествующие контакты Герцена и, в меньшей степени, Грановского со славянофилами) он публикует в феврале 1845 г. в «Отечественных записках» статью «„Москвитянин“ и вселенная», направленную против обновленного «Москвитянина» (редакция которого в это время, правда, ненадолго перешла в руки И. В. Киреевского). Если в письмах и в дневнике Герцен отчетливо дифференцирует «славянофилов», то в статье он целенаправленно избегает это делать, предпочитая намеренное смешение под именем «славянофильства» не только круга Погодина и Шевырева с кругом Киреевских и Хомякова, но и с «Маяком» С. А. Бурачека (II, 134–135).

На Западе (1847–1855)

Вслед за разрывом со славянофилами летом 1846 г. последовал и распад западнического московского кружка: «Интеллектуальные расхождения западников быстро привели и к личному расхождению. Хотя социальные отношения между двумя фракциями и не прекратились, как это случилось со славянофилами, они стали заметно прохладнее, особенно между Герценом и Грановским. Также складывается впечатление, что усилились общее разногласие и личные трения между их женами. Только Огарев, как обычно менее страстный в своих убеждениях, чем его друг, сохранил прежнюю связь почти нетронутой, хотя для Герцена это стало концом кружка — той жизни близкого сообщества, которое заменило для него участие в социальном теле. <...> Его ощущение разрыва с обществом было тотальным, и его желание бежать из России стало подавляющим» (Малиа, 2010: 448, 450).

Герцен уезжал на Запад с утопической верой в него — и уже готовый в нем разочароваться, чему способствовали одновременно два фактора:

— во-первых, слишком большие ожидания, которым не была способна удовлетворить никакая реальность. В. Г. Шукин отмечает вполне предсказуемый факт, что среди западников «наименее отрицательное впечатление от Запада получали те, кто не был склонен к утопическому противостоянию реальной действительности и не стремился к коренной ее перестройке: Боткин, Анненков, Тургенев, Грановский и другие либералы» (Шукин, 2007: 57);

— во-вторых, стремление найти для России место в мировой истории, что в рамках немецкой историософской традиции означало найти особое «начало», «принцип», отсутствующий доселе, который должен был привнести с собой новый народ, — следовательно, для этого надлежало изначально фиксировать отсутствие данного принципа или невозможность его реализовать у народов, уже обладающих статусом «исторических».

О направлении интеллектуальной эволюции Герцена свидетельствуют весьма краткие отзывы Белинского, с которым он встретился летом 1847 г. в Париже. Как пишет Белинский, Герцен развивает «свою любимую мысль, что покуда западники не завладеют со своей точки зрения всеми вопросами, задачами и поползновениями

славянофильства, — до тех пор никакого дела не делается ни в жизни, ни в литературе». И далее: «Для этого прежде всего надобно, чтоб все мы, западники и славянофилы, перемерли все до единого» (Желвакова, 2010: 255). Предельно упрощая, можно сказать, что Герцен предлагает уже вполне ясным и отчетливым образом «перехват» славянофильской повестки, признавая ее значимость, тогда как для Белинского речь по-прежнему идет об опровержении, устранении славянофильства путем «отмены», «опровержения» самой повестки.

Был, однако, еще один фактор, приобретающий все большее значение по мере того, как Герцен входил в европейское общество и все тверже решал найти себе место в западном радикальном движении, отрекаясь от возможности вернуться в Россию (Малиа, 2010: 462, 519). Он обнаружил, что на Западе невозможно быть западником: «Идея национальной миссии... для <революционной европейской> эмиграции... являлась незаменимой опорой: в ней национальная задача оправдывалась и освящалась общечеловеческим идеалом. Неудивительно, что сильнейшие умы несли ей дань покорности. „Маццини мечтал Италией освободить человечество, Ледрю-Роллен хотел его освободить в Париже“, — это с грустной насмешкой рассказывает сам Герцен, — и даже Прудон без рассуждений принимал, что центр мировой революции — Париж» (Гершензон, 2000б: 138)¹⁵.

Он мог получить внимание и статус в европейских кругах как представитель «русской революции» — и для этого ему надлежало доказать, что эта «революция» существует, причем именно как «русская». Московским друзьям Герцен пишет из Парижа 5–8.XI.1848, отсылая статью «LVII год республики, единой и нераздельной» (которая после войдет в книгу «С того берега»):

«„Но если это так, то, след., ты сделался славянофил“. — Нет. Не велите казнить, велите правду говорить. Из того, что Европа умирает, никак не следует, что славяне не в ребячестве. А ребячество здоровому и совершеннолетнему так же не среда, как и дряхлость. Европа умирая завещает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм. Славяне *an sich*¹⁶ имеют во всей дикости социальные элементы. Очень может быть, не встретятся они теперь с Европой социальной, и у них коммунальная жизнь исчезла бы так, как у германских народов. Натура славян в развитых экземплярах — ручательство прекрасных возможностей; но действительность бедна. Гнилой плод так же нездоров, как неспелый. Наконец, временная случайность (элемент несравненно более важный в истории, нежели думает

---

15. Ср.: «...еще в 1848 г. марксизм провозгласил в „Манифесте коммунистической партии“, что „у рабочих нет родины“, но в то время это мнение едва ли единодушно разделяли все левые, которые целое столетие после 1789 г. были весьма патриотичны. Они, без сомнения, покрыли себя славой в национально-освободительных войнах, и чувства, достигшие кульминации с „Весной народов“ в 1848 г., все еще вдохновляли парижских коммунаров в 1871 г. Но возникновение этого национализма представляло собой лишь неотъемлемую логику демократии, основанную на принципе „один человек — один голос“. Потому что, как только все подданные короля становятся равноправными гражданами, возникает однородный блок или масса, и на смену королевствам приходят нации, ведомые общей волей» (Малиа, 2002: 65).

16. В себе (нем.).

германс<кая> философия) поставила ex<empli> gr<atia>¹⁷ Россию в такое положение, что она невозможнее Европы, ей надобно переработать и отречься от двух прошедших — от допетровский и послепетровской» (XXIII, 111–112).

В предисловии 1858 к русскому изданию «Писем из Франции и Италии» Герцен напишет: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели» (V, 10). Однако на первом этапе эта «вера» лишь заявляется как надежда — на основании «молодости», «силы» «русского народа», чего явно недостаточно для того, чтобы получить право на внимание европейцев, а именно к нему Герцен целенаправленно стремится в 1848–1855 гг., ставя задачей познакомить Европу с Россией. Герцен нуждается в каком-то позитивном основании для своей «надежды» — и он находит его в русской общине. М. О. Гершензон первым обратил внимание на эту динамику, отметив: «в его первом обращении к западным людям (это было его открытое письмо к Гервегу, 1849 г.) его голос звучит еще робко — он указывает только на *общие* преимущества русского народа — на необремененность наследственную и свежесть русской психики. Только год или больше спустя он впервые заявит, что русская сельская община — ключ к решению социального вопроса. <...> На русской общине Европа для Герцена отождествлялась с Россией, здесь западная революция и русское освободительное движение сливались для него в одном русле, чтобы дальше течь широким историческим потоком разумной, гуманной жизни — к новым общечеловеческим целям» (Гершензон 2000б: 137). В 1853 г., в открытом письме «В редакцию „Польского демократа“», Герцен вспоминал о своей интеллектуальной эволюции последних лет:

«... всего важнее было наше удивление, смешанное, правду сказать, с известным стыдом и угрызениями совести, когда мы вдруг заметили, по какой почве мы идем.

Вечно обращенные к Европе, со взором, прикованным к европейской борьбе и проблемам, мы чрезвычайно мало знали собственное общество. Только ознакомившись с социализмом, мы почувствовали всю неизмеримую важность для нашего общества нашей сельской родной коммунистической общины...» (XII, 77).

В период 1850–1853 гг. складывается учение, которое затем будет пропагандироваться и распространяться посредством изданий «Вольной типографии»¹⁸ и в этот же период националистические и панславистские мотивы зазвучат громче всего. В «Письме русского к Маццини» (1849) Герцен рассуждает:

«Славянский мир ничего другого не желает, как объединения в свободную федерацию; Россия — это организованный славянский мир, это славянское

17. Например (*лат.*).

18. Разумеется, мы никоим образом не сводим к нему взгляды Герцена — их внутренняя многослойность и «противоречивость» общеизвестна, а наиболее известные попытки проинтерпретировать ее, наряду с собственным оригинальным подходом, изложены в работе: Хестанов, 2001.

государство. Именно ей должна принадлежать *гегемония*, но царь отталкивает ее. Вместо того чтобы призвать к себе народы, являющиеся братьями его народа, он предает их; вместо того чтобы стать во главе славянского движения, он предоставляет помощь и золото палачам славян [т. е. Австрии. — А. Т.]» (VI, 235),

сплавляя вместе панславизм и революцию и видя в торжестве панславистских идей конец «империи»: «Когда императорский орел возвратится на свою древнюю родину, он уже более не появится в России. Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, *демократической и социальной*» (VI, 238). Спустя почти пять лет, в феврале 1854 г., в третьей, заключительной статье из цикла «Старый мир и Россия», напечатанного в чартистском журнале, он, уже после начала Крымской войны, утверждает:

«Время славянского мира настало. <...>

Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город ново-немецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский, — не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь — Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением.

Германо-романские народности — это продолжение Западной империи; явится ли славянский мир продолжением Восточной империи? Не знаю, но Константинополь убьет Петербург» (XII, 199).

Еще важнее панславистских идей, входящих в состав как славянофильской, так и польской революционной мысли 1840-х гг.¹⁹, оказывается усвоение и воспроизводство Герценом выработанного славянофилами образа «народа». И. А. Христофоров отмечает, что

«в России в николаевскую эпоху существовало несколько конкурирующих образов крестьянина, которые никак не желали склеиваться в один портрет. И когда существенно позже такая „склейка“ все же произошла, у понятия „народность“ и „народ“ появилось вполне конкретное содержание, и до поры до времени никто ни в правительстве, ни в обществе уже не сомневался, что „русский крестьянин“ и „община“ — такие же неразделимые понятия, как „немецкий крестьянин“ и „крепкое индивидуальное хозяйство“ (и никто не жаловался, что крестьянин-общинник — слишком конкретный образ, негодный для национальной мифологии). В 1830–40-е гг. этот процесс „социальной идентификации“ только начинался» (Христофоров, 2011: 87–88).

В том, что именно славянофильский образ лег в основу «социальной идентификации», велика и роль Герцена, поскольку он одним из первых позаимствовал этот образ для левой идеологической конструкции, тем самым придав ему дополнительную

19. Об интересе к Мицкевичу и о размышлениях над его курсом лекций в Коллеж де Франс в перспективе славянофильских споров см.: II, 333–336, записи от 12 и 17.II.1844. См. также: Борисёнок, 2001.

убедительность (подтверждение реальности данного образа с противоположных краев идеологического спектра).

Со славянофилами Герцен сходится и в утверждении принципиального демократизма русского народа, проявляющегося в истории: «Вообще в древней России мы не встречаем какого-либо отдельного, привилегированного, обособленного класса. Там был только *народ* и одно племя — вернее, княжеский владетельный род, потомство варяга Рюрика, — совершенно отличное от народа» (О развитии революционных идей в России, VII, 154). Сравните с рассуждениями К. С. Аксакова:

«В России мы видим значением *Земли*, народа, а нисколько не бояр, не аристократии, ибо аристократия — это уже не Земля, не народ. Такое народное (а не аристократическое) значение Русской Земли беспрестанно выдается в договорах и действиях междуцарствия. Если б в России был хотя сколько-нибудь аристократический элемент, то он бы выдвинулся хотя сколько-нибудь — в эпоху междуцарствия особенно, — имел бы хотя какое-нибудь значение; но этого не видно нисколько. У всех Русских и в уме, и на языке одно: *вся Земля*. Скажут: под всею Землею подразумеваются все Русские люди, под нею подразумеваются и бояре. Совершенно правда, но *наравне со всеми*, но не как бояре, а своею земскою стороною, как люди *земские*, где для человека является только одно определение: *человек*. Простой народ, не имеющий никаких титулов, всего ближе к этому определению; он поэтому и носит, всякому человеку предложенное и доступное название, всечеловеческое название *крестьянина*, то есть христианина» (Аксаков, 1889: 270).

Процитированный фрагмент относится к 1860 г., однако сам ход рассуждений типичен для К. С. Аксакова. Так, в статье 1852 г. «Богатыри времен Великого Князя Владимира по Русским песням» он пишет: «Много их <могучих витязей> сидят на богатырской скамье; не по аристократическому праву породы занимают они это почетное место. Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. На богатырской скамье сидит и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и, наконец, Илья Муромец — крестьян. Всем им ровный почет» (Аксаков, 1889: 320; ср.: 145, текст 1856 г.). Воспроизводя популярную «теорию завоеваний» и видя специфику русской истории в отсутствии такового, Герцен пишет: «Россия IX века представляется государством совершенно иного склада, чем государства Запада. Народонаселение в большинстве своем принадлежало к одной расе, рассеянной по весьма обширной и малонаселенной территории. Того различия, которое наблюдается повсюду между племенем завоевателей и покоренными племенами, здесь не было» (VII, 153). Аналогичные рассуждения можно найти в исторических заметках К. С. Аксакова с конца 1840-х гг. (см.: Аксаков, 1889: 13, 14), которые, впрочем, в свою очередь, воспроизводят сделавшуюся к тому времени канонической формулировку М. П. Погодина. Заимствования из славянофильского арсенала нарастают в 1850–1854 гг., распространяясь на теорию «безгосударственности русского народа», отчетливо сформулированную К. С. Аксаковым в 1848–1849 гг. (Цимбаев, 1986: 154–158), с элементами которой в устной форме Герцен был знаком

из многочисленных бесед 1843–1844 гг., и даже на определение статуса Польши среди славян. В серии писем Герцена «Старый мир и Россия» (1854) читаем:

«Населяя пространство от берегов Волги и Эльбы до Адриатического моря и Архипелага, славяне не сумели даже объединиться для защиты своих границ. <...>

Одна лишь Польша была независима и сильна... но это потому, что она была менее славянской, чем другие; она была *католическою*. А католицизм противоположен славянскому духу. Славяне, как вам известно, первые начали великую борьбу с папством и впоследствии придали этой борьбе характер глубоко социальный (табориты). Усмиренная и возвращенная католицизму, Богемия перестала существовать...

Итак, Польша сохранила независимость, нарушив национальное единство и сблизившись с западными государствами.

Другие славяне, оставшиеся независимыми, были далеки от того, чтобы образовать организованные государства; в их общественной жизни было нечто колеблющееся, неопределенное, нерегламентированное, *анархическое* (как выразились бы здешние друзья порядка)» (XII, 170).

Более ранний пассаж из статьи «Россия» (1849) звучит очень близко к Хомякову с одновременным присутствием темы «кротости» русского народа:

«Я считаю большим счастьем для русского народа — народа очень впечатлительного и кроткого от природы, — что он не был развращен католицизмом. Тем самым он избежал другой беды. Католицизм, как некоторые злокачественные недуги, может быть излечен лишь при помощи ядов; он роковым образом влечет за собой протестантизм, который затем только и освобождает умы с одной стороны, чтоб еще сильнее сковать их с другой. Наконец, Россия, не принадлежа к великому единству западной церкви, не имеет надобности вмешиваться в историю Европы» (VI, 212).

Продолжая развивать тезис о безгосударственности славян, Герцен пишет:

«На Украине, как у черногорцев и даже у сербов, иллирийцев и далматов, славянский дух обнаружил отчасти свои стремления, но не создал политической формы.

Однако надо было подвергнуться *муштре сильного государства*, надо было объединиться, централизоваться, покинуть беспечную казачью жизнь, пробудиться от вечного сна общинной жизни. <...>

Москва уничтожила остатки народных вольностей. Все было принесено в жертву идее *государства*; ради нее все было обезличено, все подавлено. Свергнув монгольское иго, продолжая вести кровавые войны с ливонцами, видя вооружающуюся Польшу, народ как будто чувствовал, что для спасения своей национальной независимости и своей будущности он вынужден отречься от всех человеческих прав» (XII, 171; ср. с запрещенной цензурой статьей И. С. Аксакова 1862 г., в которой можно обнаружить обратное влияние Герцена [Тесля, 2012б]).

Характерно, что в своих исторических экскурсах Герцен игнорирует Земские соборы — речь идет о целиком внеисторической общине и правительстве. Москва выступает исключительно как начало подавления (в ней нет внутренней двойствен-

ности, другого начала, о котором рассуждают славянофилы в рамках предложенного К. С. Аксаковым противопоставления «Земли» и «Государства»). Другой «принцип», присутствующий в русской истории, противоположный «московскому», разнесен и географически, связываясь предсказуемым образом с Новгородом (т. е. переводя всю конструкцию в политический план). В дальнейшем, напротив, начало двойственности вводится там, где его первоначально игнорируют славянофилы — в дворянстве, которое реформами Петра и логикой последующего развития становится носителем европейских начал, сначала в союзе с правительством, а с тех пор, как после 14 декабря 1825 г., по мнению Герцена, самодержавие исчерпало себя, в качестве возможного источника нового развития. Отметим попутно, что в дальнейшем, в начале 1860-х, данная мысль будет усвоена, в свою очередь, славянофилами в лице Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, модифицировавших концепцию К. С. Аксакова, противопоставлявшего «Землю» и «Государство» введением третьего элемента, «Общества», как начала национального самосознания (Тесля, 2012б: 42–46).

В той мере, в какой Герцен сближается со славянофилами и заимствует у них те или иные тезисы или принимает положения, происходящие из общего или родственного источника идей, он сталкивается с необходимостью отграничить себя от них. Одновременно, поскольку сближение очевидно, он даёт куда более дифференцированное описание того феномена, который ранее описывался им как «славянофильство». В одном из ключевых текстов этого периода — «О развитии революционных идей в России» — Герцен выделяет «подлинных славянофилов», отделяя их от петербургских «императорских панславистов» и московских «присоединившихся славянофилов», отзываясь о двух последних группах как о «русских патриотах», которые есть

«среди прибалтийских немцев и замиренных черкесов на Кавказе, но не об этих людях идет речь. Это любители рабства, которые принимают абсолютизм за единственную цивилизованную форму правления, проповедуют превосходство донских вин над винами Кот-д'Ор и руссицизм западным славянам, переполняя их душу той благородной ненавистью к немцам и мадьярам, которая сослужила хорошую службу Виндишгрецам и Гайнау. <...>

Что до подлинных *славянофилов*, то хорошие отношения с правительством были для них скорее несчастьем, чем фактом желательным. Но к этому приводит всякая доктрина, опирающаяся на власть. Такая доктрина может быть революционной в одном отношении, но непременно будет консервативной в другом...» (VII, 239).

«Наибольшее заблуждение славянофилов» Герцен видит «в том, что они в самом вопросе увидели ответ и спутали возможность с действительностью. Они предчувствовали, что их путь ведет к великим истинам и должен изменить нашу точку зрения на современные события. Но вместо того, чтобы идти вперед и работать, они ограничились этим предчувствием. Таким образом, извращая факты, они извратили свое собственное понимание» (VII, 231–232). Тем самым он воспроизводит риторическую фигуру, описывающую положение иудаизма по отношению к христианству — «народ закона» по отношению к «людям благодати», «Синагогу» по отношению к «Церкви»

и в результате — «Заблуждение» по отношению к «Истине», выражая при этом свое двойственное отношение к славянофилам — в амбивалентности «народа, распявшего Христа», и в обетовании, что «весь Израиль спасется».

В зените славы (1856–1862) и на закате (1863–1870)

«Вольная типография» была основана Герценом в 1853 г., в обращении к «Братьям на Руси», призывавшем «присылайте что хотите, все писанное в духе свободы будет напечатано», говорилось: «Приглашение наше столько же относится к панславистам, как и ко всем свободномыслящим русским. От них мы имеем еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами» (XII, 63).

Как известно, ответа на это обращение не последовало — вплоть до 1855 г. Герцен был вынужден публиковать самого себя (попробовав силы даже в жанре политической листовки для солдат и офицеров, служащих в Польше, впрочем, с результатом, заставившим его впредь избегать повторения опыта). Смерть Николая I и наступившая «оттепель» привели к разливу «непечатной литературы». Еще в начале Крымской войны появились записки Погодина, затем — сначала небольшой, а дальше все более расширяющийся ручеек рукописей, направляемых в Лондон. Славянофилы не спешили, непосредственное сближение с ними началось в 1857 г., после встречи с Иваном Аксаковым. Еще до того, осенью 1856 г., через Н.А. Мельгунова²⁰ Герцену попала в руки рукопись аксаковских «Судебных сцен в уголовной палате» (и стала первой славянофильской публикацией в герценовских изданиях по получению при личном свидании с И. С. Аксаковым разрешения на опубликование: Эйдельман, 1999: 69–71; Дудзинская, 1983а: 139), а за десять лет до того Белинский делился с ним впечатлением от молодого помощника председателя Губернской уголовной палаты: «В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом. Вообще я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего!» (Белинский, 1982: 601).

В Москве, однако, их пути не пересеклись, так что личное знакомство состоялось только в 1857 г., между 14 и 20 августа. Молодой визитер (он был самым младшим по возрасту среди основных участников славянофильского кружка) произвел на Герцена самое благоприятное впечатление. М. Мейзенбург²¹ Герцен писал 20.VIII.1857, извиняясь за промедление с ответом «по причине прибытия и отбытия русских»: «Наиболее интересное лицо — сын Аксакова (брат ярого славянофила, человек большого талан-

---

20. Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) — литератор, переводчик, музыкальный критик, близкий знакомый Герцена с 1840-х гг., активно печатался в «Отечественных записках». Его письма к Герцену с обстоятельной биографической статьей Н. Захарьина опубликованы в: Литературное наследство, 1955.

21. Мейзенбург Мальвида фон (1816–1903) — воспитательница детей А. И. Герцена, переводчик ряда его работ на немецкий.

та, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и проницательностью. Он сказал, что влияние наших изданий огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится — но что вся молодежь не желает ничего признавать, кроме „Полярной звезды“ и „Колокола“» (XXVI, 114), а 28.VIII.1857 извещал того же корреспондента о практическом результате свидания: «У нас перемирие со славянофилами...» (XXVI, 117). На следующий день Герцен делится с И.С. Тургеневым впечатлением от встречи: «Здесь был Ив<ан> Акс<аков>, и мы с ним очень, очень сошлись... Он двумя головами выше славяномердов — вроде Крылова, Григорьева, Филип<ова>²²» (XXVI, 117). Аксаков ехал в Лондон, будучи высокого мнения о деятельности Герцена, чем поделился со старшим товарищем, издателем и редактором славянофильского журнала «Русская беседа» А. И. Кошелевым — в связи с обсуждавшимися планами сделать Аксакова соредактором. Реакция Кошелева (тогда он отказался разделить с Аксаковым редакторство, на что пошел лишь год спустя, в занятиях по крестьянскому делу совершенно лишенный времени работать над изданием) также показательна, поскольку она демонстрирует спектр отношений к Герцену среди славянофилов. 10/22.VI.1857 он писал Аксакову из Карлсбада:

«Некоторые слова в Вашем письме показались мне странными и неудобопонятными. Вы говорите о том, что попы у нас все мертвят и что необходимо стать им во всем наперекор; вместе с тем Вы говорите о живом голосе Герцена и о том, как необходимо затронуть все живое. Странны мне показались эти Ваши слова. Теперь читаю я Герцена и ни в чем не нахожу ни настоящего смысла, ни истинной жизни. Он кривляется, орет, ругает, выставляет пышные фразы и проч. Разве это жизнь? Попы наши отчасти мертвят жизнь, но Герцен и комп. хлопочут об оживлении мертвечины, а труп все остается трупом. Во всем Герцене я не нашел ни одной страницы живой и вместе с тем истинной. Нет, дражайший Иван Сергеевич, в речах Филарета несравненно более жизни, чем в произведениях Герцена. Судорожные движения суть лишь обманчивые явления жизни. Это разногласие между нами крайне важно, и я шибко боюсь, чтоб при издании журнала оно не было поводом к спорам и неудовольствиям. <...> Нет, драж<айший> Иван Сергеевич, путь Герцена, его средства, слова и проч. никогда не будут одобрены мною. По-моему, он обязан успехом лишь обстоятельству, что он имеет единственную вольную русскую типографию, что он пишет дерзко, живо, общественно, но настоящего успеха не имеет и иметь не может, ибо у него нет фундамента. Если только у нас цензура сделается несколько посвободнее, то Герцена деятельность сделается соверш<енно> ничтожной. <...> Нет, дражайший Иван Сергеевич, я не заклятый враг Запада и Петра, не квасной патриот, не славянофил 40-х годов, но убежден, что истина на нашей стороне, что мы должны действовать своими способами и отнюдь не прельщаться призраками жизни, которые привлекают толпу к нашим противникам» (Кошелев, 2011: 765–766).

22. Крылов Никита Иванович (1807–1879) — профессор римского права Московского университета (1835–1872). Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — востоковед, профессор Петербургского университета (1862–1878), начальник Главного управления по делам печати (1874–1880). Филиппов Третий Иванович (1825–1899) — с 1856 по 1864 г. служил в канцелярии Св. Синода, с 1864-го — в Государственном контроле (с 1889 по 1899-й — Государственный контролер). Все трое публиковались в «Русской Беседе» в первое время ее издания, а Т. И. Филиппов первоначально был помощником А. И. Кошелева в редакции.

Герцен же писал Аксакову 1/13.I.1858: «Начинаю русский Новый год тем, что пишу к самому русскому из моих знакомых, и притом не староверу, а новому русскому, т. е. Вам. <...> ...а отчего вы не можете сладить с другими? Оттого, что, в сущности, вы не делите их воззрений. Мне кажется, что вы к ним относитесь в том роде, как я к нашим „западникам“. А из того, натурально, и выходит, что мы, нося разные кокарды, больше согласны между собою, нежели однополчане...» (XXVI, 154). Теплые чувства и глубокое уважение к Аксакову Герцен сохранил и два года спустя, что отчетливо ощущается по начальным строкам письма от 19/31.I.1860: «Здравствуйте на Западе, любезнейший Иван Сергеевич, — письмо ваше и посылка были праздником для нас. Мы искренно и много любим и уважаем вас. Хорошо бы вы сделали, если б приехали освежить нас невской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки)» (XXVII, 12).

Впрочем, определяющим в воззрениях Аксакова было все-таки славянофильство, а не относительная «левизна» его в славянофильском лагере. Через знакомство с Аксаковым и налаженный «канал связи» началось активное сотрудничество Герцена и славянофилов, оказавшихся одними из ценнейших сотрудников герценовских изданий в 1858–1860 гг. (Сводку основных данных о славянофильских публикациях в изданиях «Вольной типографии» и о предоставленных ими материалах, легших в основу герценовских публикаций см.: Дудзинская, 1983а: 141–146). Относительно устойчивая эпистолярная связь возникла с И. С. Аксаковым. Кроме того, Герцена посетил кн. В. А. Черкасский, дважды приезжал в Лондон П. И. Бартенев, человек, близкий к славянофильскому кружку и некоторое время помогавший даже А. И. Кошелеву издавать «Русскую беседу», в 19 и 20 лл. «Колокола» опубликовал огромную статью «Программа для занятий губернских комитетов» сам А. И. Кошелев (Эйдельман, 1999: 240–242), к этому времени успевший несколько изменить свое отношение к деятельности Герцена, по крайней мере, в практическом плане. В свою очередь, Герцен в этот период с симпатией отзывался о славянофилах, а в случае, когда его позиция вызывала или могла вызвать разногласия с ними, был максимально осторожен и сглаживал острые моменты, прояснял конфликтные ситуации в переписке и т. д.

Постепенно, однако, нужда славянофилов в Герцене уменьшалась — с 1860 г. они сами сумели наладить русское книгоиздание за границей (пользуясь содействием лейпцигских, а затем и пражских типографов и книгопродавцев), к тому же основной вопрос, который вызывал их объединение с Герценом, — крестьянская реформа, подходил к своему разрешению. Контакты с 1861 г. становились все менее интенсивными, но это было далеко от открытого конфликта, исключая сотрудничество по отдельным, в том числе принципиальным, вопросам. Например, в 1862 г., когда газета И. С. Аксакова «День» была приостановлена (одновременно с журналами «Современник» и «Русское слово»), Герцен выступил в поддержку всех трех названных изданий, предложив им «продолжать их издание в Лондоне» и объявив, что «на первый случай мы готовы печатать, если это будет нужно, на свой собственный счет, без всякого вознаграждения» (XVI, 214), а вскоре отозвался о ситуации вокруг газеты «День» еще одной, специально ей посвященной заметкой (XVI, 217).

Окончательный разрыв со славянофилами произошел в 1863 г., причиной чему послужило январское восстание в Польше и позиция, занятая Герценом. Ситуация в Царстве Польском обострялась давно, став откровенно напряженной с весны 1861 г., однако на протяжении всего этого времени, вплоть до январских событий в Варшаве, Герцен пытался балансировать, дистанцируясь от куда более пропольских позиций, занятых Н. П. Ограевым и М. А. Бакуниным. После начала январского восстания ему тоже пришлось (в том числе и в силу связей с польским революционным движением) занять однозначную позицию в поддержку восстания. Противоположная позиция, занятая Аксаковым по Польше, не была для Герцена особенно неожиданной (см. письмо к И. С. Тургеневу от 28.I/9.II.1861, XXVII, 209). Предчувствие того, как сложится ситуация, отчетливо звучит в письме к Н. П. Огареву от 23.I/4.II.1863: «Если инсurreкция будет подавлена — без малейшего участия в России, и вся литература будет ругать Польшу *a la Martianoff*²³ и Аксаков — да и крестьяне пропустят желанный день, — то не пора ли и нам в отставку?» (XXVII, 287)²⁴.

В письме к М. А. Бакунину, уже в разгар событий, сын Герцена, Александр Александрович, пишет 26.VI/8.VII.1863:

«...ты ошибался в важности русского „патриотобесия“ — оно действительно доходит до отвратительных размеров, и никакое правительство никогда не может вынуждать подобных демонстраций; дело в том, что ты не знаешь „сущности предмета“ за неполучением русских газет. — Когда Катковы, Аксаковы и Мартьяновы, т. е. шпионы, честные люди и безумные, говорят одно и то же и кричат *rinforzando*²⁵ в унисон, это уже перестает быть правительственным обманом — как бы это печально ни было» (XXVII, 352).

Последнее лучше всего объясняет остроту реакции и степень конфликта между сторонами — Герцен не мог отступить, поскольку добрая половина всей его энергии на Западе была потрачена на убеждение европейского общества в существовании отличной от «официальной» «другой России», выразителем которой он являлся в глазах Европы. До тех пор, пока можно было утверждать, что раздающиеся газетные голоса являются лишь отражением правительственных взглядов, Герцен мог ощущать себя правым в своей деятельности — и в еще большей степени быть таковым, вестником о «настоящей России» для лидеров европейского революционного движения — но 1863 г. продемонстрировал, что именно само общество придерживается тех взглядов, которые он сам постоянно осуждал как реакционные, причем придерживается с

23. *Мартьянов Петр Алексеевич* (1834–1865) — из крепостных крестьян, выкупившись, стал купцом первой гильдии, по разорении приписался в мещанское сословие. Выехав за границу для отыскания убытков, сблизился с Герценом и Огаревым и опубликовал в 1862 г. «Колоколе» открытое письмо к Александру II, где выступил с идеями внесословной народной монархии во главе с «земским царем». По возвращении в 1863 г. в Россию был арестован и осужден к каторжным работам на пять лет.

24. Герцен сильно недооценивал степени сомнений и колебаний в славянофильском кружке по польскому вопросу (см. анализ ситуации и позиций И. С. Аксакова и В. А. Елагина: Цимбаев, 1978: 111–113).

25. Все сильнее (*ит.*).

редким единодушием, осуществив «<вслед за Катковым> в годину польского восстания... переход от умеренного либерализма к твердому консерватизму» (Пресняков, 1991: 6). Эту ситуацию Герцен переживал как крушение дела всей жизни, утрату своего статуса в глазах Европы и надежд на Россию, когда те, кого он по-прежнему считал друзьями, заняли позицию, тождественную для него личной вражде, оцениваемую как моральная измена. Он искал поддержки у Гарибальди (XVIII, 21–30) и получил от него ответ, опубликованный в «Колоколе» 1 февраля 1864 г.: «Да, Герцен, я верю вам и знаю, что народ русский несчастен и имеет высокие стремления, как все народы, и что он не повинен ни в виленских истязаниях, ни в варшавских истреблениях... Но мне кажется, что Польша... должна была бы возбудить сострадание народа русского, по крайней мере, в той благородной части его, к которой вы принадлежите, и в ней возбудить протест более торжественный, чем слова» (XVIII, 38). На это Герцену оставалось лишь отвечать, вопреки всему, что он утверждал ранее: «В тупой и наглой кровожадности общества оправдание всех ужасов петербургского периода... Страшный опыт доказал нам, опозоривши нас перед честными людьми всего мира, сколько грязи осталось от нашего *материка* на нас, сколько дикого, в самом деле, осталось под внешней цивилизацией...» (XVIII, 39, 43). Впрочем, Герцен признавал личную добросовестность Аксакова, с горечью констатируя: «То, что других побуждала делать страсть к интриге, газета Аксакова делала под влиянием патриотической экзальтации; и простодушный человек, избегнув нечистой паутины полицейских демагогов, попадал в сети фанатизма» (XVIII, 214).

Эпилогом стала поездка Самарина в Лондон, личное свидание с Герценом и последовавшая за этим переписка, вылившаяся в «Письма к противнику» (XVIII, 274–293). В письме к Огареву после второго разговора с Самариным Герцен пишет: «Я болен Самариным. Что же это, наконец? Два человека, считающие друг друга честными людьми, могут до такой степени расходиться» (XXVII, 494, письмо от 11/23.VII.1864).

Последняя беседа, продолженная затем в письмах, продемонстрировала всю глубину расхождения, вряд ли до конца осознанную Герценом, — расхождения в самых основаниях мысли. Они для славянофилов являлись религиозными, Герцен же явно недооценивал этот аспект — так, 27.X/8.XI.1858 в связи с письмом Самарина он дает в письме Аксакову свою оценку славянофильской религиозности: «она у вас больше натянутое общение с народом, нежели *непосредственное* чувство» (XXVI, 220). Однако куда более характерен пассаж из первого «Письма к противнику»:

«Год тому назад я встретил на пароходе между Неаполем и Ливорной русского, который читал сочинения Хомякова в новом издании. Когда он стал дремать, я попросил у него книгу и прочел довольно много. Переводя с апокалиптического языка на наш обыкновенный и освещая дневным светом то, что у Хомякова освещено паникадиллом, я ясно видел, как во многом мы одинаково поняли западный вопрос, несмотря на разные объяснения и выводы. Патологическое описание Хомякова верно, но из этого не следует, что я согласен с его теорией и с его объяснением зла» (XVIII, 279).

Вся стилистика этого пассажа призвана как принизить нелюбимого Герценом Хомякова (указание на случайность обращения к его текстам, прочитано что-то в пути, между делом — и явно не заслуживает возвращения²⁶), так и, что важнее, продемонстрировать перевод с ложного языка, на котором рассуждают славянофилы, на язык «действительности» при убежденности, что этот язык можно без потерь отбросить, собеседник способен перейти на язык Герцена. Если для славянофилов принципиальна была попытка конфессионального мышления, конфессионального философствования (не нам судить, насколько она оказалась успешной в своей реализации), то для Герцена это неприемлемо, он отказывается принимать эту попытку всерьез, для него она не более чем интеллектуальное упражнение, совершаемое оппонентом, в которое он сам не может до конца верить.

Впрочем, и в дальнейшем А. И. Герцен в публицистике отделял славянофилов от других противников «справа». Так, в 1865 г., когда вновь поднялись споры вокруг общинного землевладения (в связи с обсуждением вопроса в Вольном экономическом обществе, выступившего против общинного владения), Герцен писал:

«И куда делись все рьяные, матерые друзья и защитники младших братьев, общины, общинного землевладения? Где И. Аксаков? Где Ю. Самарин? Не лучше ли было бы вместо *духовного* „Дня“ издавать „День“ светский и ломать копыя за наше право на землю, чем отвечать целыми печатными листами убийственной скуки какому-то отцу Мартынову, которого письма никто не читал и читать не будет? Проснитесь, Бруты! Пока вы ликовали победу над Польшей и занимались уничтожением иезуитов, — посмотрите, какую безобразную голову подняло православное помещичество» (XIX, 12).

К куда более существенным последствиям для самого Герцена привела недооценка им национального принципа. Он принял национализм как общее место левой европейской политической мысли своего времени без серьезного осмысления. Нелучайно в своих текстах он практически не обращается к подобной проблематике, не помещает в центр специального рассмотрения. Народ (нация) для него существует фактически как данность — она под вопросом в смысле своего «исторического призвания», роли «народа исторического», но вот как «народ» она беспроблемна. Русская нация представляется ему, видимо, уже существующей — задача лишь в том, чтобы снять внешние скрепы «Петербургской империи». Для славянофилов же (как и для М. Н. Каткова, например) нация — это то, что еще только предстоит построить (см.: Тесля, 2012а: 103–105). Показательно, как в момент польского восстания Герцен предлагает плебисцит на спорных территориях (северо-западных и юго-западных губерний): народ сам скажет, кто он, к какому государству он желает принадлежать (или желает быть самостоятельным — см., напр.: XVII, 209). Для славянофилов народное начало подвижно — отсюда острота польского вопроса, внимание к северо-запад-

---

26. Отметим, что это и выпад, призванный задеть лично Ю. Ф. Самарина, поскольку во многом именно его заботами осуществлялось первое издание сочинений Хомякова (в 1867 г. он выпустит в Праге непропущенный духовной цензурой том богословских сочинений Хомякова, предпослав им известную статью, в которой назовет покойного «отцом церкви»).

ным губерниям. «Русскость» их не данность, а возможность — есть народ, который по обычаям, нравам, языку является «русским», и есть самосознание, которым он не обладает, — сам он имеет либо конфессиональную, либо локальную идентичность (точнее, как правило, ту и другую одновременно): он православный и из-под Гродно. Он может стать русским, обрести русскую идентичность (к чему дает основание его конфессиональная самоидентификация) и может стать поляком — это не определено, это зависит от конкретных действий властей и общества и их интенсивности и последовательности. Оттого спрашивать его сейчас так, как предлагает Герцен, — бессмысленно, поскольку он либо ответит так, как «угодно власти», либо так, как он считает, что власти угодно, либо попросту не поймет вопроса, поскольку не описывает себя в подобных понятиях. Отсюда тревожность и напряженность славянофильского отношения к западным губерниям в 1860-х годах и в дальнейшем — еще ничего не решено, все в процессе становления.

Поскольку народ/нация для Герцена данность, он имеет возможность укоренить свой проект исключительно в будущем, когда под вопросом оказывается реализация всемирного призвания русского народа, но не его существование и не границы его «физического бытия», точнее, не в большей мере, чем границы любого другого народа. В этом смысле нам представляется наиболее верной позиция В. Г. Щукина, связывающего историософские взгляды Герцена с Чаадаевым, по отношению к которому большинство западников «не проявили непосредственного интереса». В отличие от них, «именно он поддерживал наиболее тесные личные связи с Чаадаевым. <...> Позднее, разочаровавшись в классическом западничестве, Герцен вспомнит о романтической утопии Чаадаева и разовьет ее на материалистической основе» (Щукин, 2007: 29)²⁷ — разовьет в том плане, что найдет и тот особый принцип, который призван внести во всемирную историю русский народ, реальное воплощение социализма, материальным залогом чего выступает славянская община. В результате и его отношение к общине существенно разойдется со славянофильским — если для большинства славянофилов община была важным элементом «русского мира», но не «священным», что допускало рациональное к ней отношение, проявившееся, в частности, в разработке крестьянской реформы, то для Герцена эмпирическая община как таковая была не важна — куда важнее был «образ общины» и размышления над тем, как совместить «общинное начало» со «свободой личности».

Подводя итог, можно сказать, что влияние славянофилов на Герцена приходится на 1842–1844 гг. и состоит преимущественно в усвоении повестки: она была воспринята Герценом, но почти по всем ее вопросам он дал свой собственный ответ, а в тех случаях, где оказывался созвучен славянофилам, почти всегда речь шла об общем круге идей или параллельной разработке. Наиболее важное содержательное заимствование, сделанное Герценом, заключалось в усвоении и трансляции «образа русского на-

---

27. Именно Герцен сделает больше всего, чтобы поместить Чаадаева на одно из центральных мест в русской интеллектуальной истории, создав каноническую версию о воздействии «Философического письма» и выводя из разных ответов на поставленный Чаадаевым вопрос о западничестве и славянофильстве.

рода», выработанного славянофилами и легшего в основу консенсуального образа, формирование которого завершилось к 1880-м годам. Обратное влияние, оказанное преимущественно на И. С. Аксакова и через это в разной степени воспринятое различными направлениями русской консервативной мысли 1860–1900-х гг., заключалось во внесении в славянофильскую историческую схему динамического аспекта и постановке вопроса о субъекте — носителе данной динамики, истолкованного в качестве «общества», роль которого заключается в осознании «народного духа», «народных начал» и в их привнесении в политическое пространство.

Литература

- [Аксаков К. С.] (1889). Полное собрание сочинений. Т. I: Сочинения исторические / под ред. И. С. Аксакова. М.: Университетская типография.
- Белинский В. Г. (1982). Сочинения. Т. 9: Письма. М.: Художественная литература.
- Борисёнок Ю. А. (2001). Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М.: РОССПЭН.
- Герцен А. И. (1954–1965). Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР.
- Гершензон М. О. (2000а). Избранное. Т. 2: Молодая Россия. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim.
- Гершензон М. О. (2000б). Избранное. Т. 3: Образы прошлого. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim.
- Гинзбург Л. Я. (1973). О психологической прозе. Л.: Художественная литература.
- Державин Н. С. (1939). Герцен и славянофилы // Историк-марксист. 1939. № 1. Кн. 1. С. 125–145.
- Дудзинская Е. А. (1983а). Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль.
- Дудзинская Е. А. (1983б). Славянофилы и Герцен накануне реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 43–59.
- Желвакова И. А. (2010). Герцен. М.: Молодая гвардия.
- Емельянов Е. П., Тесля А. А. (2012). «Единственный голос, к которому прислушивается правительство» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 45–59.
- Кавелин К. Д. (1989). Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М.: Изд-во МГУ.
- Киреевский И. В. (1911). Полное собрание сочинений. Т. II / Под ред. М. О. Гершензона. М.: Путь.
- Кошелев А. И. (2011). Самодержавие и Земская дума / Сост., предисл., коммент. Ю. В. Климакова. М.: Институт русской цивилизации.
- Литературное наследство. (1955). Т. 62: Герцен и Огарев. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР.
- Малия М. (2002). Советская трагедия: история социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН.
- Малия М. (2010). Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М.: Территория будущего.
- Порох И. В., Порох В. И. (1989). А. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М.: Наука. С. 85–102.

- Порох В. И. (1971). Отношение И. С. Аксакова к «крестьянской реформе» 1861 г. (по неопубликованным письмам) // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов: Саратовский ун-т. С. 71–84.
- Пресняков А. Е. (1991). Воспоминания Е. М. Феоктистова и их значение // Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М.: Новости. С. 5–12.
- Рамишвили А. С. (1957а). Герцен в борьбе со славянофильством // Труды Тбилисского педагогического института. 1957. Т. XI. С. 309–337.
- Рамишвили А. С. (1957б). Повесть Герцена «Сорока-воровка» (К вопросу отношения Герцена к славянофильству) // Труды Тбилисского педагогического института. 1957. Т. XII.
- Самарин Ю. Ф. (1911). Сочинения. Т. XII: Письма 1840–1853. М.: Мамонтов.
- [Самарин Ю. Ф.] (2012). Письмо Ю. Ф. Самарина А. И. Герцену <от 9 мая 1858 г.> // Социологическое обозрение. Т. 11. №3. С. 60–74.
- Тесля А. А. (2012а). Дебаты о народности // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. С. 99–119.
- Тесля А. А. (2012б). Запрещенная 6-я статья И.С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 41–70.
- Хестанов Р. (2001). Александр Герцен: импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Христофоров И. А. (2011). Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание.
- Цимбаев Н. И. (1978). И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ.
- Цимбаев Н. И. (1986). Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во МГУ.
- Шукин В. Г. (2007). Российский гений просвещения. М.: РОССПЭН.
- Эйдельман Н. Я. (1999). Свободное слово Герцена. М.: Эдиториал УРСС.

Дневник Л. А. Тихомирова (декабрь 1905 года)¹

Подготовка текста, комментарий:

Александр Репников*

Аннотация. Публикуется текст дневника Л. А. Тихомирова — бывшего народо-вольца, ставшего консерваторм. Он вел дневник более 30 лет, в настоящее время готовится полная публикация его записей периода 1905–1907 годов.

Ключевые слова: Л. А. Тихомиров, консерватизм, самодержавие, Первая русская революция, общественная мысль.

Жизнь и мировоззрение Л. А. Тихомирова (1852–1923) привлекают внимание многих отечественных исследователей (Бурин, 1994; Ермашов, Пролубников, Шириянц, 1999; Милевский, 2004; Начапкин, 2007; Посадский, Посадский, 2009; Репников, Милевский, 2011). Его фундаментальный труд «Монархическая государственность» с 1992 года переиздавался несколько раз (Тихомиров, 1992, 1998, 2004, 2006, 2010). Тихомиров даже стал одним из героев исторических романов (Давыдов, 1996, 2001; Михайлов, 1996; Яковлев, 2001, 2005; Поляков, 2010–2011, 2011). В сложной и противоречивой судьбе Тихомирова в полной мере отразились изменения, которые переживала Россия, начиная с эпохи Великих реформ и заканчивая становлением большевистского режима. Помочь в понимании душевных метаний Тихомирова могут его записи. Дневники, относящиеся к промежутку времени с 1883-го по октябрь 1917 года хранятся в личном фонде Л. А. Тихомирова, который находится в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 634). Всего они составляют 27 единиц хранения. Дневники представляют собой уникальный материал для исследователей. Множество подробностей из жизни автора, описание его размышлений, обстановки, его окружавшей, — все это позволяет нам увидеть внутренний мир Тихомирова во всей его сложности и противоречивости. Фрагменты из Дневника Тихомирова за 1883–1895 гг. публиковались в 1927 году (Тихомиров, 1927), а в начале 30-х гг. в «Красном архиве» была опубликована часть дневниковых записей (Тихомиров, 1930, 1933, 1935, 1936). Комментарии к публикации в «Красном архиве» носили самый общий характер, в тексте были сделаны значительные купюры, зачастую никак не обозначенные. Не-

---

* **Репников Александр Витальевич** — доктор исторических наук, профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС), главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории. Email: repnikov@mail.ru

© Репников А. В., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ (проект №12-01-00185а).

брежность видна и в несовпадении заголовков. Фрагменты Дневника за 1901, 1905 и 1912–1917 гг. были помещены в 2002 году в сборнике, посвященном юбилею С. В. Фомина (Фомин, 2002: 556–626)². Две публикации, включавшие фрагменты за 1899–1904 гг., подготовлены Г. Б. Николаевым (Николаев, 2006: 258–296). В 2008 году вышел в свет дневник Л. А. Тихомирова (1915–1917 гг.), снабженный вступительной статьей и подробными комментариями (Тихомиров, 2008). В настоящее время по гранту РГНФ (проект №12-01-00185а) ведется работа по подготовке к публикации полного текста дневника Тихомирова 1905–1907 гг., снабженного вступительной статьей и научными комментариями. Далее впервые без каких-либо изъятий публикуется текст дневниковых записей Тихомирова с 1 по 31 декабря 1905 года. Археографическая подготовка текста, его расшифровка с рукописного оригинала и комментирование осуществлены А. В. Репниковым. При подготовке к публикации текст был приведен в соответствие с нормами современного русского языка, явные опiski исправлены без оговорок. Расшифрованные или вставленные от составителя слоги, недостающие по смыслу слова, фамилии заключены в квадратные скобки [...]. В тексте сохранены авторские многоточия, подчеркивания отдельных слов и фраз, отражающие особенности авторского стиля Л. А. Тихомирова.

* * *

1 декабря

Ну, должно быть, у Сашы³ брюшной тиф... Температура такая!.. А Голубев⁴ никак все не может заехать.

Вечер 6 часов. Сейчас был Голубев. Сашу нельзя определить, но есть сильное подозрение на какой-нибудь тиф... Видно будет дня через 2...

---

2. К сожалению, при публикации текстов допущено несколько ошибок, что не такая уж редкость, поскольку почерк Тихомирова сложен для расшифровки. Так, вместо слов «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *политиков*, то евреев...» (Там же. С. 593) следует читать: «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *поляков*, то евреев...» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 59). В предложении «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — наполняют тревогой» (Фомин, 2002: 592) из текста публикации выпало словосочетание, отсутствие которого никак не отмечено, в отличие от других случаев, когда при сокращении текста это указывается. В первоисточнике читаем: «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — проводимые евреями, — наполняют тревогой» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 45).

3. Тихомиров Александр Львович (1882–1955) — иеромонах Тихон (1907), сын Л. А. Тихомирова и Е. Д. Тихомировой. Закончил Московскую духовную академию (1906), был пострижен в монашество; архимандрит (впоследствии епископ), ректор Новгородской духовной семинарии (1913), викарий Новгородской епархии, епископ Череповецкий (1920), Кирилловский (1924). Провел три года (1927–1930) в лагерях, работая на лесозаготовках. Вернулся инвалидом и был уволен на покой по состоянию здоровья. Многие годы провел в затворе в Ярославле, где и скончался. Подробнее см.: Фудель, 2001: 61, 117, 535, 551, 552; Трофимов, 2001; Епископ Тихон (Тихомиров), 2003).

4. Доктор, лечивший семью Тихомировых.

Сегодня выдали из конторы жалование за первую половину ноября, да большое одолжение. Это потому, что почта немножко доставили и часть [нрзб.] корреспонденции получена Конторою. И то, слава Богу. Хоть расплачусь немного, а потом опять останусь без денег.

Ночь.

Двенадцать час[ов]. Возвратился из редакции... Саше нехорошо. В 9 часов было 39,4%... Наверное, тиф... Не спит. Я стал на молитву... Разные безобразные крики откуда-то. Трудно молиться. Выглянул на улицу, будто бы ничего... Кажется, это внизу под нами, в жилище наборщиков. Крики, не то бунт, не то даже ругают...

Какая тяжелая жизнь. Всех обуяло какое-то наваждение, все безобразно, страшно, грубо... Вечером безобразия кто-то убил на Тверском бульваре солдата-манчжурца. Он — рыжий, хромой. Безобразники стали его ругать: «Вы, дескать, никуда не годны, без вас, манчжурцев, надо»... Солдат пригрозился: «Что же бить раненого? Вы подождите, возвратятся здоровые, они покажут, как бить манчжурцев»... Эти ужасные люди набросились на него толпой и начали бить, говорят — убили... Боже, Боже, что делается в России! Боже, зачем ты нас покинул во власть сатаны. Боже, смилуйся, помоги!

2го дек[абря]

Получена тел[еграмма] Все[российского] Тел[еграфного] Аг[ентства] официально — речь Императора монархическим депутациям 1-го дек[абря]⁵. Приехавший оттуда Федор Мочалкин⁶ рассказывал Лукину, как было дело. Депутации с пон[едельника] до среды не получали извещения об аудиенции. Вечером в среду было назначено на четверг (1 дек[абря]). Депутации были выстроены полумесяцем отдельными группами, по обществам своим. На крайне правой Щербатов⁷ (Союз Русск[их] Людей⁸), за

5. 1 декабря 1905 года Николай II принял в Царском Селе в Александровском дворце депутацию Союза русских людей, в которую входили князь А. Г. Щербатов, Ю. П. Бартнев, Л. Н. Бобров, Н. Н. Ознобишин, Н. М. Павлов, В. Г. Орлов и крестьяне Ларионов, Богачев, Буроличев, Можаяев, Скворцов. Щербатов зачитал адрес от СРЛ, в котором говорилось: «Государь!.. Мы все за Тебя. Созови Великий земский собор в Москве. Собери коренной по вере и происхождению русский народ... Нужно восставление народной государственной власти. Единственный к тому способ: немедленный созыв Земского собора путем существующих сословных выборных учреждений» (Правые партии, 1998: 82–83). В ответ император выразил уверенность, что преданные ему «сыны России» пойдут «не по иному, как только по предначертанному Мною пути... что манифест, данный Мною 17 октября, есть», а значит, идея Земского собора несвоевременна (Щербатов, 2002: 288).

6. Мочалкин Федор Семенович (1841–?) — известный пчеловод.

7. Щербатов Александр Григорьевич (1850–1915) — князь. Экономист и консервативный публицист. Рузский уездный предводитель дворянства (1883), президент Московского общества сельского хозяйства (1892–1905), председатель Союза русских людей (1905). Подробнее см.: Репников, 2010в: 599–602.

8. Союз русских людей (СРЛ) — монархическая организация, действовавшая в 1905–1917 гг. Инициаторы создания — братья графы Петр Сергеевич и Павел Сергеевич Шереметевы, вокруг которых в Москве сложился «Кружок московских дворян». В апреле 1905-го его участники объявили о создании СРЛ с целью отстоять исконные начала, «согласить» их с объявленным властью обновлением государственного строя и найти выход из переживаемой Россией смуты. Подробнее см.: Омелянчук, Репников, 2010: 477–480.

ним Грингмут⁹ со своими «Монархистами»¹⁰ и т. д., затем группа «Русского Крестьянства» (Богачев с компанией)... Уж не знаю порядок остальных групп, только крайняя левая была Союз землевладельцев, т. е. Чемодуров¹¹, Ник[олай] Ал[ексеевич] Павлов¹² («дворянин») и т. д.; к ним присоединился и Шарапов¹³.

9. *Грингмут Владимир Андреевич* (1851–1907) — писатель, публицист, общественный и политический деятель. Родился в семье доктора философии, получил домашнее образование. С 1866 по 1870 год слушал лекции в Московском университете. Занимался педагогической деятельностью и литературным трудом. С декабря 1896 по 1907 год — редактор-издатель «Московских ведомостей». В апреле 1905-го создал одну из первых монархических партий — «Русский (Московский) монархический союз». Стал председателем Союза. Был одним из организаторов Всероссийских съездов русских людей. Подробнее см.: Репников, 2010а: 133–137.

10. *Русская монархическая партия* (РМП) — консервативно-монархическая организация, действовавшая в 1905–1908 гг., центром ее формирования стала газета «Московские ведомости». Днем создания РМП считается 24 апреля 1905 года, «когда впервые выразили свое желание образовать боевую монархическую партию князь Дмитрий Николаевич Долгоруков, барон Григорий Григорьевич Розен и дворянин Леонид Владимирович Геника» (Московские ведомости. 1905. 8 октября №267). Председателем РМП (с 17 декабря 1906 г. — пожизненным) стал редактор-издатель «Московских ведомостей» В. А. Грингмут. Первое «частное» собрание РМП состоялось 1 сентября 1905 года. Подробнее см.: Омелянчук, 2010: 411–414.

11. *Чемодуров Александр Александрович* (1850 — не ранее 1917) — общественный деятель; один из лидеров Объединенного Дворянства. Крупный землевладелец. Действительный статский советник (1904), Член Государственного совета. 1 декабря 1905 как член делегации «Союза землевладельцев» принят Николаем II. Активный деятель дворянского движения, член Постоянного совета Объединенного дворянства.

12. *Павлов Николай Алексеевич* (?–1931) — общественный деятель; один из лидеров Объединенного дворянства. Крупный землевладелец Саратовской губернии, выборный местного земства. В 1895 году — корреспондент Главного управления государственного коннозаводства по Саратовской губ. В 1905-м — чиновник особых поручений по переселенческому делу, при министре внутренних дел. Автор записок по крестьянским делам. В начале 1905 года — член салона Б. В. Штюмера (впоследствии покинул салон). Член салона генерала Е. В. Богдановича. 1 декабря 1905 года как член делегации «Союза землевладельцев» принят Николаем II. Активный деятель дворянского движения, член Постоянного совета Объединенного дворянства. Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Гражданине», «Русском знамени» и других консервативных изданиях (подписывал свои статьи «дворянин Павлов»). После революции эмигрировал. В 1927 году издал книгу, в которой отмечал: «Консерваторы интеллигенты, как Тихомиров, Никольский, Величко, Булацель, Пуришкевич, Дубровин и иные, были наперечет. С 1906 года они не без успеха помогают организовать улицу и до 1908 года создадут довольно сильные союзы» (Павлов, 1927: 67). В информации о приеме Николаем II делегации СРП 1 декабря 1905 года значится также историк, профессор и общественный деятель *Павлов Николай Михайлович* (?–1906), принимавший участие в деятельности Союза русских людей и «Кружка москвичей».

13. *Шарапов Сергей Федорович* (1855–1911) — писатель, публицист, правый общественный деятель. Учился в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге (в 1874 г. вышел, не кончив курса по причине болезни матери). В 1875–1876 гг. во время восстания в Боснии и Герцеговине добровольцем участвовал в боях, затем в качестве корреспондента газеты «Новое время» работал за границей. После возвращения в Россию (1878) вышел в отставку и занялся сельским хозяйством. Получил известность как изобретатель плугов новой системы, которые с успехом экспонировались на многих выставках, и основатель мастерской этих плугов (1878), расположенной в его имении. Основал акционерное общество «Пахарь». Являлся одним из учредителей и руководителей (с 1905) Союза русских людей, входил в

Депутации рассуждали, как приветствовать Императора. Думали сначала бухнуть в ноги. Спросили дежурного дворцового (кажется, Путятин¹⁴). Тот сказал: «Не смею давать совета, а только у нас это не принято»... Тогда решили поклониться в пояс.

Вошел Император. Щербатов стоял с «челобитной» в папке и с иконой св. Алексея (данной еп. Никоном¹⁵). Но Император, подойдя к Щербатову, не допустил сказать ни слова, а тотчас сам произнес речь... После такого категорического заявления Щербатов не счел удобным распространяться и только в самых кратких словах объяснил, что вот, дескать, «русские люди» приехали с челобитной и передал папку. Государь взял, не читал. Потом Щербатов поднес икону, Государь перекрестился, приложился и передал все свите.

состав его Исполнительного совета. Неоднократно выступал с докладами в Русском собрании, вместе тем подчеркивая свою обособленность от монархических организаций. С 1881 года сотрудничал в газете «Русь» И.С. Аксакова, публиковался в изданиях: «Новое время», «Промышленный мир» и других консервативных органах печати. Издавал и редактировал газету «Русское Дело», которая была закрыта за критику правительства; еженедельную газету «Русский Труд», сельскохозяйственный журнал «Пахарь», «Русскую Беседу». Автор ряда художественно-публицистических произведений: роман «Кружным путем», утопия «Через полвека», политическая фантазия «Диктатор» и др. Учредитель Аксаковского литературно-политического общества (1907). Подробнее см.: Репников, Соловьев, 2010: 572–577.

14. *Путятин Михаил Сергеевич* (1861–1938) — генерал-майор по гвардейской пехоте (апрель 1911); штаб-офицер для поручений при управлении Гофмаршальской части Министерства императорского двора (1900–1910). Начальник Царскосельского дворцового управления (1911–1917). После революции — в эмиграции.

15. *Никон (Рождественский Николай Иванович)* (1851–1919) — архиепископ, духовный писатель и издатель. В 1874 году окончил Московскую духовную семинарию. Поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. В 1880 году пострижен в монашество, в 1885-м рукоположен во иеромонаха, возведен в звание соборного монаха Московского Донского монастыря. В 1892-м утвержден действительным членом собора Свято-Троицкой Сергиевой лавры с возведением в сан архимандрита. С 1893 года — казначей лавры. В 1901 году — председатель епархиального училища иконописания при Троице-Сергиевой лавре, издатель «Троицких листков», «Троицкой библиотеки», «Божией Нивы». В 1904 году хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904-го — епископ Серпуховской, четвертый викарий Московской епархии. С 1906 года — епископ Вологодский и Тотемский. С 1907 года — член Государственного Совета. С 1908-го — член Святейшего Синода. В мае 1912 года уволен по болезни от управления епархией и назначен членом Святейшего Синода. В 1913 году возведен в сан архиепископа. С 1913 по 1916 председатель издательского совета при Святейшем Синоде. В мае 1913 года был командирован Синодом на Афон. С июля 1916-го на покое. Проживал в Троице-Сергиевой лавре, продолжая издательскую деятельность. Скончался 30.12.1918 (02.01.1919). Оставил дневники: Никон, 2004.

С ним было много свиты, в том числе Трепов¹⁶ и Дубасов¹⁷. Вид Императора совершенно свежий и здоровый, только «был неприветлив».

Затем Щербатов представил своих Русских людей¹⁸. Потом Грингмут свою «Монарх[ическую] партию». Самому Грингмуту Император ничего не сказал, но кое-кому произносил несколько незначащих слов. Самому Мочалкину сказал: «Ведь у вас, кажется, пасека?»¹⁹. Тот подтвердил, что пасека — в Измайловском зверинце, и Император спросил, как идет пасека... В остальных группах то же молчание и бесцветные фразы. Богачев только поднес свои «сочинения», и Император взял. Но когда дело дошло до Союза землевладельцев, тут началась иная сцена. Чемодуров горячо говорил о невозможной жизни в России, о пожарах и грабежах, о разрушении деревни, указывал одного присутствующего помещика, у которого все имение только что сожжено. Говорил что-то и Шарапов. Но резче всех говорил Павлов (Ник. Алексеевич), который, очертив анархию, сказал, что теперь все недоумевают, сохранил ли Император свое самодержавие после 17 окт[ября]. Все спрашивают, «и мы не знаем, что ответить»...

Эта атака Союза землевладельцев, по словам Мочалкина, очень смутила Императора, но он ни слова не ответил и со смущенным видом, молча, ушел...

Ну, после этого, конечно, депутации кормили завтраком во дворце и затем пустили.

Более сильного разгрома всем сторонникам самодержавия Император, конечно, не мог нанести. Даже странное молчание на вопрос о самодержавии — вышло высоко

---

16. *Трепов Александр Федорович* (1862–1928) — государственный деятель. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Егерском полку, затем старшим адъютантом штаба 18-го армейского корпуса. В 28 лет ушел в отставку. С 1889 года — чиновник особых поручений в МВД. С 1895 года служил в Государственной канцелярии. Егермейстер (1905), тайный советник (1905). В 1906-м участвовал в разработке новой редакции «Основных государственных законов». С 1907 года — сенатор 1-го департамента Правительствующего Сената. С 1914-го член Государственного совета. С октября 1915 по декабрь 1916 года — управляющий МПС, затем министр путей сообщения. Одновременно с ноября по декабрь 1916-го председатель Совета министров. После Октябрьской революции в эмиграции.

17. *Дубасов Федор Васильевич* (1845–1912) — флигель-адъютант Свиты императора (1878). Командующий Тихоокеанской эскадрой (1897–1899), вице-адмирал (1899), адмирал (1902). Генерал-адъютант (1905) Свиты императора Николая II. В 1905-м руководил подавлением крестьянского движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С ноября 1905 по июль 1906 года — московский генерал-губернатор. Активно участвовал в организации подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Член Государственного совета (1906) и Совета государственной обороны (1907).

18. Т. е. представителей «Союза русских людей».

19. В своем подмосковном имении Ф.С. Мочалкин устроил пасеку, насадил шелководственные растения и в 1882 г. экспонировал на московской выставке разведенных им пчел кавказской породы. По его инициативе и частью на его средства были построены Школа для учащихся пчеловодству при опытной Измайловской станции, выставочный павильон и т. д. Он также устроил отдел пчеловодства в московском зоологическом саду. Участвовал в популяризации пчеловодства — издал «Дневник пчеловодственной выставки и ее беседы», печатал ежегодные отчеты о пасеке в «Трудах комитета пчеловодства и общества акклиматизации».

красноречиво. Затея «Всенародного союза» окончилась беспримерным поражением, и не могу себе представить, что же все эти группы будут теперь делать?

Грингмут должен приехать завтра.

Почтовая стачка не кончилась, и я боюсь, что к 5–6 декабря не началось бы, и вправду, чего-нибудь похуже.

Вот речь Императора²⁰

ТЕЛЕГРАФ и ТЕЛЕФОН

ПЕТЕРБУРГ, 2 декабря. 1 декабря в Царском Селе, в Александровском Дворце, Государю Императору имели счастье представляться нижеследующие депутации: 1) от Союза Русских Людей, 2) от Монархической партии, 3) от Союза Землевладельцев, 4) от Общества хоругвеносцев и добровольной охраны, 5) от Совета редакции журнала [«Русское Крестьянство[»], 6) от общества крестьян села Воробьевы Горы под Москвой, 7) синодальный миссионер игумен Арсений. Государь Император обратился ко всем собравшимся со следующими словами:

«Принимаю вас в уверенности, что вижу перед собой истинных сынов России, искони преданных Мне и Отечеству. Не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по начертанному Мною пути, поэтому и призываю вам передать всем любящим дорогую нашу Родину, что Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению. Для скорейшего осуществления дарованных Мною реформ необходимо, при справедливой, строгой и твердой власти, водворить спокойствие и порядок в потрясенной смутами земле Русской. В этой задаче вы должны дружным содействием на местах помочь поставленными Мною властям и Мне. Большой грех берут на душу те, которые своими действиями и внушениями создают смуты, разжигая страсти и взаимную вражду. Да благословит Господь вас и Россию. Да поможет всем нам исполнить наш долг до конца».

Петербург. Государь Император.

3 дек[абря]

Утро. Грингмут возвратился. Но я его еще не видал.

Что-то он теперь станет делать после такого афронта?

4 дек[абря]

Грингмут, в общем, говорит то же, что Мочалкин. Только прибавляет, что он сам сказал несколько слов Императору (поблагодарил за назначение Дубасова), и подробнее передает речи Союза землевладельцев. Они были очень резки. Чемодуров прямо поставил вопрос: самодержавен ли теперь Император? Император, очень смущен-

---

20. Далее вклеена вырезка из газеты. Тексты вклеенных в дневник писем и газетных заметок выделяются курсивом.

ный, молчал секунд 15, и затем пожал руку Чемодурову и сказал: «Благодарю вас за чувства и за службу»... Несмотря на это поразительное умолчание, Шарапов, бывший последним, в ряду Союза, снова остановил Императора и прямо сказал: «Вам был поставлен вопрос: самодержец ли вы теперь или нет? Нам это необходимо знать, ибо ответом на это определяется наш долг и наши действия!...». Но Император и тут не дал ответа и молча ушел в дверь, около которой стоял Шарапов.

Вчера приехал Новоселов и был у меня с Кузнецовым. Была также Кедрова (Елена Сергеевна) с дочкой Танечкой: обе очень симпатичны.

Сегодня усиленные слухи о решительной попытке революционеров произвести всеобщую забастовку и бунты... Назначают завтра и послезавтра. Вчера и сегодня были попытки взбунтовать войска. Арестована мастерская динамита и бомб.

По-видимому, близится решительный момент: либо революция победит, либо надорвет себя. При жалкой слабости Правительства, конечно, возможно все.

С другой стороны, в либерально-интеллигентных слоях говорят, что 6 декабря «черносотенцы», отслужив молебен на Красной площади, начнут истреблять интеллигенцию!

Новоселов²¹ настаивает, чтобы у меня состоялся вечер с чтением об Апокалипсисе... которое, кстати сказать, — не готово и давно заброшено. Но дело в том, что

---

21. Новоселов Михаил Александрович (1864–1938) — духовный писатель, издатель и публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В юные годы — последователь религиозных взглядов Л. Н. Толстого (до 1901), под влиянием которого начал преподавать в сельской школе. В 1888 году создал одну из первых толстовских земледельческих общин. Печатался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях». Участвовал в религиозно-философских собраниях 1902–1903 гг. в Петербурге. Издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902–1917) и «Листков Религиозно-философской библиотеки». Противник Г. Е. Распутина. В 1910 году напечатал в «Московских ведомостях» несколько статей о Распутине (№49 — «Духовный гастролер Григорий Распутин», №72 — «Еще нечто о Григории Распутине» и др.). Автор брошюры «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), которая, несмотря на конфискованный тираж, была размножена и широко ходила по рукам (впоследствии В.Д. Бонч-Бруевич отзывался о ней крайне негативно: «многое из сообщенного в брошюре... оказалось ложью, многое крайне преувеличено»). Основатель и руководитель «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви» (организован в 1907), в котором принимали участие о. Иосиф Фудель, о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников, Ф. Д. Самарин и др. В Москве проживал по адресу: Москва, близ храма Христа Спасителя, дом Ковригиной, кв. 12. Был арестован 12.08.1922 и до 19.03.1923 находился под арестом. С 1923 года и до ареста в 1929-м жил на нелегальном положении, продолжал свою литературную деятельность. По некоторым данным, в 1920 году тайно принял монашеский постриг с именем Марк, а в 1923-м в Даниловом монастыре тайно был хиротонисан во епископа Сергиевского и стал деятельным членом «катакомбной» церкви. Один из духовных руководителей движения «непоминающих», прекративших молитвенное общение с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) после опубликования последним в 1927 году «Декларации» о лояльности Церкви к советской власти. Был арестован в 1929 году в Ярославле как один из организаторов и идеологов оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Приговорен к 8 годам заключения, но 7 февраля 1937 года был обвинен в «контрреволюционной деятельности» и срок заключения был увеличен. Отбывал заключение в одиночке Ярославского политизолятора. 17.01.1938 приговорен к расстрелу в Вологодской тюрьме. Расстрелян. Канонизирован Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви

в Москву едет сам Валентин Тернавцев²², — так для него... Я согласился, потому что мои очень скучают, и барышни назначили четверг, т. е. 8 дек[абря]. Но у меня уже был раз назначен этот апокалипсический четверг, именно по случаю предполагаемого приезда Тернавцева... и вместо того вышла всеобщая забастовка, остановка дорог, воды, газа, хлеба и т. д. — вообще, в своем роде пришествие Антихриста... Конечно, и Тернавцев не приехал, да и здесь было не до четвергов и чтений. Как бы и на сей раз мистический Валентин Александрович не принес нам того же...

Саша вчера и сегодня имел понижение температуры, но Голубев говорит, что может и снова подняться, если это что-либо тифозное...

6 дек[абря]

Именины моего Коли²³ и вместе с этим Царский день.

Мои, кроме меня и больного Саши, разошлись по церквам. Между тем сегодня все предполагают какие-то грандиозные беспорядки. Революционеры, как говорят, готовят какую-то «решительную битву» правительству. В то же время разные «патриотические» союзы назначили торжественное молебствие на Красной площади, куда и приглашают весь московский народ... В публике либеральной толкуют, что эти «черносотенцы», помолившись, начнут бить и уничтожать всех революционеров и вообще интеллигенцию. Об этом ходят целые легенды. Так, говорят (вздор, конечно), будто бы «черносотенцы» сообщили об этих своих намерениях Медему, и тот будто

13–16.08.2000. Подробнее см.: Новоселов, 1904, 1911, 1994; Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому, 1994; Архив, 1998; Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым, 2001; Арсеньев, 1962; Яковлев, 2005).

22. *Тернавцев Валентин Александрович* (1866–1940) — религиозный деятель, публицист. Учился в Харьковском университете (1884–1890), где был оставлен при юридическом факультете для подготовки к профессуре. Обратившись к религии, переехал в столицу, где поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургскую духовную академию. Некоторое время исполнял обязанности секретаря при митрополите Антонии (Вадковском). Стал одним из организаторов Религиозно-философских собраний (1901–1903). Пользовался уважением как в кругах столичной интеллигенции, так и в религиозной среде. П. П. Перцов, сравнивая влияние Д. С. Мережковского и В. А. Тернавцева, отмечал: «Гораздо популярнее, особенно в церковных кругах, был... В. А. Тернавцев, производивший своей искренностью и глубокой верой в свои слова временами огромное впечатление» (Перцов, 2002: 232). В 1906 году Тернавцев был причислен к канцелярии обер-прокурора Синода с обязанностями чиновника по особым поручениям по отделу образования. В 1911 году получил должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода. В 1913 году — чин коллежского советника. В 1915-м назначен управляющим Петроградской Синодальной типографии. В 1916 году — статский советник. В марте 1917-го арестован, но вскоре освобожден. Жил в Крыму, затем в Москве у своего друга М. Н. Новоселова. В ноябре 1923 года выслан в административную ссылку в Тобольск, откуда в мае 1925-го — в Сургут. В 1926 году вернулся из ссылки. Жил в Серпухове, занимаясь преподавательской работой. Как и Л. А. Тихомиров, В. А. Тернавцев долгие годы изучал и пытался толковать Апокалипсис, выступая с чтением отдельных глав своего исследования. Написал объемный труд «Толкование на Апокалипсис Иоанна Богослова», оставшийся неопубликованным. Оказал влияние на сына И. И. Фуделя — С. И. Фуделя.

23. *Тихомиров Николай Львович* — младший сын Л. А. Тихомирова и Е. Д. Тихомировой. Был репрессирован в 1920-е гг. (по одной версии — расстрелян, по другой — погиб от болезни).

бы ответил, что советовать этого не может, но если бы революционеры были истреблены, то это было бы хорошо... Этот явный вымысел передают с полным доверием!..

Короче: все друг друга трепещут, все ждут побоища... И это побоище висит в воздухе... Сейчас внизу, под нами, наши рабочие громко поют «Марсельезу» — «Вставай, поднимайся, рабочий народ»... Ежедневно идут драки, пальба — со стороны почтово-телеграфных забастовщиков. Убийств и грабежей еженощно и ежедневно, несть числа. Дерутся и массажи. Вчера 1000 рабочих штурмовали воровской притон «Киселевскую крепость»...

Россия в полной кровавой анархии. Войска волнуются под влиянием революционной агитации. Вчера, впрочем, Ростовский полк усмирился и выдал зачинщиков. Говорят, этот полк сегодня будет в параде на Красной площади...

Правительства — нет. Николай II не способен его дать. Его чиновники, безусловно, неспособны к этому. И вот — все в анархии. Величайшее счастье будет, если Государственная дума станет Правительством! Но этой Думы нет, и когда будет — неизвестно. А анархия не ждет. Революционеры уже делают все усилия захватить власть раньше, чем соберется Госуд[арственная] дума. Это понятно. Ничего более жалкого, в государственном смысле, как Витте, нет. Да, впрочем, — нет и вообще ни одного человека в высших областях «управления», [кто] хочет[?] бессмысленного и подлого прозябания так называемого «Правительства».

Ночь. 12-й час. Говорят, что молебствие на Красн[ой] площ[ади] собрало много народа. Рассказывали два очевидца, но не беспристрастные. Один сказал — 50 000... Я спросил: «20 — было ли?» «Ну, уж это наверное»... Потом толпа ходила к Дубасову: просила выразить ее чувства Царю.

А после того, как разошлись, немедленно пришла к Дубасову толпа рабочих с пением Марсельезы...

Сейчас, в 11 ч. ночи, по Страстному прошла толпа рабочих с пением Марсельезы...

Столкновений в первую половину дня не было. Теперь — не знаю.

А Вера²⁴ уехала на Мясницкую на именины... Каково это воротиться в 1–2 часа ночи?

Нищих, грабителей и просто «хулиганов» — ну просто полна Москва. А тут еще и политические схватки... Говорят, что в 8 часов утра собрана была «боевая дружина» революционеров и все время молебна дежурила в разных пунктах. Зачем? Хотели нападать или боялись резни «черносотенцев»? Теперь обе стороны друг на друга думают и наговаривают: не знаешь, чему верить...

7 дек[абря]

Сегодня конки не ходят. Говорят, что извозчики не выедут, п.ч. их «будут убивать»... Впрочем, извозчиков все-таки вижу на улице. Сейчас (10 ч. утра) слух, что

24. Тихомирова Вера Львовна (1880–?) — дочь Л. А. Тихомирова и Е. Д. Тихомировой. Работала в Мариинском убежище для бывших сестер милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде, созданном при покровительстве великой княгини Елизаветы Федоровны. Публиковала статьи в московских газетах о православной миссии в Японии и Китае.

Ярославская дорога с 12 часов прекращает движение. Слух, что все лавки будут закрыты. Все бегут запастись пищей. У нас побежали за хлебом и пр. Вообще слух, что начнется снова общая забастовка и восстание.

Просто мучение, а не жизнь!

11 часов утра. Сейчас кухарка говорит: «Все говорят: мужчины, бабы, весь народ. С 12 часов все закроется, все прекратится, и будет страшное убийство, будут Москву громить»...

4 часа вечера. Седьмую гимназию распустили до пятницы. Стали почти все железные дороги. Забастовала наша типография, и — говорят — все. Кое-где толпы «снимают» рабочих. Кое-где войска и толпы. Поют Марсельезу. Было хождение с красным знаменем. В Леонтьевском переулке столкновение красных знамен с драгунами...

Вообще — начинается катавасия, а может быть, и восстание.

Ночь. 9 часов. Новоселов у Кузнецова²⁵, который его никуда не выпускает, для безопасности. Это он объяснил по телефону, сообщив тоже, будто бы объявлено военное положение. Это, однако, до сих пор не подтвердилось. Телеграфное же агентство на запрос редакции ответило телефоном, что объявлена чрезвычайная охрана, но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом.

Пустые слова!

Редакция — пуста, и даже заперта, типография не работает: наборщики заявили, что они боятся нарушить приказ. Были слухи о стрельбе в Чернышевском переулке. Железные дороги в течение дня все прекратили движение. Газ горит на улицах. Ну, конки не ходят. Телефон весь день действовал. Почта, в сущности, не действует. Кое-какая корреспонденция разослана по отделениям и выдается проходящим. Я получил открытку Киреева²⁶ от 16 октября, испачканную, с расплывшимися чернилами. Это все-таки событие.

Грингмута видел сегодня. Он мрачен и удручен, как редко. Между прочим, его пригибает и решение университета отнять у него аренду до срока. Да, это очень важно. Ну и для меня это — прямо мат!

11 часов ночи. На улицах шум даже меньше среднего... Что-то завтра, а может быть, и ночью?

---

25. Кузнецов Николай Дмитриевич (1868–1930/31?) — богослов, магистр церковного права, присяжный поверенный Московской судебной палаты, член Предсоборного Присутствия, член Святейшего Собора Православной Российской Церкви, профессор Московской духовной академии. Член Кружка ищущих христианского просвещения. После октября 1917 года выступал в защиту патриарха Тихона и Церкви. Входил в совет Союза объединенных приходов Москвы. Арестован по «делу» Союза объединенных приходов в 1919 года. В 1920-м был приговорен к расстрелу, замененному «концентрационным лагерем». В 1921 году освобожден и вновь арестован около 1928-го. Умер в ссылке в Алма-Ате (точная дата смерти неизвестна). См.: Голубцов, 1999: 56–57.

26. Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) — генерал-майор (1878), с 1907 года — генерал от кавалерии; адъютант великого князя Константина Николаевича, историк славянофильства, консервативный публицист. Сотрудничал в «Известиях славянского благотворительного общества», газете «Русь», журнале «Богословский вестник». Подробнее см.: Соловьев, 2010: 237–239.

Нужно сказать правду: тоскливое, унылое время. Вечно щемит сердце. Вот только и радости, что у Саши температура близка к норме. Ах, как нужна помощь Божья!

8 дек[абря]. Четверг

Ни одна газета не вышла. Вывешено объявление ген[ерал]-губ[ернатора] о чрезвычайной охране ввиду железнодорожной забастовки. Вместо газет вышли «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», где объявлена всеобщая забастовка и вооруженное восстание. В них помещено воззвание, подписанное Московским Советом Рабочих Депутатов, Московск[им] Комит[етом] Российск[ой] Соц[иал]-дем[ократической] Рабоч[ей] Партии, Московской группой Российск[ой] Соц[иал]-дем[ократической] Партии, Моск[овским] Комит[етом] партии социалистов-революционеров, Комитетом Окружной организации Росс[ийской] Соц[иал]-демокр[атической] Рабочей Партии.

Воззвание призывает: к 1) низвержению Царского Правительства, 2) созыву Учредительного Собрания, 3) учреждению Демократической Республики. Далее в «Известиях» идут разные сообщения о других организациях и известия из городов. О себе Московск[ий] Совет Рабочих Депутатов сообщает, что он представляет 134 фабрики и завода, около 100000 рабочих, которыми и избран означенный Совет из 204 депутатов.

«Известия» (№1) от 7 дек[абря] 1905 г. представляют листок в ¼ долю газетного листа.

Теперь 11 часов утра, не имею никаких ниоткуда вестей о происходящем. Только слухи, что в 12 часов ночи было нападение на дом генерал-губернатора, причем была пальба, были раненые и убитые.

Петербургские газеты пришли. Но о состоянии железных дорог ничего не знаю.

Получил запоздалое письмо Скворцова²⁷ с предложением сотрудничества — на 100 руб[лей] в месяц... Драгоценное известие, но как я ему отвечу?

Вечером у меня должен был быть реферат. Из 22 приглашенных пришло 3. Читал все-таки.

---

27. Скворцов Василий Михайлович (1859–1932) — миссионер, церковный публицист, издатель, редактор и общественный деятель. Сын священника. Окончил Киевскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной семинарии. Чиновник особых поручений при Обер-прокуроре Святейшего Синода (с 1895). «Вечный кандидат» в товарищи Обер-прокурора Святейшего Синода. Миссионер Киевской и Полтавской епархий. В 1909 — первой половине 1915 года являлся членом Главной палаты Русского народного Союза имени Михаила Архангела, был членом редакционной комиссии «Книги русской скорби», издававшейся РНС. В июне 1915 года вышел из РНС и стал одним из основателей «Отечественно-патриотического союза». Редактор-издатель (в 1905) ежемесячного журнала «Миссионерское обозрение» (СПб, 1901–1916). Издавал ежедневную церковно-политическую газету «Колокол» (СПб, 1905–1917). Был редактором (с 1910) ежедневного приложения к «Колоколу», выходившего под названием «На каждый день православному христианину». В 1915 году уволен в отставку в чине тайного советника. После 1917-го — в эмиграции. Жил в Югославии. В 1921 году — член Карловацкого Всеаграничного церковного собора. Преподавал в Сараевской духовной семинарии.

9 дек[абря]

Вчера ночью кое-где слышались выстрелы. Говорят, в [«]Аквариуме[»] была сходка, была какая-то драка, произведены аресты... но ничего толком не знаю.

Сегодня в 11 часов что-то ходят толпы народа. Хлеба нет в булочных. Много лавок заперто. Кухарка рассказывает, что в не желающих затворять стреляли...²⁸

Расписка в приеме заказной корреспонденции №583

Московский почтамт Лит.

В С.-Петербург.

Телеграмма В П[етер]б[ур]г

375 Число слов 11

Принято — р. 70 к.

Около часа дня вышел отправить заказное письмо и телеграмму Скворцову. Почтамт заверил, что в Петербург будет отправлено.

Для меня это крайне важно: быть может, это единственный луч спасения, п.ч. в [«]Моск[овских] вед[омостях]» работа крайне ненадежна

Город, по-видимому, очень неспокоен. Вас[илий] говорит, что на Тверской драгуны кого-то разгоняли. Толпы рабочих — с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ». Они тянутся больше к Триумфальным воротам. Что-то назревает серьезное. Боже, помоги добру, не допусти до зла, ибо Ты ведаешь лучше, где добро, где зло.

Около 2 ч. дня. Теперь громадный митинг в [«]Аквариуме[»]; говорят, от 25 до 50 тысяч... Вчера, говорят, ночью арестовано в [«]Аквариуме[»] же множество лиц и увезено в 6 фурах (мебельных) в Кремль... Полагают, что толпа двинется на Кремль.

Вл[адимир] Андр[еевич]²⁹ куда-то поехал и не будет принимать. Со всех сторон угрозы. Господи, помоги.

Около 3-х ч[асов]. На Тверской, у Пушкина, ходят толпы с красными флагами и Марсельезой... Драгуны разъезжают с саблями наголо. Им свистят. Они иногда рубят саблями... Вообще положение тревожное. Катя вышла погулять. Беспокоюсь. Впрочем, где же опаснее, чем у нас на дому?

Около 7 ч[асов]. Все время идет какая-то схватка. Во время отсутствия Кати мимо нас прошла порядочная толпа, человек 1000, с громким пением Марсельезы и с красными знаменами. Остановились, было, около нас, потом почему-то шархнулись на бульвар, потом опять сошли на улицу, но, слава Богу, — удалились.

Теперь шум и крики от Страстной площади, иногда толпы бегут оттуда, потом снова возвращаются... Но стрельбы не было слышно. Вероятно, разгоняют просто.

11 часов ночи. Говорят, однако (прислуга), что у Страстного солдаты стреляли, что была стрельба у Государственного банка. Революция разыгрывается, кажется, не на шутку.

28. Далее вклеены две квитанции.

29. Т. е. В.А. Грингмут.

10 дек[абря]

С утра выходил, и, может быть, этим, вызвал такой жестокий приступ геморроя, что не могу ни ходить, ни сидеть!..

А между тем в Москве светопреставление! Толпы по бульвару. Атаки драгунов, револьверная пальба... Наконец, уже было три орудийных выстрела с большими промежутками. Видно, на Страстной упорная борьба.

Картечь залетала к нам во двор 2½ часа. Я насчитал 6 орудийных выстрелов, но толпа не уходит, как говорят. Не заметно ни переноски раненых, ни карет. Вероятно, палят через головы...

3½ часа. Слышны залпы за залпами, ружейные. Иногда, поблизости выстрелы браунинга, судя по звуку. Однажды пронесли по бульвару 4 раненых... Надо сказать, что революционеры держатся молодцами, — уже часа три с лишним, как идет эта бойня толпы против войск с орудиями (говорят, что на площади три орудия).

Как слышно, дрались или дерутся также на Николаевском вокзале и на Никитской.

Шестой час. Москва темна: фонарей нет. Народу не заметно. Пальбы не слышно. Я не в состоянии выйти, чтобы разузнать положение дел. Не думаю, однако, чтобы оно было благоприятно для Правительства. Революционеры, по всему, что видел и слышал, обнаружили большую стойкость. Не могу записывать, п.ч. не в состоянии сидеть... После, коли Бог даст. Что касается организации революционеров, то она столь же превосходна, сколько глупа организация Правительства.

Седьмой час. По церквям благовест: завтра воскресенье... Какая ирония! Весь день истребляли друг друга... На улице сейчас кто кричал что-то, потом крик: «Городовой!»... Ну, конечно, никакого городского не может быть. Потом — раздался выстрел, и другой... Боже, что делается на Твоей несчастной земле!..

Половина седьмого... Еще не затих благовест, как послышалась отдельная трескотня выстрелов, некоторые совсем около нас. Кажется, револьверные... Потом были крики. Раздался орудийный выстрел. Через несколько минут — другой...

Значит, сражение снова началось.

Без четверти десять. На улицах до 9 была пальба, потом стихло. Что-то дальше?

Прислуга слышала, что хотят «поднять на воздух [„]Московские ведомости[“]». Может быть. Но я жду, что здесь будут печатать «Известия»... Они, говорят, набирались и печатались все три №№ по различным типографиям. Пожалуй, пришла очередь и грингмутовской...

...Совсем не могу ни сидеть, ни ходить. Жестокий приступ боли.

11 декабря 1905

Сегодня с утра, часов с 9, началась пальба. Говорят, будто бы есть план напасть на [«]Моск[овские] вед[омости]». Это страшно перепугало Катю³⁰. Я выходил за справ-

---

30. Тихомирова Екатерина Дмитриевна (?–30-е гг.), урожденная Сергеева. Проживала в Орле, училась на фельдшерских курсах. До переезда в Петербург принадлежала к орловскому «якобинскому» кружку П. Г. Заичневского. На Воронежском съезде была принята в «Землю и Волю», после раскола

ками и снова разбередил свой злосчастный геморрой, который как будто стих было к утру... Теперь я снова инвалид [?]. Не могу даже записать происшествий.

Часов в 10 была сильная перестрелка у Петровки. Трескотня революционных выстрелов никогда не была так сильна. Потом пошли солдатские залпы. Теперь, т. е. в 1 час $\frac{3}{4}$ дня, не прекращаются время от времени залпы, но, будто, подальше где-то.

2 часа. Началась орудийная пальба у Страстного монастыря: насчитал четыре-на-дцать выстрелов. Настоящая война! Или солдаты никуда не годятся или революционеры герои. Выдержать такую пальбу! Уж не взяты ли орудия? Что-то затихли...

Во время этой пальбы — на бульваре ни единой души. Вероятно, с другой стороны.

Около 3-х ч[асов] дня. Опять гремят пушки... Уже я и со счету сбился: выстрелов 30 — не меньше.

8½ вечера... Часов с 5 стихли орудия и залпы. Но в седьмом слышалось несколько револьверных выстрелов — среди глубокого мрака. Освещения никакого. Даже в домах огоньки показались очень поздно, когда стихла пальба.

Меня буквально замучил геморрой. Таких громадных шишек я не знал до сих пор. Мазь нельзя принять: доктора боятся ездить, аптеки закрыты, да ни один человек и не пойдет. Положение [?] беспомощное.

Воды в доме очень мало: боятся ездить по воду. Хлеба в лавке дали только черного и не больше 5 фунтов. Пекли сегодня дома.

Ну, что-то будет ночью?

12 дек[абря]

Ночью была какая-то перестрелка на бульваре.

Говорят, объявлено военное положение. Объявлено — т. е. ночью наклеили объявления, а через час все были сорваны... Никто ничего не знает. Начальство не догадалось даже раздать через дворников для прочтения жильцам. Ничего не догадаются...

Но с утра уже толпы, и идет какая-то пальба. Приезжали солдаты с пушками.

Военное положение! Это значит власть у Малахова и Глазова! Господи праведный, что это за несчастное «Правительство!» Хоть бы раз за полтора десятка лет услышать об одном умном поступке...

7½ час[ов] вечера. Сегодня днем прибежала Клавдия Орлова. Рассказывала о штурме дома Фидлера (это есть в [«]Новом вр[емени]»), и о штурме какого-то дома у Рязанского вокзала. Там был митинг, имевший целью взбунтовать войска, прибывшие по Рязанск[ой] дор[оге]. Оба случая были вчера, т. е. ночью.

Осип (сторож) говорил о каком-то доме Селезнева, где собрался митинг, а толпа зажгла дом и не дала пожарным потушить, так что собравшиеся задохлись.

Какой-то доктор говорил Клавдии, что всего раненых за эти дни около 4000 чел[овек].

вошла в состав Исполнительного комитета «Народной Воли». В 1880 году обвенчалась с Л. А. Тихомировым.

О сегодняшнем дне ничего не знаю! Вчера у революционеров были планы освободить забранных из Пересыльской тюрьмы. О результатах ничего не знаю.

Просил Грингмута сообщить, когда узнает достоверно, о том, есть или нет военное положение, и до сих пор ничего не знаю... Это возмутительная беспорядочность. Не объявить жителям о том, какой у них режим и каковы правила, которых соблюдение требуется!

Москва темна. Телефон не действует, телеграф тоже. Все проволоки порваны. Хлеба сегодня купили 5 фунт[ов] черного. Белый хлеб Революц[ионный] Исполн[ительный] Комитет запретил печь... А генерал-губернатор не имеет силы приказать печь. Хотя положение у нас и военное, но власть революционеров и более сильна, и более толкова, ибо, по крайней мере, известно, чего она требует...

Вот 10 часов ночи... Приходил рассыльный мальчик Ваня... «Ну, — спрашиваю, — что же у нас, военное положение или нет?» — «Ничего неизвестно, — ответил, — ничего не объявлено»... — «Да разве никто из полиции не захаживал?»... — «Никто. А только обыскивают. Я ныне ходил на Каретную: обыскивают. Жандармы обыскивают, а рядом часовой с ружьем»... Спрашиваю, что в городе? — «Все палят, где-то далеко. А Садовая вся в баррикадах»...

А мяса нет, а хлеба нет... Но что за идиотская администрация! Нечто беспредельно нелепое.

Начинаю думать, что революция может победить. Никакие времена Людовика XVI³¹ не могут сравниться с этим падением всего государственного строя. Ну, что Бог даст! Может быть, и вправду лучше гнилушкам упасть уже совсем, чтобы хоть стройка стала возможна.

13 дек[абря]

11 часов утра. Сведений никаких. Ночью, говорят, палили, а вечером были пожары в Марьиной роще, куда многие спасаются из Москвы. Говорят, хулиганы поджигают, чтобы грабить.

Сегодня с утра казалось спокойнее. Народ ходил, извозчики ездили; даже газеты продавали («Новое время»). Прислуга передает, что в доме Горчакова «засели студенты», чтобы стрелять в войска.

Теперь (11 часов) где-то слышна пальба.

Около 1 часа. Сам не могу ходить (из-за геморроя). Посылал Колю в редакцию за сведениями: ничего не известно, газет не было, репортеры не приходят, ни единой души, и ничего не известно об участии Москвы и революции.

2½ часа дня. Шла сильная пальба, — говорят, штурмуют [«]Аквариум[»]... Уж какой раз его берут, и все не догадаются занять его прочно.

Вообще распоряжение — нелепое. Теперь генерал-губ[ернатор] издал какую-то прокламацию и правила для жителей... Никто этого не знает. Расклеено, и будет сорвано, а по домам не разнесено. Мне случайно известно от Клавдии, которая бежит

31. Людовик XVI (1754–1793) — французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. После свержения монархии (10.08.1792) гильотинирован по приговору Революционного трибунала.

по всему городу. Но хорош и управляющий наш (Эренберг): у него дворники уже сколько дней не бывают в полиции. Теперь обещал послать узнать, что за распоряжение.

Третьего, кажется, дня загорелась или зажжена типография Кушнерева (на Селезневке). Говорят, там собрались наборщики печатать № «Известий». Прискакали казаки, потребовали сдать. Наборщики заперлись. Началась перестрелка. Дом почему-то загорелся или подожжен и будто бы весь выгорел, и люди будто бы погибли.

Пять часов. Орудийная пальба лишь недавно стихла. Говорят, разбивали дом Орлова против [«]Аквариума[»].

11 часов ночи. Сгорела типография не Кушнерева, а Сытина³². Там заперлись какой-то «Совет» и дружинники. Зажжена гранатой, а народ не допустил пожарных тушить. Говорят, все сгорели.

Н.В. Сгорели обе типографии, но у Сытина зажгли ее дружинники, чтобы прикрыть отступление, и действительно ушли. А сгорели только бабы и дети, из семейств наборщиков.

15 дек[абря]

По городу пальба, но, кажется, уже только от орудийного разрушения домов, называемых этим за произведенные в войска выстрелы³³...

Тактика вообще глупая.

Но вот горе. Заходил Николай Викторович³⁴ и от имени Вл[адимира] Андр[еевича] сообщил, что их дела ужасны[?], накануне банкротства. Это результат операций Дмитрия... За декабрь — я ничего не получу... За ноябрь получил едва половину... А в январе м.б. будет ликвидация! Вот это уже похуже бомб.

Я занят был писанием статей Скворцову. Готовлюсь послать с оказией. Это, может быть, единственное спасение, или хоть поддержка... Но еще вопрос — состоится ли это сотрудничество? Я прямо покинут гибели. Вот где нужна помощь Божья!

Недурны врачи Екатерининской больницы (новой, у Страстного бульвара). Они там почти на подбор «красные». Во-первых, потребовали у Попова принимать в больницу только раненых революционеров, а солдат и «черную сотню» не брать. Во-вторых, один врач стрелял в войско из-за колонн больницы. Другой хотел стрелять из окна, и только товарищи силой оттащили его, крича: «Что вы делаете? Вы нас губите!»

---

32. *Сытин Иван Дмитриевич* (1851–1934) — известный русский издатель-просветитель. Начал издательскую деятельность в 1876 году в Москве, открыв свою типографию. После Октябрьской революции состоял консультантом в Госиздате. С 1928 года — персональный пенсионер.

33. Имеется в виду артиллерийский обстрел тех домов, из которых производились выстрелы в правительственные войска.

34. *Соколов Николай Викторович* — служащий Московской университетской типографии, в которой печатались «Московские ведомости».

Начальник отряда, действительно, заметил стрельбу и сказал: «Смотрите! Если еще попадетесь, то не оставлю камня на камне»...

В Екатерининской больнице всего пятьдесят (50) раненых. А это одна из наполненных. Это показывает, как мало число пострадавших и как лгут врачи, распуская слухи, будто по Москве ранено и убито 5000 человек.

Однако система разрушения домов довольно бессмысленна. Она придает вид, будто против Правительства восстает Москва, чего нет даже и подобия. Вместо того чтобы истребить врага, приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем неповинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а революционеры, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом. Глупо.

Сегодня дети видели на Каретной Садовой ряд баррикад, которые Надя зарисовала для меня.

Совершенно ничтожные сооружения, которые моментально могла бы убирать народная милиция, если бы Дубасов догадался или хоть согласился ее организовать из жителей. Но, вероятно, он воображает, что против него не 10 тысяч человек, а все население! Удивительно это безусловное непонимание народа всеми властями. Правительство от этого и гибнет и, по всей вероятности, действительно погибнет в очень скором времени. Ни малейшего национального духа и чутья!

16 дек[абря]

Сегодня вышел «Русский листок» с хроникой революционных дней (с 7 по 15 дек[абря]).

Грингмут хочет завтра выпустить и свою газету.

А я тщетно жду ответа от Скворцова... Неужели не состоится мое сотрудничество в СПб, которое возбудило во мне столько надежд?

За эти дни я получил письма от сестры, от Дельвига³⁵, Новоселова и Суворина³⁶. Последнее, по его интересу³⁷, заклеиваю³⁸.

35. *Дельвиг Андрей Александрович* (не путать с братьями Александром и Анатолием Дельвигами) (1872–1930-е гг.) — барон. Окончил физико-математический факультет Императорского Московского университета, служил в Тульском Крестьянском банке, с 1918 года — работал в советских учреждениях. В 1930-х годах был репрессирован.

36. *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912) — писатель, драматург, журналист, издатель. Окончил Воронежский Михайловский кадетский корпус (1851), Воронежское саперное Константиновское военное училище (1853), по окончании которого уволен в статскую службу в чине коллежского регистратора. В 1856–1859 гг. преподаватель Бобровского уездного, а в 1859–1861 гг. — Воронежского уездного училища. С 1858 года публикует корреспонденции, рассказы и переводы в столичных и местных изданиях. В 1861-м переезжает в Москву и увольняется в отставку в чине губернского секретаря. В 1861–1862 гг. — секретарь редакции журнала Е. В. Салиас де Турнемир «Русская речь». С 1863 по 1874 год — сотрудник и секретарь редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском инвалиде», «Молве», «Биржевых ведомостях». В 1876-м вместе с В. И. Лихачевым приобрели газету «Новое время», издателем и фактическим редактором которой Суворин оставался до своей кончины. Подробнее см.: Минаков, 2010: 499–500.

37. Т. е. как письмо, представляющее интерес, по мнению Тихомирова.

38. В дневник вклеено письмо от А. С. Суворина.

*Многоуважаемый
Лев Александрович.*

Представьте себе, что Ваше письмо от 16го ноября, в котором Вы пишете между прочим, о городском, я получил только сегодня, 11 декабря. Вот какое время! Во времена Мамая письма доходили скорее. Что у вас в Москве делается? Судя по телефону, совсем Москва бунтует, и наступают в ней времена раскольнических бунтов и стрелецких. О начальстве военном рассказывают чудеса. Малама³⁹, говорят, прячется под кроватью. Вот она, японская война, отчего так была ужасна! Все стало и пахнет мертвечиной, а Витте делает опыты. Год тому он был приверженцем самодержавия и говорил мне, что нет лучшей формы правления для России. Я убеждал его собрать Земский собор хоть для того, чтобы оглядеться и узнать, что такое представляет собою Россия. «Но ведь в Собор пойдет интеллигенция». Он ее боялся, а теперь боится крестьян и полагает надежду на интеллигенцию. Такого невежественного человека в истории русской и европейской трудно себе представить. На экзамене гимназии он едва бы получил 2 с минусом. Русскую жизнь он тоже знает понаслышке, и в нем нет русской души. Во всяком русском революционере, если он достаточно силен разумом, эта душа есть, и она дает ему сил. У Витте, как говорится, и звания ее нет. Он допустил всю эту сумятицу, все митинги, на которых проповедывается открыто убийство царя, все пакостные сатирические листки, где, напр[имер], изображены генералы, душащие царя, или где царь убегает за границу, и проч. и проч. Он якобы за свободу печати и ни в чем не виноват. Он никогда не виноват. Теперь он представил Государю церемониал присяги конституции и самую клятву. Государь принял это, но еще не подписал. Распустив все, он вдруг захотел все остановить крутыми мерами. Я ему говорил: «Не опоздали ли?» Петербург ничего себе, но революционная полиция очень деятельна. Против «Нов[ого] вр[емени]» вражда, бойкот и угрозы. Я спокоен. Я слишком долго живу — мне 71 год и смотрю вперед без боязни. Будь что будет. Очень возможно, что городской и прав, но у правительства нет силы. Хрусталева⁴⁰ Витте арестовал потому, что узнал, что шли при-

---

39. Малама Яков Дмитриевич (1841–1912) — военный деятель, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска (1892–1904), генерал-лейтенант (1896). Помощник по военной части заместителя Е.И.В. на Кавказе (1905–1906). Генерал от кавалерии (1906).

40. Хрусталева (Носарь) Георгий Степанович (1877–1919) — политический и общественный деятель. Из семьи волостного писаря, помощник присяжного поверенного. С октября по ноябрь 1905 года — первый (беспартийный) председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. В ноябре 1905-го арестован. Заключение в Петропавловскую крепость, впоследствии сослан в Сибирь. Бежал и перебрался за границу (1907). Участник V съезда РСДРП. Поселился в Париже. Меньшевик. В 1909 году вышел из РСДРП, увлекался богоискательством. В 1915 году вернулся в Россию, был арестован и за совершенный ранее побег приговорен к 3 годам каторжных работ. В период Февральской революции освобожден. Уехал на Украину, где поддерживал гетмана П. Скоропадского. Выступал с антибольшевистских позиций и, по свидетельству В.В. Шульгина, «совершенно разочаровался в своих бывших товарищах», высказывался о конституционной монархии и «был подлинным русским националистом». После Ок-

готовления об его, Витте, аресте. Хрусталеv — недурная голова, сколько я слышал, но наследники его — мелочь. У нас говорят, что бунт готовится и в Петербурге; московские известия сильно действуют и жалеют «жертвы» и готовятся встать. Живешь день за день или ночь за ночь, — так, я ложусь часов в 8–9 утра и встаю в 5–6 вечера. Без революции настоящей, может быть, и глупой, но гибельной... дело не обойдется.

*Ваш А. Суворин.
11 декабря 1905 г.*

Новоселов же на меня возлагает работу о церковном Соборе. Уж не знаю, что с ним и делать. Не верится мне в этот Собор.

Как-то я писал Суворину, прося его обратить внимание на проект нового закона об [далее несколько слов нрзб.] старался отнять права редакторства у лиц, причастных антиправительственному движению. Я думал, что Суворин сам об этом напишет — ведь он член Союза Свободной Печати. А он вместо того напечатал выборки из моего письма в виде письма в редакцию⁴¹.

ЗАКОН О ПЕЧАТИ (Письмо в редакцию)

М. г. Позвольте обратить ваше внимание на наше новое законодательство о свободе печати, то есть на один важный и достопримечательный пункт этой «свободы»:

Ответственными редакторами повременного издания или части его могут быть только русские подданные, достигшие 25 лет, обладающие общей гражданской правоспособностью и не подходящие под условия, указанные в ст. 7 положения о выборах в Государственную думу.

Этим законом (пар[аграф] 3) лишены права на ответственное редакторство те лица, которые лишены права избрания в Государственную думу по пар[аграфу] 7.

Прежде всего такое сопоставление совершенно непонятно. Право избрания в Государственную думу есть право политическое (проявление «участия во власти»); свобода же слова и печати есть право личное, как гласят все учебники всего мира. Лишать личных прав из-за того, что человек лишен политических — это верх произвола. До сих пор, при «крепостном» состоянии

тябрьской революции — начальник гайдамацкой полиции в Переяславле. В 1918 году возглавил самопровозглашенную Переяславскую республику. После того как местная ЧК за антисоветскую деятельность арестовала его брата, пытался спасти родственника, но сам был задержан и расстрелян. Оставил воспоминания («Из недавнего прошлого», Переяславль, 1918). Подробнее о нем см.: Сверчков, 1926: 104–150; Шульгин, 1992: 235–238.

41. Далее вклеена вырезка из газеты с рукописной пометкой, сделанной Л. А. Тихомировым на полях: [«]Нов[ое] время[»]. 2 дек. 1905».

печати, этой нелепости не было, а теперь введена нашими реформаторами, бюрократами.

Далее. Означенный 7-й параграф гласит, что права избрания (а теперь и редакторства) лишаются: «Лица, подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой **лишение**⁴² или **ограничение прав состояния**, а равно за кражу, мошенничество и т. д., когда они судебными приговорами **не оправданы**, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою Всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления».

У нас есть множество лиц, которые этим законом теперь лишены права редакторства, которые имели прежде, когда не было свободы печати, в том числе, я полагаю, и В. Короленко. А между тем тут что ни слово, то незнание элементарнейших принципов права и наконец полный произвол.

Возьмите пример. Студент — техник или медик — судился за пропаганду в народе и осужден, скажем, на жительство в Сибирь (причем ограничение некоторых прав). Этот осужденный, по ничтожности проступка, помилован Высочайшим повелением и вместо того выслан административно, затем вернулся, кончил курс и стал знаменитым врачом или директором фабрики. По смыслу новой свободы он не имеет права быть редактором медицинского или технического журнала, ибо «не оправдан»... Подумайте, что же это за сочинители?

Предположим, что осужденный за революционную пропаганду отправлен на каторгу и отбыл наказание. Он делается, скажем, мещанином (вместо прежнего дворянина). Закон не ставит сословных различий для права свободы печати. Мещанин может быть редактором, хотя бы он был безграмотен. Но лицо, взятое в этом примере, не может. Почему же, ради Бога? Ведь он отбыл наказание. Два раза за одно преступление не наказывают. Как же смеют отнимать у него право, которое имеют все прочие мещане?

Затем, отрицание силы Высочайшего повеления, восстанавливающего человека в его правах, — это есть верх произвола. Допустим, что силу Высочайшего повеления бюрократия упраздняет на **будущее** время. Но как же его упразднить **за прошлое**, когда считалось законом, что Высочайшее повеление **вполне** восстанавливает права? Это нечто не квалифицируемое по своей безыдейности.

Затем как упразднить силу давности? Раз закон признает право давности вообще, то каким умозаключением можно было изъять из этого даже политические права (избрание), а уж нечего и говорить личное право (редакторство)?

Т. Л.⁴³

---

42. Слова, выделенные в газетном тексте курсивом, выделяются жирным шрифтом.

43. Для Тихомирова, который сам был в молодости осужден за революционно-пропагандистскую деятельность, вопрос об ограничении «права на ответственное редакторство» имел еще и личную подоплеку. Подпись Т. Л. к статье расшифровывалась легко, и можно предположить, что А. П. Липранди,

Я и не знал, что Суворин напечатал. Но аргус⁴⁴ Липранди⁴⁵ усмотрел «крамолу» и прислал в [«]Моск[овские] вед[омости»] обличение, что вот чем недовольны «революционеры». Грингмут, в числе прочих бумаг, прислал мои. Ну, я тогда отыскал инкриминированный № «Нового времени»... Пришлось [нрзб.] Грингмуту, что этот «революционер» не кто иной, как аз многогрешный... Ну — Влад[имир] Андр[еевич] решил, что Липранди пишет глупости⁴⁶.

17 дек[абря]. Суббота

Сегодня с утра до ночи — грохот орудий с Пресни, а к вечеру зарево пожаров. Там шел страшный бой, в котором убито 17 и ранено 47 семеновцев и ладожцев. Сколько побито революционеров, не знаю. Сгорело 12 домов и четыре фабрики: Шмита, Прохорова, Мамонтова (сургучная) и еще одна. Шмит — сам глава революционеров, на его фабрике был центральный склад взрывчатых веществ, оружия и пулеметов...

Прохоровская же мануфактура — это главная и последняя крепость революционеров. Они дрались отчаянно, и, кажется, их погибло очень много.

А уж несчастные жители Пресни пережили ужасы, которых не видали и в 1812 году. Очевидец рассказывал, что было море огня, а пули сыпались градом, долетая до Новинского бульвара.

* * *

Сегодня получил телеграмму Скворцова, утверждающую мое сотрудничество в его газете.

Это постоянная работа, 2 статьи в неделю, за 100 р. в месяц.

Благодарение Господу за такую неожиданную помощь в такую минуту наступающего крушения!

18 дек[абря]

Сегодня отправил в СПб Скворцову пакет (4 моих статьи и 2 Вериных) с кондуктором (багажным) — с почтовым поездом.

Отправил также телеграмму в Новороссийск, маме⁴⁷.

возмущенный наличием в заметке «крамолы», в данном случае метил не в неких абстрактных «революционеров», окопавшихся в консервативных «Московских ведомостях», а конкретно в Тихомирова.

44. Аргус — персонаж греческих мифов. Стоокий Аргус стерег белоснежную корову Ио, которую похитила Гера. В данном случае сравнение с Аргусом употребляется как иронический намек на бдительность.

45. Липранди Александр Петрович (? — не ранее 1914) — консервативный публицист (псевдоним А. Вольнец). Принадлежал к известному дворянскому роду. Действительный член Русского собрания. Сотрудничал в журнале «Мирный труд», где публиковал статьи по еврейскому вопросу.

46. После записи от 16 декабря в дневник вклеен рисунок пером, под которым рукой Л. А. Тихомирова сделана надпись: «Баррикады, зарисованные Надей 15 декабря, на Садовой-Каретной, близ Лихова переулка. Это — средний тип. Хорошие были на Пресне и Лесной».

47. Тихомирова Христина Николаевна — урожденная Каратаева (1829 — не ранее 1917 года) — мать Л. А. Тихомирова.

Телеграмма В Новороссийск

698 Число слов 11

Принято — р. 70 к.

Вчера революционеры ушли с фабрики Прохорова, говорят, через Москву-реку. Видно, ни петербургское войско, ни московская полиция не знают, что позади фабрики находится Москва-река и что она в декабре замерзши!

Какой был революционный отряд — неизвестно. Слухи и газеты (все это явная ерунда) толкуют о 10000 человек.

Во всяком случае, могло быть сотни три-четыре. Так блистательно осуществлен военный план — «загнать дружины в одно место и всех сразу уничтожить».

Теперь эти ловкие партизаны снова рассеялись маленькими кучками по Москве и нападают на врагов в розницу.

Революционеры теперь говорят, что они одержали нравственную победу. Это совершенно справедливо. Правительственные власти снова (в тысячный раз) доказали свое ничтожество справиться с каким бы то ни было врагом.

Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы? А если бы революция победила? Но разве она может иметь победу в Москве?

Или, может быть, правда, как говорят, что заправила революции имели план выманить из СПб войска и затем устроить восстание в Петербурге? Ну, тогда «диверсия» в Москве составляет очень ловкий стратегический прием.

Теперь 7 часов вечера... Уже с пяти часов слышна кое-где пальба. Значит, «генеральное сражение» на Пресне ничего не решило и не порешило...

10 час[ов] ночи. Зарезо где-то вроде Никитских ворот. Слесарь говорит, что, кажется, фабрика Шмита, тоже столярная, и он полагает, что это тот самый Шмит, что на Пресне. Когда слесарь проходил по Дмитровке, вышел какой-то господин из пивной и громко провозгласил: «Вот Дубасов с компанией упражняются»...

Жаль, что не успеваю записывать. Много рассказов. Вот любопытная случайность. Один господин вышел на улицу с двумя мальчиками-сыновьями. Мать удерживала, говоря, что опасно. Отец ответил: «Происходит великое историческое событие — русская революция. Пусть дети видят ее»... Не успел выйти, как пуля убила одного из детей.

В доме Шик дворник шутил, что он не боится пуль... «Если прилетит пуля, я ее проглочу»... Когда началась перестрелка, пуля попала ему в горло... Впрочем, остался жив.

Во время боя на Пресне несколько умерших (из числа раненых на баррикадах) отправлены были из Екатерининской больницы на Ваганьково кладбище. Но по случаю пальбы нельзя было провезти, и пришлось трупы обратно привозить в больницу.

Сегодня розничная продажа [«]Моск[овских] Вед[омостей»] часа в 3 дня дошла до 24 000. Это только в Москве, не считая подписки. Ждали, что к вечеру будет 30 000. Никогда небывалые цифры!

19 дек[абря]

Прибыл ли мой пакет к Скворцову? На Николаевской дороге — я справлялся — никаких приключений не было... Должен бы быть передан Скворцову сегодня утром.

По части революции ничего, кажется, не происходило. О прошлом много рассказов.

Между прочим, слышал в редакции, со слов официального лица, что Войлошников⁴⁸, так поразительно ловко «казненный», погиб, собственно, ни за что. Он сначала служил в Охранном отделении, где ничего заметного (а стало быть, опасного для революционеров) не делал. Но потом решил совсем оставить эту службу: «Ну ее, — говорил он, — тут еще подстрелят»... И на этом основании он перешел в сыскное, не политическое, отделение. Здесь он, вероятно, считал себя безопасным, так как уже не касался революции, а имел дело только с жуликами. Но когда Пресня попала в руки революции, то и он очутился во власти революционеров, ибо он жил там в собственном доме. Зачем его «казнили»? Может быть, и не знали, что он уже не занимается «политикой», а может быть, было слишком соблазнительно для революционной рекламы «казнить» начальника Охранного отделения...

* * *

Ночь, 11 часов... Ну, кажется, надо мной нависают очень мрачные тучи. Мне дали так мало денег (75 р.), что неммыслимо обойтись... Я пошел сейчас к Дмитрию Грингмуту⁴⁹, чтобы попросить хоть сколько-нибудь еще к Празднику. Он меня возмутил заявлением, что он ничем уже не распоряжается, что теперь все делает Николай Викторович... Жаловался, что его выживают... Молча, «знаете — система Петровского⁵⁰»... При том делал какие-то темные намеки и на меня...

Растревоженный, я пошел к Николаю Викторовичу... Тот сказал, что очень занят, но приедет ко мне завтра в 10 часов, ибо и сам имеет длинные разговоры...

---

48. *Войлошников Александр Иванович* (1868–1905) — начальник Московской сыскной полиции. Убит 15 декабря 1905 года группой революционеров под предводительством В. В. Мазурина. Газета «Новое время» уточнила, что, когда группа вооруженных дружинников начала ломиться в квартиру, Войлошников приказал сам открыть им дверь. Пришедшие прочли приговор революционного комитета, согласно которому Войлошников должен был быть расстрелян, и потом вывели его в переулок, где тут же у дома приговор был приведен в исполнение. Оставив труп в переулке, убийцы скрылись, а тело убитого было подобрано родными. В воспоминаниях В. Ф. Джунковского приводится похожий рассказ: «В 6 часов вечера в квартиру Войлошникова в Волковом переулке на Пресне явилось 6 вооруженных маузерами дружинников и под угрозой выломать дверь потребовали, чтобы ее открыли. Направив револьверы на Войлошникова и окружавших его жену и трех малолетних детей, дружинники запретили им двигаться. Был прочитан смертный приговор о расстрелянии, и ему предложено было проститься с родными. Напрасны были мольбы и слезы семьи, Войлошникова вывели на улицу и расстреляли. А. И. Войлошников был очень честный и можно сказать гуманный, благородный человек» (Джунковский, 1997: 123–124).

49. *Грингмут Дмитрий Андреевич* (1852–?) — младший брат В. А. Грингмута.

50. *Петровский Сергей Александрович* (1846–1917?) — юрист (в 1873–1878 гг. читал в Московском университете лекции по праву). Защитил магистерскую диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого» (1875). С 1880 сотрудник «Московских ведомостей». В 1887–1896 гг. — редактор-издатель «Московских ведомостей».

«Да Вы скажите — о чем»

— Некогда. Отрывают ежеминутно

«Но Вы меня интригуете»...

— Нет, уже завтра...

Чем-то разрешится этот завтрашний разговор? Во всяком случае — только чем-нибудь скверным.

20 дек[абря]

Соколов не зашел. Я его видел в редакции. Ничего толком не сказал. Денег не дает. Ничего не разберу толком.

21 дек[абря]

Николай Викторович и глаз не кажет, и денег не дает. Не могу поверить, чтобы у них до такой степени совсем ничего не было.

Между прочим, Дмитрий Грингмут говорит, что он ничуть не виновен в разорении Владимира. Владимир сам получал деньги от университета, и куда он их давал или тратил, Дмитрию не было известно. Играл ли он на бирже, участвовал ли в каких-либо спекуляциях? Дмитрий не знает. Но бюджеты газеты и типографии, вообще Дмитриевы были; ежегодно сводились с дефицитами, и Владимир покрывал их. Откуда он брал на это деньги — Дмитрий не знал. Он знает только, что Владимир платил жалование лицам, ему не нужным литературно, как Павлов или Бародовский, которые, если писали, то получали гонорар. Такие лица нужны только для спекуляций.

Случайно Дмитрий узнал, что у Владимира какие-то земли на Кавказе. Откуда он взял деньги на покупку? Он не знает. Выгодна ли спекуляция или разорительна? Не имеет понятия.

И вот теперь отказывается вдруг, что у Владимира разорение, нет денег... Почему они пропали и сколько было — Дмитрий не знает. Почему Владимир внезапно почувствовал себя банкротом? Ведь он Дмитриевы дела знал, знал, что они сводятся с дефицитом, и дефицит покрывал из каких-то других доходов или сумм...

Изо всего этого ясно, что, по мнению Дмитрия, — Владимир играл на бирже и спекулировал и именно на этом теперь разорился, как прежде на этом наживался.

Дмитрий говорит, что он тут ни в чем не виновен, но приносится в жертву.

Во[т] разбери их тут. Разбери и политику Владимира Андреевича! Разбери роль и Николая Викторовича... Разбери и их обоих дальнейшие планы... Да еще и посвящен ли вполне сам Николай Викторович?

Этот Владимир — вечная для меня тайна. Сколько я ни жил около него, но вечно оказывается, что я не знаю его, не понимаю его дел, его политики.

Особенно всегда были странны для меня его отношения к Витте⁵¹, и его систематическая борьба против Витте? Принципы? Что же предположить? Ведь купить

---

51. *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — государственный и политический деятель. С 1878 года — начальник эксплуатационного отдела правления Общества Юго-Западных железных дорог. В 1889–1892 гг. — директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Активно содействовал

человека Витте всегда согласен. Значит, если он не купил Грингмута, то потому, что последний не продавался. Итак, все мои недоумения приходится объяснять благородством Владимира Андреевича. Но на множестве других лиц я этого непреклонного благородства не замечал. Почему оно проявилось только в отношении Витте? И так «интрансигентно»⁵²? Это был для меня вопросительный знак. Вообще — я его никогда не мог знать и понимать.

Да и что такому «мальчишке и щенку», как я, проникнуть в душу и дела Владимира! Я этим и не задавался.

Но вот теперь новый факт... опала Дмитрия, нежно любимого брата, с которым он не хотел никогда расстаться. «Он Вас погубит», говорила ему Поливанова, сообщая, что Дмитрий по глупости потратил 30 000 р. убытку.

— Ну, значит такова моя участь, — отвечал Владимир, — но я с ним не расстанусь...

Теперь — расстается и притом, по уверению Дмитрия, без вины... Как это понять и объяснить?

Я прямо не могу ничего понять, не могу пропустить суда, не знаю — совершает ли Владимир свинство, или ни в чем не виноват?

Непроницаемый для меня человек. И вот теперь изволь думать что-нибудь: хочет ли он меня уничтожить почему-нибудь, просто за ненужностью? Или этого нет у него в мыслях?

Господи, защити сам и дай мне приют в жизни! Не могу я понять «умных» людей. Думаешь честно исполнять жизненную работу... а кто их разберет, этих «умных»!

22 [декабря]

Из Соколова никак не вытяну ни гроша. Его политика — загадка. Намеки, намеки, ничего ясного. Говорит, что хочет сокращать все расходы, с ясным намеком, что и сотрудников. Ну, я не стал настаивать на более ясном, п.ч. он сказал, что плана не составил.

Должно быть, его мысли все идут по пути не развития дохода, а сокращения расхода. Мескинно [?] Много неприятностей для всех, но мало толку для дела.

Увидим, однако, что Господь даст.

22 дек[абря]

Сегодня удалось выпросить 150 р. к Празднику. Обещали дать счет. Но должны они мне еще 205 рублей (по 15 дек.).

организации постройки Великой Сибирской магистрали. В феврале—августе 1892 года управляющий МПС, с августа 1892-го — министр финансов. Провел ряд экономических преобразований. Ввел винную монополию (1894), осуществил денежную реформу (1897). С августа 1903 по 1905 год — председатель Комитета министров. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905). Был удостоен графского титула. Один из авторов Манифеста 17 октября 1905-го. Первый председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906). Подробнее см.: Лачаева, 2010: 90–93.

52. От английского *intransigent* — непримиримый, не идущий на компромисс.

Отправил заказные письма Победоносцеву⁵³ и А.А. Кутузову^{54, 55}

Расписка в приеме заказной корреспонденции №268

Московский почтамт Лит.

Лот.

В СПбург.

Расписка в приеме заказной корреспонденции №269

Московский почтамт Лит.

Лот.

В СПбург.

С Никол[аем] Викт[оровичем] Соколовым отправил Маркграфам⁵⁶ посылку с пакетами и письмами:

- 1) Скворцову (между прочим, Записка о Соборе);
- 2) Кирееву (газету со статьями и письмо);
- 3) Суворину
- 4) Кутузову (на 3 р. 15 к.)

Ночь. Пора спать. Все возился со счетами и подбором денег на праздничные «чай»... Масса! Обычно выходило на все 67 р. Теперь сократил все возможное и все-таки 44. И эти сократил до последней степени, потому что, вероятно, сторож Осип, ходивший сегодня, что купить подарки детям, истратил на них [нрзб.] Я не даю никаких подарков, [нрзб.] осипами по 2 рубля!

[Нрзб.] грусть! Но слава Богу, что и то [нрзб.] А потом — сколько еще времени придется жить без получек от редакции? Приходится рассчитывать средства...

---

53. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — государственный и политический деятель, правовед и историк права, публицист. Коллежский ассессор (1849), надворный советник (1852), коллежский советник (1854), статский советник (1858), действительный статский советник (1863), обер-прокурор 8-го департамента Сената (1863). В 1859 году защитил магистерскую диссертацию. В 1860-м избран профессором Московского университета. Преподавал законоведение членам царской семьи, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II. Переехал в Петербург, стал тайным советником и сенатором, назначен членом Государственного совета, с 1880 по 1905 год занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода Русской Православной Церкви. Подробнее см.: Репников, 2010б: 362–368.

54. Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913) — поэт, прозаик. Принадлежал к знатному дворянскому роду. После смерти отца (1859) семья жила в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета, затем перевелся в Петербургский университет (окончил в 1871). Был управляющим Дворянским и Крестьянским земельными банками, а с 1895 году — «канцелярией», секретарем императрицы Марии Федоровны, оставаясь в этой должности до конца жизни. С 1888 по 1894 год печатал свои стихотворения в «Русском вестнике» и «Русском обозрении». В 1891-м стал членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

55. Далее вклеены две почтовые квитанции.

56. Маркграф Антон Васильевич — брат Маркграфа Отто Васильевича — лесоведа по специальности, мужа сестры Тихомирова — Тихомировой Марии Александровны.

Ну, слава Богу за все. Не оставь лишь Своей милостью!
Отцы-пастыри наших дней⁵⁷.

Вчера в Москву по Московско-Казанской ж.д. доставлен священник о. Казанский⁵⁸, арестованный в Перове на своей квартире. О. Казанский уже в течение многих лет священствовал в Перове в местном храме и был очень любим прихожанами как добрый и отзывчивый человек и хороший пастырь. Теперь, если верить слухам, его обвиняют как участника в революционном движении. В квартире о. Казанского находилась касса стачечного комитета, и он раздавал пособия нуждающимся забастовщикам и даже хранил и выдавал оружие. Говорят даже, будто бы в храме о. Казанский провозглашал особое моление за борцов свободы⁵⁹.

На фабрике Асафа Баранова при станции Ступино, Московско-Ярославской ж. дор., арестовано 30 человек рабочих; кроме того арестован священник о. Рождественский⁶⁰.

24 декабря. Сочельник

Вечер. Все мои разошлись по церквям. Один я дома. Не скажу, что был больным, но и не здоров, и есть даже в нынешних праздниках что-то нехорошего...

Ну, как Бог даст.

От мамы никаких известий! Давно, давно. Посылал письма. Два раза телеграммы. Ни ответа, ни привета. Писал Павловичу. Нет ответа. Или ничего не доходит!

Уж жива ли, храни Господь!

...

Ночь. Пора и спать, да Саша не возвращается от Сосновского, и я не уверен, что прислуга его впустит...

Сочельник провели совсем не по-праздничному. Веселья-то и не полагается, и не бывает у нас.

Но все же обычно есть настроение, и подходящий ему разговор. А теперь как-то совсем будто и нет Праздника... Уж очень много тревожного, озабочивающего, и Христианского духа не достаточно, чтобы подняться выше всего этого.

57. Далее вклеены две вырезки из газеты.

58. 21 декабря 1905 года, по сообщениям московских газет, в селе Перово, находящемся рядом с одноименной станцией Московско-Казанской железной дороги, начальником военного отряда, охранявшим эту станцию, был арестован в своей квартире священник церкви села Перово о. Казанский. Его обвиняли в том, что он заведовал кассой забастовочного комитета железнодорожных служащих. 1 июня 1906 года в московской прессе появилось сообщение о том, что о. Казанский был заключен в Данилов монастырь, а его дело в военном суде прекращено и передано духовному начальству.

59. На полях вырезки рукой Л. А. Тихомирова написано: «Русск[ий] л[исток] №338 (23 дек[абря] 1905 г.)».

60. На полях вырезки рукой Л. А. Тихомиров написано: «Р[усский] л[исток] №339».

Конечно, могло бы быть и хуже, а все-таки — помоги Господи! Не хватает стоять твердо среди всеобщей угрозы всему и всем. Что сделает Соколов со мной в январе? Не знаю, но он, во всяком случае, хочет уменьшить доход мой, на сколько хватит сил. Что будет у Скворцова? Ничего не знаю. Даже «Колокол» сегодня не получен, и я не уверен, выходил ли он, и какова судьба моих статей. Получена ли в СПб «Записка» моя, посланная с Соколовым? Не знаю. Как отнесется к ней Скворцов? Не знаю... Что делается с мамой — не знаю даже, жива ли она? Ни одного жизненного своего вопроса не знаю... Даже вот не знаю, что с Сашей...

И вот какое-то смущенное состояние духа... Не говорю уже о всяких «революциях»: о них я перестал думать, слава Богу, привык к тому, что думать о такой неразберихе невозможно... Но даже и то, что совсем близко задевает, — все неясно, тревожно, смутно. И вот как-то не покидает душу мысль и потом молитва, когда Ангелы пели «Слава во всевышних Богу, и на земле миро, а в человеках благоволение»...

А это потеря праздничного дня. Потеря вечера святого, каких в году только два... И знаешь, что нехорошо допускать себя потерять его из-за дел и забот все-таки земных, мирских. Но сознание этого еще больше смущает и растревоживает душу...

Господи, помоги мне слабому и недостойному!⁶¹

Телеграмма В Новороссийск

272 Число слов 7

Принято — р. 50 к.

Телеграмма В Новороссийск

273 Число слов 9

Принято — р. 60 к.

25 декабря

Рождество Христово. Первая весть, полученная утром из газеты, что Новороссийск — в руках революционеров и шаек имеретин и мингрельцев, которые «хозяйничают» в нем. Мама, несчастная, что же с ней? И что дальше?

Послал 2 телеграммы с запросом о ней: Мензелинцеву и Аксельбанту... Аксельбант, вероятно в шурах-мурах с революцией, авось все знает и скажет.

На телеграфе говорили, что телеграммы будто доставят при первой возможности, п.ч. перед Новороссийском (черт знает где, кажется, в Тихорецке) забастовки.

Ночь. Ну вот и первый день Праздника у меня никого не было, кроме нескольких мальчиков (Женя Грингмут, Веретников, Глубоковский⁶²), да Глоба Михаленко. Три визитных карточки!

61. Далее вклеены две квитанции.

62. *Глубоковский Николай Никанорович* (1863–1937) — историк церкви, доктор богословия (1897). Профессор Петербургской духовной академии, член-корреспондент Петербургской АН (1909). Окончил Московскую духовную академию (1889), с 1891 года преподавал в Петербургской духовной академии (с 1894-го — экстраординарный профессор, занимал кафедру Св. Писания Нового Завета). В

Город очень пуст. Народу совсем мало. Куда-то попрятались. Масса войска. Конки и электрички ходят. Извозчиков крайне мало. Вообще — пустыньность бросается в глаза. И это — Рождество.

От нечего делать приготовил еще две копии Записки о Соборе. Можно бы писать, статьи, но для чего и для кого? О «Колоколе» ни слуха, ни духа. Вероятно, не вышел. Да и будет ли выходить?

Словно какое-то всеобщее замирание после горячишного припадка.

А потом? Вероятно — снова припадок... Глоба много шляется и много народа видит, и уверяет, что бунты возобновятся очень скоро.

Что значит эта страшная пустыньность Москвы? Должно быть, масса народа разбежалась. Но почему остальные сидят по закоулкам? Должно быть, никому не весело... Ах, плохой это праздник!

26 дек[абря]

Нездоровится и скучно.

...

Сейчас получил письмо от Скворцова — «Колокол» вышел 24 дек[абря]. Но — странно, самой газеты я не получил...

Позднее пришел и сам «Колокол», но один экземпляр.

Получил также «ответ» Победоносцева на мое длинное письмо, в котором я спрашивал мнение его о Церк[овном] Соборе⁶³:

Благодарю сердечно за доброе слово к празднику. Да хранит вас Бог, Мои силы уже совсем истощаются и никуда не двигаюсь.

24 дек.

Вправду ли он так ослаб или дипломатничает? Практически — это одинаково.

Праздничные выдачи я сократил, но составили все-таки много:

- 1) Церковь (сборы) — 3 р.
- 2) Духовенству — 3½ р.
- 3) Старш. дворн. — 2 р.
- 4) Дворники — 4 р.
- 5) Старш. ред. — 5 р.
- 6) Рассыльные — 2 р.
- 7) Сторож тип. — 2 р.
- 8) Борис — 1 р.
- 9) Прислуга — 2 р. (да подарки на 7 р.)

1893–1894 гг. — помощник редактора «Церковного вестника» и «Христианского чтения». После кончины А. П. Лопухина редактор «Православной богословской энциклопедии» (1905–1911, т. 6–12). С 1921 года — в эмиграции, профессор богословия в Софийском университете (с 1923).

63. Далее вклеена визитная карточка К. П. Победоносцева с надписью: «К. П. Победоносцев. Член Государственного Совета», на которой написана записка.

- 10) Городовые — 2 р.
- 11) Швейцар — 1 р.
- 12) Газетчики — 1 р.
- 13) Почтам — 1 р.
- 14) Телеграммы — 1 р.
- 15) Прохор — 1 р.
- 16) Сергей (Абашков) — 1 р.
- 17) Ученики — 1 р.
- 18) Склейщики — 1 р.

Итого 36 р. 50 к.

Из домашних никому никаких подарков, дал только детям по 2 р., всего 8 руб.

Итого — 44 руб. 50 коп.

Обычно выходило 47 р., теперь уменьшил на 23 рубля. И то не по силам.

Хожу, пишу, читаю, а мама так и стоит перед глазами. Боже, что с ней? Жива ли? И никаких способов... Ведь и не доедешь оттуда, ни водой, ни по суху... Проклятие на этих всероссийских мучений!⁶⁴

Телеграмма В Керчь

377 Число слов 12

Принято — р. 75 к.

Телеграмма В Анапа

378 Число слов 11

Принято — р. 70 к.

27 дек[абря]

Отправил телеграммы Павловичу в Анапу и в Керчь — Савицким, с запросом о маме. Сегодня же из Керчи письмо — для передачи Христине Николаевне⁶⁵! Значит, они ровно ничего не знают о ней.

Сегодня репортер Барсов сказал, что по всем больницам 1300 раненых да есть в участках. Всего, пожалуй, наберется до 2000... А сколько убитых, это неизвестно. Хоронили наскоро, в разных участках, разбирали и хоронили родные. Общего счета нет, а теперь уже и не может быть.

Значит, если считать по-военному, то на 2000 раненых можно предположить до 1000 убитых.

Военных судов не было, и казней не было. Но расстреливают семеновцы довольно усердно. Сегодня говорили, будто на Ходынке расстреляли 150 чел[овек]. Репортер говорит: «Ну, не 100, а поменьше». Сколько? Не знает:

По Казанской дороге больше всего, там уж, во всяком случае, несколько сот.

---

64. Далее вклеены две квитанции.

65. Т. е. матери Л. А. Тихомирова.

29 дек[абря]

Слава Богу! Телеграмма⁶⁶:

Москва из Новороссийска №85 П 28⁶⁷ Д

ПРАЗДНИКАМИ НОВЫМ ГОДОМ ЗДОРОВА БЛАГОПОЛУЧНО
ТИХОМИРОВА⁶⁸

Слава Богу!

Сегодня отправил Скворцову еще 2 статьи. К обеду зашли Александровы (оба), приехавшие [на] два дня.

30 дек[абря]

Отправил телеграмму и письмо маме

Прибыл Новоселов и завтра уезжает. Толковали о моей записке о Соборе... Но кажется, не удастся прочесть.

31 дек[абря]

Ну вот и последний день 1905 года. Проходит этот день в ряде мелких неудач. Статью Верину рассылный не отправил, по глупости. Денег из редакции не выдают. Должны они $205 + 230 = 435$ р.! Чтение мое — не состоится... Одним словом, все минусы. Даже Новоселов сейчас уехал в Волочек. Теперь 4 часа дня. Переношу последние часы года в следующую тетрадь⁶⁹.

Конец 1905 года

31 дек[абря] 1905 г. 6 час[ов] вечера

Сейчас получил № Мисс[ионерского] обзор[ения], где статья А. Платонова, резко осуждающего план Епископского Поместного Собора.

Значит редактор «Колокола» — против моей «Записки», посланной мною Скворцову и полученной им 24 дек[абря]. Конечно, Платонов ее не видал еще, когда писал вою статью, но это безразлично. Он против идеи.

Становится понятно, почему Скворцов досель мне не отвечает на Записку, с 24 дек[абря] по 31 дек[абря]!

Это новая неудача, накопившаяся у меня в канун Нового года. Да, нелегко жить на свете! А «Колокол» мне нужен нынче до чрезвычайности.

66. Далее вклеена телеграмма.

67. Сверху от руки вписано карандашом: «3».

68. Сбору приклеена квитанция: *Телеграмма В Новороссийск*

Число слов 12

Принято — р. 75 к.

69. Далее записи продолжаются в новой тетради.

Скворцов, который лично, вероятно, склонен разделять мою точку зрения, без сомнения, хочет ладить со священнической партией, пользующейся благоволением и его начальника, кн. Оболенского, и вдобавок имеющей своим сторонником его редактора Платонова. Вот он и молчит!

Досадно, кабы знать, то лучше бы и не посылать Записки. Поторопился. Лучше бы выждать. Но вот — я во всем делаю ложные шаги. Мог бы сначала сойтись ближе, а потом уже вести свою линию.

Обидно. Сглупил.

10 часов ночи. Ну, два часа осталось. Не хорош был год. Еще хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян еще худших бедствий. А хорошие события? Очень мало. Может быть, страдание, которое вразумляет. Зародыши учреждений... которыми однако можно воспользоваться и на спасение свое, но и не гибель... Как воспользуются Русские? Бог ведает. А если не вразумятся, то 1906 год — должен быть еще ужаснее этого.

Что Господь даст.

Лично и на мне отразилось немало общих бедствий, и вот перед лицом Нового года — я совершенно не знаю — что меня ждет: жизнь, смерть, нищета? Никаких указаний ни на что хорошее, и много указаний на бедствия. Одна надежда на Бога. Нет надежд на людей, нет таких людей, на которых я мог бы надеяться.

Но что бы ни ждало в будущем году — исповедую перед Богом — Его дивное хранение в прошлом. Среди бедствий и искушений — не послал Он ничего через силу, не допустил погибнуть. Пострадал во многом, пострадали и семейные, но в меру, все-таки выручал Господь!

Дошел до порога Нового года среди угроз нищеты и еще худших бедствий, и благодаря Бога за прошлые милости, не попустившей погибнуть, моего — не остави меня, Отец небесный, без своей милости на предстоящее угрожающее и тяжелое поприще 1906 года!

Литература

- Арсеньев Н. (1962). О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX в. // Современник. Торонто. 1962. № 6.
- Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2: Переписка с М. А. Новоселовым. (1998). Томск: Водолей.
- Бурин С. Н. (1994). Судьбы безвестные: Сергей Нечаев, Лев Тихомиров, Вера Засулич. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Голубцов С. (1999). Московская Духовная Академия в начале XX века: профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М.: Мартис.
- Давыдов Ю. В. (1996). Глухая пора листопада. М.: Терра.
- Давыдов Ю. В. (2001). Бестселлер. М.: Вагриус.
- Джунковский В. Ф. (1997). Воспоминания. Т. 1 / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых.

- Епископ Тихон (Тихомиров), составитель акафиста святым Косме и Дамиану Асийским. (2003) // Святые бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан: житие и акафист. М.: Храм святых бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке.
- Ермашов Д. В., Пролубников А. В., Шириняиц А. А. (1999). Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. М.: Книжный дом.
- Лачаева М. Ю. (2010). Витте С. Ю. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Милевский О. А. (2004). Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул.
- Минаков А. Ю. (2010). Суворин А.С. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Михайлов О. Н. (1996). Александр III: забытый император. М.: Армада.
- Начапкин М. Н. (2007). Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л. А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т.
- Николаев Г. Б. (2006). Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб.: Алетейя. С. 358–396.
- Никон (Рождественский), архиепископ. (2004). «Козни врагов наших сокруши...»: Дневники, 1910–1917. Минск: Православная инициатива.
- Новоселов М. А. (1904). Полицейско-врачебный протокол и христианские добродетели. СПб.: Бережливость.
- Новоселов М. А. (1911). В тихой пристани. (Посвящается братии Зосимовой пустыни). Сергиев Посад.
- Новоселов М. А. (1994а). Письма к друзьям. М.: Изд-во Православного Богословского Свято-Тихоновского института.
- [Новоселов М. А.] (1994б). Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М., СПб.: Atheneum-Феникс. С. 371–423.
- Омельянчук И. В. (2010). Русская монархическая партия // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Омельянчук И. В., Репников А. В. (2010). Союз русских людей // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Павлов Н. А. (1927). Его Величество Государь Николай II. Париж.
- Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым: Архив священника П. А. Флоренского. Вып. 4. (2001). Томск: Водолей.
- Перцов П. П. (2002). Литературные воспоминания. 1890–1902 / Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение.
- Поляков А. П. (2010–2011). Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2010. №7/8, 9, 10, 11/12. 2011. №1/2.
- Поляков А. П. (2011). Великаны сумрака. М.
- Посадский С. В., Посадский А. В. (2009). Лев Александрович Тихомиров: философско-культурологические искания. СПб.: СПбКО.
- Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1905–1910 годы. (1998) / Сост., авт. пред., введен. и комм. Ю. И. Кирьянова. М.: РОССПЭН.
- Репников А. В. (2010а). Грингмут В.А. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Репников А. В. (2010б). Победоносцев К.П. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Репников А. В. (2010в). Щербатов А.Г. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.

- Репников А. В., Милевский О. А.* (2011). Две жизни Льва Тихомирова. Монография. М.
- Репников А. В., Соловьев К. А.* (2010). Шарапов С. Ф. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Сверчков Д.* (1926). Три метеора: Г. Гапон, Г. Носарь, А. Керенский. Л.
- Соловьев К. А.* (2010). Киреев А. А. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- [*Тихомиров Л. А.*] (1927). Воспоминания Льва Тихомирова. М., Л.: Госиздат.
- [*Тихомиров Л. А.*]. (1930). 25 лет назад. Из дневников Л. А. Тихомирова // Красный архив. Т. 1–5.
- [*Тихомиров Л. А.*] (1933). Из дневника Л. А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 82–128.
- [*Тихомиров Л. А.*] (1935). Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. Т. 5–6.
- [*Тихомиров Л. А.*] (1936). Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. Т. 1–2.
- Тихомиров Л. А.* (1992). Монархическая государственность. СПб: Российский имперский союз-орден, «Комплект».
- Тихомиров Л. А.* (1998). Монархическая государственность. М.: Облиздат, Алир.
- Тихомиров Л. А.* (2004). Монархическая государственность. М.: Библиотека Сербского Креста.
- Тихомиров Л. А.* (2006). Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс.
- [*Тихомиров Л. А.*] (2008). Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост., предисл., комм. и прим. А. В. Репникова. М.: РОССПЭН.
- Тихомиров Л. А.* (2010). Монархическая государственность. М.: РОССПЭН.
- Трофимов А. А.* (2001). Епископ Тихон (Тихомиров) // Новая книга России. № 4. С. 61–64.
- Фомин С. В.* (2002). Из дневника Л. А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912–1917 гг.) // ...И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М.: Паломник. С. 585–626.
- Фудель С. И.* (2001). Собрание сочинений в 3-х т. Т. 1. М.: Русский путь.
- Шульгин В. В.* (1992). «Что нам в них не нравится...». СПб.: Хорс.
- Щербатов А. Г.* (2002). «Обновленная Россия» и другие работы / Под ред. И. А. Настенко. М.: Русская панорама.
- Яковлев А. И.* (2001). Корона и крест: сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. М.: Паломникъ.
- Яковлев А. И.* (2005). Корона и крест: сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. 2-е изд., испр. М.: Терра-Книжный клуб.

Социальная теория и травма*

Рон Айерман

Аннотация. Используя в качестве примеров три важные работы по социальной теории — «Диалектика просвещения» Адорно и Хоркхаймера, «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» Фрейда и «Современность и Холокост» Баумана, автор показывает разницу между личной, коллективной и культурной травмой. Цель статьи в том, чтобы продемонстрировать, как личная травма может влиять на конструирование и репрезентацию социальной теории.

Ключевые слова: культурная травма, социальная теория.

Введение

«Опыт, который не был пережит (и, очевидно, не «существует»), отчетливо присутствует в ощущении внутренней катастрофы...».

Джеффри Хартман

«Катастрофа всегда происходит после того, как происходит».

Морис Бланио

«Миф первоисточка крепко держится за двойственный смысл [слова] „происхождение“: ужас утраты корней и вздох облегчения — спасение в бегстве».

Юрген Хабермас

В этой статье я рассматриваю классические работы по социальной теории для того, чтобы поднять вопрос о влиянии личного травматического опыта авторов на их творчество. Это книги Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», Зигмунта Баумана «Современность и Холокост» и «Диалектика Просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно. Я использую термин «травма» в обыденном смысле этого слова — как результат шокирующих происшествий, меняющих основы

* Пер. с англ. Д. О. Хлевнюк. Источник: *Eyerman R. (2013). Social theory and trauma // Acta Sociologica. Vol. 56. № 1. P. 41–53.*

© SAGE Publications, 2013

© Eyerman R., 2013

© Хлевнюк Д. О., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

жизни человека. Такие «внутренние катастрофы» оставляют раны и шрамы в памяти, которые нелегко стереть и которые непредсказуемо отражаются на поведении индивида в будущем. Все эти авторы испытали на себе непосредственное влияние «внешних» катастроф, поразивших евреев в Европе во время Второй мировой войны, но никто из них не был жертвой Холокоста. Полученный ими травматический опыт не был опытом выживших в лагере, и их тексты нельзя считать свидетельскими (Żółkoś, 2010). И все же они являются опосредованными свидетелями этой катастрофы, жертвами которой они могли стать, но избежали этого, что оставило ощущение ужаса, выраженное ими в их работах.

Далее я остановлюсь на происхождении концепции травмы и дам краткое описание того, как личная и коллективная травма повлияла на работы Фрейда и Баумана. Затем последует более подробный разбор книги Хоркхаймера и Адорно, который я расширил за счет статьи Адорно «Что значит „проработка“ прошлого?»¹, написанной в 1959 году после того, как они с Хоркхаймером вернулись в Германию. Моя цель состоит в том, чтобы проиллюстрировать концепцию культурной травмы, концепцию, которая включает идеи индивидуальной и коллективной травмы. Иными словами, эти работы были выбраны, чтобы показать различные понятия травмы: личной, коллективной и культурной.

Травма: индивидуальная и коллективная

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана» (полную генеалогию см.: Leys, 2000). В современной медицинской и психиатрической литературе, как пишет Кэти Карут (Caruth, 1996: 3 f.), «термин „травма“ понимается как рана не на теле, а в сознании» — рана в результате эмоционального шока, настолько сильного, что он нарушает «осознание времени, себя и мира» и позже проявляется во снах и воспоминаниях. В этой концепции происшествие травматично не столько из-за того, что оказывает серьезное влияние, сколько потому, что его невозможно помыслить, оно «противостоит простому пониманию» (Caruth, 1996: 6) и не может быть с легкостью встроено в существующие схемы понимания. Сама по себе травма тем не менее — не единственное, что губительно сказывается на жертве; симптомы возникают в результате подавления памяти о ней. Фрейд сначала связывал травму с женской истерией, позднее он адаптировал понятие ради того, чтобы объяснить долгосрочные, повторяющиеся эффекты промышленных и транспортных аварий конца XIX века. Это понятие было затем изменено и развито в связи с тем, что он начал лечить жертв «окопной» войны во время Первой мировой войны. Во всех этих случаях травма отсылает к реальному событию, физическому или эмоциональному удару, который поражает все чувства и против которого сознание и тело не могут защититься. Вдобавок к оцепенению, состоянию, когда возможность чувствовать боль приостановлена, защита сознания против вторжения такого рода — это амнезия и подавление. Жертва

1. Данная работа переведена на русский язык: Адорно Т. (2005). Что значит «проработка прошлого» / Пер. с нем. М. Г. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 36-45. — Прим. перев.

просто забывает или отрицает произошедшее. Развивая динамическую модель травмы, Фрейд называл это забвение периодом латентности, во время которого жертва травмы может выглядеть вполне нормально и жить обычной жизнью. Для латентного периода не существует временных рамок, он может длиться несколько дней или лет, но влияние травматического опыта в определенный момент обнаружит себя либо в кошмарах, либо через необъяснимое ненормальное поведение. Для Фрейда понятие травмы строится вокруг прямого опыта реального события и определенных индивидуальных жертв. Для более поздних теоретиков этой традиции Освенцим и Хиросима полностью раскрыли потенциал современности как эпохи катастроф, а травма и современность, по их мнению, были тесно связаны на более общем и абстрактном уровне (Fassin, Rechtman, 2009; Kaplan, 2005). С этой точки зрения, одним из проявлений эпохи катастроф считается недостаток слов и нарративов, способных запечатлеть эффект от травматического опыта, в связи с чем читать или писать о травме проблематично (LaCapra, 2001).

Современные ревизии классического понятия травмы фокусируются на двух аспектах: во-первых, травматическом влиянии на жертву, повторяющемся нежелательном вторжении в память, сказывающемся на поведении, и во-вторых, возможности или, как пишет Карут (Caruth, 1996), «невозможности» памяти. Такая концептуализация подразумевает, что возможность читать или писать о травме приоткрывает для литературы специфический тип опыта, который становится доступен не только терапевту, но и теоретику. Изучение травмы раскрывает ранее неизвестный наблюдателю мир и поэтому трагическим образом создает возможность увидеть то, что иначе было бы скрыто. В этом смысле травма на индивидуальном уровне напоминает кризис на уровне общества в целом. Кризис подобен тяжелой экономической депрессии — это шокирующее явление, которое может спровоцировать нарушение повседневной рутины и в то же время обнажить ценности, лежащие в её основе, которые до этого обычно принимались как само собой разумеющееся. Кризис в этом смысле раскрывает перед сообществом основы его коллективной идентичности (Habermas, 1975). Как и индивидуальная травма, кризис на уровне общества — это одновременно и потрясение привычных шаблонов и идентичностей, и новые возможности, поскольку для натренированного взгляда он раскрывает то, что иначе остается глубоко запрятано. Если на индивидуальном уровне травма инклюзивна, то на коллективном она может быть также и эксклюзивна. Это процесс, в результате которого могут воспроизводиться старые сообщества и создаваться новые. Кай Эриксон сформулировал это так: «У травмы есть одновременно центростремительная и центробежная тенденции. Одно она отправляет за пределы центра пространства группы, тогда как другое — в центр» (Erikson, 1994: 232).

Индивидуальную и коллективную травмы объединяет то, что обе они возникают в результате шока. Нанесенные раны в той же степени коллективны и социальны, в какой они индивидуальны. Индивидуальная и коллективная травмы могут рассматриваться как усиливающие одна другую, обостряющие шок и чувство потери. Во время экономических кризисов или войны личная потеря у одного человека тесно

связана с потерями у других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичности расшатываются.

Культурная травма

Культурная травма, в отличие от описанных выше индивидуальной и коллективной травм, относится к более абстрактному и опосредованному понятию коллективной идентичности, включающему религиозную и национальную идентичности. Культурная травма обычно связана с травматичным инцидентом и поэтому одновременно — с индивидуальной и коллективной травмами, но она зависит от ряда факторов, которые могут проявиться, а могут и не проявиться (Narrating trauma, 2011). Нейл Смелзер (Smelser, 2004) в своем проницательном исследовании разницы между психологической и культурной травмой обнаруживает, что главное различие состоит в том, что культурные травмы создаются, а не рождаются. Далее он определяет культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое, как считается, подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком» (Smelser, 2004: 38). Учитывая дискурсивный аспект культурной травмы, Смелзер тем не менее полагает, что основа процесса в событии. Однако я думаю, ключевая фраза здесь следующая: «как считается, подрывает». Это подвергает сомнению мысль о том, что событие может быть травматичным само по себе, и ставит два важнейших вопроса: 1) могут ли события или происшествия быть травматичными? То есть такими, чтобы «считалось, что они подрывают» установленную коллективную идентичность? И 2) если нет, то что делает одни события травматичными, а другие (хотя они кажутся такими же значимыми и шокирующими) — не делает? Об этом шла речь во вступительном параграфе статьи. Первый вопрос — это вопрос о власти и создании веры во что-то. Радикальный социальный конструктивист может заявить, что, имея абсолютную власть убеждения, каждый может превратить любое происшествие в «травму»². Такая гипотеза доводит идею «травмы создаются, а не рождаются» до крайности. Другая крайность — строгое натуралистическое или популярное объяснение («lay trauma account») — состоит в том, что некоторые события сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами травматического эффекта (Alexander, 2004). В своих предыдущих работах (Eyerman, 2001, 2008) я писал, что некоторые события, политические убийства, например, могут создавать условия, способствующие появлению культурной травмы, понимаемой как публичный дискурс, в котором основы коллективной идентичности рефлексировуют

---

2. Это другой способ описания «радикального конструктивизма», чем предлагаемый ЛаКапра (LaCapra, 2001: 8), который использует данный термин для описания границы между историей и художественной литературой. В этом смысле те, кто как Хейден Уайт (White, 1990), спорили о том, что на фундаментальном уровне нет разницы между историей и художественной литературой, потому что и та и другая используют нарратив, являются радикальными конструктивистами. Уайт считал, что форма навязывает интерпретацию.

ся и обсуждаются — это позиция «золотой середины» (Eyerman, 2011). Это не может произойти без помощи сил, создающих смыслы, вроде массмедиа и некоторых групп-носителей вроде интеллектуалов, которые влияют на формирование и направление движения процесса травмы³. Тем не менее, не все интерпретативные рамки «подойдут» или будут иметь смысл, должна существовать реальная или воспринимаемая таковой связь с реальным опытом.

Культурные травмы — это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее. Я бы добавил, что эти силы вряд ли создают травму из ничего, скорее всего, должно быть сильное, шокирующее происшествие, которое позволяет мобилизовать мнения и эмоции. Таким образом, есть две стороны культурной травмы: эмоциональный опыт и реакция интерпретации. Шоки возбуждают эмоции тем, что разрывают повседневную рутину (поведений и когнитивных рамок) и поэтому требуют интерпретации, открывая дискурсивное поле, в которое индивиды, занимающие удачные позиции, могут играть определяющую роль. В современных обществах в этом процессе важен доступ к массмедиа. Полная противоположность позиций и неравенство преступника и жертвы — вот что отличает культурную травму как дискурс. В этом смысле культурная травма — длящийся дискурсивный процесс, обусловленный дихотомией между преступником и жертвой, которая обостряется в связи со значительным, незабываемым событием. Культурную травму как дискурс также характеризует то, что установленная коллективная идентичность расшатывается и ее основания ставятся под вопрос. Это дискурсивный процесс, в котором эмоции, возбужденные травматичным событием, уже остыли, и осуществляется попытка залечить коллективную рану.

Фрейд и Бауман

«Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» — последняя книга Фрейда, которая создавалась в двух местах и разделена на три части. Вступительные главы были написаны в Вене в середине 1930-х, а последние части — в Лондоне после того, как Фрейд и его семья покинули Австрию вследствие вторжения немецких войск в страну в марте 1938-го. Автор добросовестно объясняет эту ситуацию читателю:

«Фактически она писалась дважды. Сначала несколько лет назад в Вене, где я не верил в возможность опубликовать ее. Я решил отложить работу, но она мучила меня как некий неотвязный дух, и я нашел выход, выделив из нее две части и опубликовав в нашем журнале „Imago“ психоаналитическое начало целого („Моисей — египтянин“) и построенную на нем историческую конструкцию („Если Моисей был египтянином...“). Остаток, собственно и содержащий предосудительное и опасное применение моих идей к рождению монотеизма и понимание религии вообще, я скрыл, как полагал, навсегда. Вдруг в марте 1938 г. произошло неожиданное немецкое вторжение,

---

3. Аналогом может быть марксистская идея классового сознания и различия между «классом-в-себе» и «классом-для-себя».

вынудившее меня покинуть отечество, но и освободившее меня от страха вызвать моей публикацией запрет психоанализа там, где его еще терпели. Едва оказавшись в Англии, я почувствовал непреодолимое искушение обнародовать мое утаенное знание и начал перерабатывать третью часть исследования в дополнение к двум уже появившимся» (Фрейд, 1993: 117–118).

Ирония очевидна. «Свободу» опубликовать эту работу удалось получить только в результате вынужденного переселения и изгнания, похожего на то, которое Фрейд изучал в истории евреев. Можно отослать к цитате из Хабермаса, с которой начинается это эссе, что происхождение может вызывать и содрогание, и вздох облегчения. «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» касается мифов о происхождении, и это единственная работа Фрейда, в которой иудаизм — в центре внимания. Я предполагаю, что это объясняется условиями, в которых она была написана: расцвет фашизма, новая волна антисемитизма поглощает Европу, общий шок для коллективной идентичности и личная потеря своего места. Это может казаться очевидным, но что не так очевидно, так это то, как на тему этой работы повлияла личная травма Фрейда и его семьи. Центральный аргумент Фрейда заключается в том, что Моисей был не евреем, а египтянином, помогавшим появлению еврейского народа, который позже его убил⁴. По мнению Фрейда, формирование еврейского народа укоренено в травмирующем происшествии, первичная сцена, которая должна быть вытеснена и отвергнута. Поэтому история евреев укоренена в травме, она становится доступной для автора и читателя через призму личной травмы Фрейда. Разрыв, который произошел в его собственной жизни, создает условия, «свободу» для возможности понимания. Для нас важны и рассуждения Фрейда об исторических корнях воинственной ненависти к евреям: «Откуда берется эта способность евреев к выживанию и как их характер связан с их судьбами, обо всем этом очень хотелось бы узнать побольше» (Фрейд, 1993: 119). «Способность к выживанию» в данном случае означает упорную устойчивость, с которой еврейский народ «устоял перед лицом катастроф и жестокого обращения, развил особые черты характера и вместе с тем приобрел искреннюю антипатию остальных народов» (Фрейд, 1993: 119). Утешением служила вера в то, что они — избранный Богом народ. Эта вера стала основой иудейской религии и, согласно Фрейду, причиной дистанцирования евреев от других народов и их высокомерия, что он считает одной из причин ненависти к евреям. Жертва, иными словами, несет некоторую ответственность за совершенное преступление. Не только сам Фрейд, но и его семья были в опасности из-за религиозной идентификации, которую они никогда полностью не принимали: дочь Фрейда Анна допрашивалась в гестапо прямо перед отъездом из страны. Это приписанная и навязанная идентификация оказалась причиной вынужденного переселения и связанных с самоанализом

---

4. Эдвард Саид считал, что «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» — главная работа, написанная главным европейцем. В «Фрейде и неевропейское», выпущенном на основе лекции, прочитанной Саидом в Лондонском музее Фрейда, он пишет, что в книге Фрейда есть основания для критики израильской политики по отношению к палестинцам. По его мнению, то, что Моисей был египтянином, показывает нееврейское происхождение еврейской идентичности (Саид, 2005).

теоретических рассуждений. В этом процессе личная и коллективная травмы тесно сплетаются как в жизни, так и в содержании и форме «Человека по имени Моисей и монотеистической религии».

Работа Зигмунта Баумана «Современность и Холокост» может быть прочтена похожим образом. Как и Фрейд, Бауман описывает, как создавалась эта книга⁵:

«Записав свою личную историю жизни в гетто и то, как ей приходилось прятаться, Янина поблагодарила меня, своего мужа, за то, что я смирился с ее затянувшимся отсутствием во время тех двух лет, что она потратила на написание своей книги, когда жила в мире, „который не был моим“. Действительно, я избежал этого мира ужаса и бесчеловечности, когда он распространился по всей Европе. И, как многие мои современники, я пытался изучить его после того, как он исчез с земли, оставшись только в беспокойной памяти и незаживающих ранах тех, кого он обделил или травмировал» (Bauman, 1989: vii).

Воспоминания жены о варшавском гетто столкнули Баумана лицом к лицу с его собственным прошлым, хотя он и работает с этим столкновением в рамках полемического диалога в рамках социологии. Чтение этой глубокой книги через призму травмы дает представление о ее силе и мощи. Бауман был вынужден уехать из Польши в 1968 году, когда волна антисемитизма захлестнула страну. Он, как и Фрейд, никогда не идентифицировал себя полностью с иудейской верой — так идентифицировали его другие. Он тоже оказался в Англии. Но не это вынужденное изгнание заставило его написать о событии, тесно связанном с евреями и еврейской историей. Воспоминания его жены о жизни в гетто, написанные по прошествии более сорока лет (опубликованные в Англии в 1986-м), побудили Баумана к размышлениям о значении Холокоста в его собственной жизни и работе. Этот период латентного присутствия между изначальным шоком от происшествия, опытом войны и ее ужасов и осмыслением, написанием «Современности и Холокоста» был завершён серией шоков, вынужденным изгнанием и вынужденным столкновением с прошлым.

Хотя он ясно дает понять, что Холокост, который теперь повсеместно считается абсолютным злом (Alexander, 2004), должен рассматриваться не как исключительно часть еврейской истории, но шире — как результат современности, именно изливание травматических воспоминаний привело его на путь, которым ранее прошли Хоркхаймер, Адорно и Фрейд. Что касается последнего, то в его книге можно найти желание понять и объяснить, что отрицалось или вытеснялось: воспоминания, которые очень хорошо умели забывать, но так и не смогли стереть полностью. «Современность и Холокост», как и «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», — работа, состоящая из фрагментов и неструктурированная, но причины этого скорее институциональные, нежели личные травмы. Тем не менее в тексте можно обнаружить следы

---

5. Я в курсе дискуссии о связи между биографией Баумана и его опубликованными работами. Моя позиция в случае «Современности и Холокоста» состоит в том, что биография и история играли чрезвычайно важную роль в появлении книги, хотя эта связь была не обычна. В данном случае она проникла через отрицание и травму.

травмы. В отличие от многих его предыдущих работ (за исключением «Законодателей и интерпретаторов» и «Свободы»), «Современность и Холокост» по своей структуре похожа на эссе и по своему тону очень полемична. В ней много поводов для споров и обвинений, мощная смесь эмпирических заявлений и моральной философии. Эта книга сильно отличается от ранних работ Баумана, в особенности работ его марксистского периода. Еще более разительно отличаются последующие труды, в которых Бауман определяет себя как «постмодерниста», или, во всяком случае, социолога постмодерна, что свидетельствует о кардинальном изменении точки зрения. Как и Лиотар (Лиотар, 1998), Бауман между строк провозглашает конец больших исторических нарративов — для себя и для общества в целом. Такое понимание Холокоста обозначает эпоху, после которой ничто уже не могло быть таким же.

В своем вступлении к книге «Самые длинные тени» (Hartman, 1996), где он размышляет о том, как писать о травме, Джеффри Хартман отмечает: «Молчать или не молчать — это всегда решение» (Hartman, 1996: 3). Он имеет в виду, что любой, кто перенес травму, должен решить, говорить или не говорить, а также, что, возможно, что-то лучше оставить несказанным, так как «включить Холокост в наше представление о человеческой природе — значит потерять веру в человечество и в язык» (Hartman, 1996: 4). С этой точки зрения, возможно, Бауман ранее молчал о Холокосте именно потому, что разговор об этом был бы серьезным вызовом по отношению к его вере в человечество, фундаментальной для марксизма вере. Тем не менее, как он сам пишет, такое решение им никогда не принималось осознанно. Холокост был, перефразируя Хартмана, «опытом, который не был пережит и все же заметно присутствовал». Мы вернемся к обсуждению молчания позже в связи с обсуждением работы Адорно и Хоркхаймера.

Диалектика просвещения

Так же, как Фрейд и Бауман, Хоркхаймер и Адорно описывают историю появления своей общей работы «Диалектика Просвещения». В предисловии к изданию 1969 года они объясняют, что книга была написана в Америке, но издана в Амстердаме. «Когда книга создавалась, конец национал-социалистического террора уже можно было предвидеть. Тем не менее многие ее формулировки более не соответствуют сегодняшним реалиям. И все же уже тогда наша оценка перехода к административно управляемому миру была далеко не благодушной» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 5).

Эта работа — и не монография, и не сборник эссе. Конечный продукт, по словам Хабермаса «состоит из текста, занимающего чуть более пятидесяти страниц, двух экскурсов и трех приложений» (Хабермас, 2008: 118)⁶. Разрозненность текста многих

---

6. Хабермас, который лично знал обоих авторов, также пишет, что «„Диалектика просвещения“ — странная книга. Большая ее часть сложилась из записей и заметок, которые Гретель Адорно вела по ходу дискуссий между Адорно и Хоркхаймером в Санта-Монике... История влияния, которое Хоркхаймер и Адорно оказали этой книгой на интеллектуальное развитие Западной Германии прежде всего в первые десятилетия [после войны], до смешного не соответствует числу ее покупателей» (Хабермас, 2008: 117–118).

заставила искать основные линии аргументации и объяснение продолжительной популярности книги. Если центральный аргумент может быть раскрыт, то он касается связи между рациональностью и властью. Европейское Просвещение, философский импульс которого был в том, чтобы создать условия для освобождения человека через конструирование социального порядка, основанного на рациональности, имело совершенно противоположные последствия. Хуже того, проблема была не просто в исключительности Германии, но в современности в целом. Эти общие заявления содержатся в известной вступительной фразе: «С давних пор просвещение в самом широком смысле прогрессивного мышления преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами. Но наконец-то просвещенная планета воссияла под знаком триумфирующего зла» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 5)⁷.

Хотя условия написания работы были удобными, даже идеальными, от текста остается ощущение спешки и отчаяния. Хоркхаймер, Адорно, жена и родители последнего воссоединились в США, где жили комфортно. Освобожденные от институциональных обязательств, они с энтузиазмом подошли к своей задаче (Muller-Doohm, 2005a). И все же в тексте чувствуются отчаяние и несогласованность. За несколько лет до «Диалектики Просвещения» Адорно писал о современной музыке, что подлинная современная музыка «черпает счастье в восприятии несчастья» и из-за того, что она состоит из фрагментов, «никто... не хочет с ней соприкоснуться... она как письмо отчаяния, отправленное потерпевшими кораблекрушение» (цит. по: Muller-Doohm, 2005a: 277). «Диалектика Просвещения», возможно, и была написана в идеальных условиях, но это было счастье, выросшее из несчастья, которое содержит что-то вроде «письма отчаяния, отправленное потерпевшими кораблекрушение». Как записка в бутылке, отправленная в море, «Диалектика Просвещения» не имеет ясного адресата. Она предназначалась ни для кого конкретно и для всех, это крик в пустыне, изданный теми, кто хоть и выглядел свободно парящими интеллектуалами, были, под слоем лоска, изгнанниками, брошенными на произвол судьбы в бессмысленной пустоте.

Эффект изгнания, культурный шок, испытанный в безразличной Америке во время написания книги (1939–1944), могут быть причинами часто гиперболизированной прозы и фрагментарности финального продукта. Рукопись существовала как минимум в двух разных вариантах, прежде чем появилась мимеографическая копия в Нью-Йорке в 1944 году. Исследователи, в том числе Зиеге (Ziege, 2009) и ван Рейен и Брансен (Van Reijen, Bransen, 2002) анализировали отличия этой версии от той, которая была опубликована в Амстердаме три года спустя. Они отметили серьезное изменение, произошедшее в последующие годы (хотя Хоркхаймер и Адорно в своем «Вступлении» к изданию 1947 года это отрицают) и связанное с избавлением от марксистских концепций. Предлагаемые объяснения отсылают обычно к внутренним теоретическим спорам или нежеланию авторов обидеть своих хозяев в Америке.

---

7. В новом английском переводе это звучит так: «Просвещение, понимаемое в самом широком смысле как прогресс мысли, всегда было нацелено на освобождение человеческих существ от страха и установления их господства. Тем не менее полностью просвещенная земля светится триумфальной катастрофой. Программа Просвещения была расколдовыванием мира» (Horkheimer, Adorno, 2002: 1).

Возможно, так оно и есть, но я предполагаю, что основной причиной этих изменений был их личный опыт, их травмы⁸. Позже Адорно напишет: «После Второй мировой войны все, включая восстановленную культуру, было неосознанно уничтожено; человечество продолжает прозябать и ползать после событий, которые даже пережившие их не могут полностью пережить, на помойке, что даже отражение разрухи делает бессмысленным» (Adorno, 1991: 244).

Капитуляция рабочего класса в Германии и Италии и его приспособление во Франции создали ощущение потерянности и недоверия у тех, кто верил в марксистскую теорию истории. Ранние исследования, вроде исследований Эриха Фромма в Веймаре в конце 1920-х, действительно уже наводили на мысль об «авторитаризме рабочего класса» и возможной склонности к приспособлению к диктатурам и «плановой экономике», которые были установлены нацистами, но казавшийся абсолютным крах солидарности рабочего класса был неожиданным. Идея борьбы класса как средства освобождения была потеряна для них навсегда, а это была идея, на которой основывался их анализ современных обществ, а вовсе не экономическое понимание класса. Потеря веры в этого исторического агента вместе с их личным опытом изгнания породили ощущение безнадежности и разочарования. К этому можно добавить и воспоминания о самоубийстве близкого друга и учителя Адорно Вальтера Бенямина, совершенного им после неудачной попытки побега от нацистов, а также то, что он знал о заключении в концентрационные лагеря двух своих коллег, Карла Виттфогеля и Поля Мессинга. Смерть Бенямина была, по мнению одного историка (Wiggerhaus, 1995), «путеводной звездой», которая объединила разобщенную работу. Последний удар был нанесен появившимися к концу войны известиями о судьбе евреев. В результате в финальную версию книги была включена глава об антисемитизме (Rabinbach, 1997)⁹.

---

8. Хайнс говорит о том же: «Зиге рассматривает эти изменения как не более чем тактическую адаптацию к возникающей культуре холодной войны, тогда как мое подозрение состоит в том, что Хоркхаймер и Адорно в своем строгом разделяющем все на дихотомии дискурсе были на пути к заявлению о том, что современное общество в целом — травмирующее зло» (Heins, 2011: 37). Утверждения Баумана в 1986 году воспроизводят эту точку зрения. Тем не менее между ними есть разница. Бауман высказывается в историческом и социологическом смысле, говоря, что современные технологии, включая железные дороги, бюрократическое администрирование и повседневную рутину, которые оно создало, сделали возможным массовое уничтожение евреев. Эти суждения можно оспаривать или поддерживать с помощью эмпирической аргументации, хотя с некоторыми моральными суждениями, приведенными в книге, это сделать сложнее. Хоркхаймер и Адорно, с другой стороны, высказывают более абстрактные, философские идеи о том, что Освенцим возникает благодаря мифическим истокам современного «просвещенного» мировоззрения. Исторические и эмпирические доказательства, показывающие, что современные технологии не играли значимой роли, не будут иметь такого же значения для их аргументации, как для аргументации Баумана. Их аргументация так укоренена в их собственном травматическом опыте, что сложно представить, как можно критиковать ее, хотя Хабермас (2008: 120) совершает такую попытку.

9. Их понимание оснований антисемитизма похоже на те, которые изучаются Фрейдом в «Моисее и монотеизме». Они считают, что антисемитизм имеет религиозные корни и евреи, возможно, несут некоторую ответственность за то, что их ненавидят. Но то, что судьба евреев оказалась в руках

Хабермас (Хабермас, 2008) описывал «Диалектику Просвещения» как работу, в которой произошел явный разрыв Адорно с Хоркхаймером и отказ от предыдущих размышлений о задачах критической теории. Аргумент Хайнса (Heins, 2011) еще сильнее: он считает, что критическая теория появилась в результате травмы. Он пишет: «Я... представляю критическую теорию как нарратив о травме: публичный рассказ группы людей, ставших ее жертвами, о природе сильной раны...» (Heins, 2011: 32). Для него желание опубликовать, объективировать, сделать в этом смысле постоянным — было формой свидетельствования, попыткой не дать исчезнуть форме мышления, направленной против меняющегося потока истории.

Как и в случае Фрейда и его работы «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», я предлагаю называть общий эффект такого опыта травматическим в классическом смысле, описанным выше. Ясно, что вынужденный переезд повлиял на форму книги. Также следует учесть, что это совместная попытка (что для Адорно в новинку) двух индивидов, известных независимостью мышления. Сильные личности авторов тем не менее не могут быть сами по себе причиной той страсти, которая выражена на страницах «Диалектики Просвещения». Куда важнее их эмоциональное состояние, чувство отчаяния, которые заметны натренированному глазу. Так интеллектуалы отрываются от своих связей. Если считать этот текст результатом травмы, можно разглядеть пошатнувшиеся самоопределение и смысл, которые чувствует личность, но референт этих чувств — коллектив. Несмотря на это, очевиден и едкий риторический стиль (скорее всего, принадлежащий Адорно), соответствующий содержанию сообщения, во всяком случае, если считать, что этот текст — не только социальная теория, но и литература. Будущее может казаться нечетким для тех, кто действительно верит в критическую марксистскую теорию, но это не повлияло на способность наблюдать провал со злой иронией. Авторы «Диалектики Просвещения», возможно, горюют, но хорошо это скрывают в своей риторике. Текст полон языковых уловок и трюков, особенно когда они пишут о массовой культуре и возникающей власти «культурной индустрии» — разработанном ими понятии, которое помогает понять значимость книги.

Мало кто из современных читателей «Диалектики Просвещения» будет рассматривать ее как документ травматического опыта, хотя их может заинтересовать напористость стиля и сильное ощущение спешки, пронизывающей работу насквозь. Благожелательные читатели, скорее всего, сочтут анализ пронизательным и настолько живым и захватывающим, что кажется, будто книга написана недавно. Причина частично в ценности представленных в книге догадок о природе и структуре современного общества, иначе говоря, в ценности текста с точки зрения социальной теории. Авторы были правы, написав позже: «Наша оценка перехода к административно управляемому миру была далеко не благодушной» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 5). Действительно, их анализ роли массовой культуры и культурной индустрии ка-

---

нацистов, было скорее делом случая и шансом, когда «ненависть изливается на тех, кто подозрителен и незащищен... жертвы взаимозаменяемы: бродяги, евреи, протестанты, католики — каждый из них может заменить убийцу (Horkheimer, Adorno, 2002: 140).

жется сейчас даже актуальнее, чем когда он был сделан. Сейчас хотя бы есть аудитория. Хоркхаймер и Адорно, возможно, писали для того, чтобы засвидетельствовать смерть критической истории, вдохновленной марксизмом, но они засвидетельствовали и рождение общества массового потребления. Их травма стала основой для этой догадки, теперь доступной для поколений читателей.

От травмы к культурной травме

Одно из наиболее часто цитируемых изречений Адорно — заявление, что продолжать писать стихи после Освенцима — варварство (Adorno, 1967: 34)¹⁰. Возможно, под поэзией он понимал всю литературу и, вероятно, все искусство в целом. Хайнс считает, что Освенцим символизирует для Адорно современность как таковую и он использовал термин, чтобы коротко охарактеризовать темную сторону нового поколения немцев, которые не испытали ни ужасов Второй мировой войны, ни Холокоста (Heins, 2011). О смысле этого изречения Адорно, понятого в узком смысле как касающегося художественного высказывания, было много написано (про анализ восприятия см.: Rothberg, 1997). Следует ли молчать, как Бауман или говорить, как Примо Леви, Нелли Закс или Пауль Целан? Касается ли запрет только литературы, всего искусства или также и социальной теории, например, работ Ханны Арендт? Является ли молчание единственной альтернативой публичному признанию Холокоста? Что, в конце концов, означает молчать?¹¹

В 1959 году в речи, обращенной к немецким школьным учителям, Адорно говорил об этой проблеме в рамках общего образования. Позже речь была опубликована под названием «Что значит „проработка“ прошлого?». Немецкое название «Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit?» — аллюзия на название эссе Иммануила Канта «Что такое Просвещение?» (Olick, 2003). Кроме того, оно отсылает к психоаналитическому проекту борьбы с неврозом или травмой через честное и бесстрашное противостояние. Адорно и его франкфуртские коллеги к тому времени (1950–1951) закончили большое эмпирическое исследование «не общественного мнения» (non public opinion), результаты которого показали, что в немецком обществе давно присутствуют авто-

---

10. Эта фраза появляется в статье «Критика культуры и общество», перепечатанной в «Призмах», но написанной в 1949 году и впервые опубликованной в 1951-м (Schlant, 1999: 246). Шлант также указывает, что Адорно позже изменил свою позицию, во всяком случае, относительно поэзии о Холокосте. В 1966 году он писал: «Длительное страдание имеет такое же право на выражение, как и человек под пытками — на крики; поэтому, возможно, неправильно говорить, что после Освенцима не стоит писать стихи» (цит. по: Schlant, 1999: 9). Ротберг предлагает несколько другой анализ: не то чтобы Адорно изменил свою позицию, скорее социальные условия в Германии изменились и Адорно подкорректировал свой аргумент в связи с этим (Rothberg, 1997).

11. Шлант предоставляет проницательное обсуждение того, что имелось в виду под «молчанием» относительно Холокоста и заявлений Адорно (Schlant, 1999: 7–15). Ротберг дает более широкую интерпретацию альтернатив создания искусства сквозь тщательное чтение поздних работ Адорно, в особенности его литературной критики, в которой пьесы Бекетта рассматриваются как пример того, как можно писать после Освенцима (Rothberg, 1997).

ритарные тенденции (Pollock, Adorno, 2011)¹². Адорно дважды выступал с этой речью: первый раз до, а затем после новой волны антисемитизма в ФРГ. Согласно Ансону Рабинбаху (Rabinbach, 1988), новый публичный антисемитизм «продемонстрировал провал послевоенной денацификации» (Olick, 2003: 550). В своих выступлениях Адорно связывает этот провал с отсутствием реальных попыток противостоять и, соответственно, проработывать прошлое. Свою вторую презентацию (представленную 22 мая 1962 года по приглашению Социалистического союза немецких студентов, ставшего затем самой радикальной студенческой организацией) он начал так:

«...пожалуйста, считайте мои размышления [по поводу возможности возвращения фашизма в Германию] вкладом в попытки справиться с этой опасностью не путем безрезультатного возмущения и декоративных решений, но путем понимания этого явления на глубинном уровне. Могут последовать и некоторые практические предложения, даже если трудно себе представить, что путь от догадки к действию может быть настолько коротким, насколько таковым его считают многие люди, желающие добра» (Adorno, 2010: 308).

Будучи влиятельной публичной фигурой и уважаемым ученым, Адорно был призван стать значительной силой в дебатах в Германии по поводу нацистского периода и его значения для нации, которые развернулись среди представителей нового поколения и в социальных движениях в 1960-х годах. Его послевоенные книги и статьи были опубликованы тысячами экземпляров, и в период с 1950 по 1969 год Адорно «участвовал в более чем 160 радиопрограммах» (Pickford, 2005: viii). Адорно был символом: немецкий еврей, возвратившийся из вынужденного изгнания, главная фигура наиболее влиятельной интеллектуальной традиции предвоенной Германии. Он и Хоркхаймер вернулись, чтобы помочь восстановить национальную систему высшего образования и вернуть научную репутацию Германии. Фундаментальная цель этого проекта, как и американской оккупации, заключалась в уничтожении всех следов нацистского прошлого и создании демократического общества со здоровой публичной сферой, где возможно было бы честно описывать и обсуждать прошлое. То, что в результате изменения коснулись только поверхности проблемы, — центральный аргумент Адорно. Прошлое было вытеснено. Позже новое поколение будет определять себя через обвинение старшего поколения в том, какую роль оно сыграло в период нацизма (Giesen, 2004). В этом противостоянии Адорно будут считать интеллектуальным героем и в то же время предметом насмешек. Его «старомодные буржуазные» манеры, включая отношение к женщинам, поднимались радикальными студентами на смех, и в то же время они почитали его как живое свидетельство предвоенной критической теории. Его фигура помогла новому поколению студентов проработать прошлое Германии. Как показывает Гизен, это была лишь маленькая часть более широкого националь-

---

12. Это исследование было недавно переведено на английский и опубликовано в двух книгах: «Групповой эксперимент» (Pollock, Adorno, 2011) и «Вина и защита» (Adorno, 2010), обе в переводе, под редакцией и с предисловием Джеффри Олика и Андрию Перрина. «Групповой эксперимент» был написан после участия Адорно в американском проекте «Исследование авторитарной личности» (Адорно и др., 2001) и воспроизводил в измененной форме методологию этого исследования.

ного и поколенческого противостояния, которое я называю культурной травмой, эмоционально заряженной борьбы за основы коллективной идентичности, в которой преступники и жертвы названы поименно и прошлое как коллективная память рассказывается заново по мере проработки. Вместе с другими публичными площадками и формами публичного высказывания литература и искусство будут играть центральную роль в этой борьбе смыслов за основания коллективной идентичности. Социальные теоретики в роли публичных интеллектуалов, например, Адорно и Хабермас, или сама социальная теория, будут играть такую же важную роль, как и студенты-активисты, которых они учили и которым противостояли (Muller-Doohm, 2005b).

Личная и культурная травма

Личную травму проживают, поэтому рассказывать о ней тяжело. Трудно, если не невозможно, понять значение шокирующего происшествия, в то время как оно происходит. Фрейд считал, что забывание — важнейший элемент процесса травмы, от, собственно, происшествия до понимания. Выжившие после Холокоста, например, Примо Леви, столкнувшись с этой невозможной реальностью, были поначалу совершенно сбиты с толку, и впоследствии описание этого опыта было почти невозможно. Понадобились годы, чтобы найти форму, соответствующую тому, что они пережили. Не так просто было найти и слушателей. Первые описания Холокоста появились почти сразу после окончания войны, но почти не вызвали интереса ни у издателей, ни у читателей¹³. Стоит ли называть этот период «латентным» или необходимой дистанцией — вопрос выбранной схемы интерпретации, но какую ни выбрать, время и дистанция и правильная форма представления необходимы для того, чтобы справиться с опытом, который серьезно шокирует привычную жизнь. Когда все привычное пошатнулось для всего сообщества, мы говорим о начале культурной травмы. Культурные травмы начинаются с разрыва установленных оснований коллективной идентичности, что может полностью уничтожить коллектив или в лучшем случае потребует переописания основных для сообщества мифов и верований. Литература и искусство обычно крайне важны в этом процессе переописания. Об этом я писал в своей предыдущей работе о рабстве и формировании афроамериканской идентичности (Eyerman, 2001). Литература и визуальные искусства были особенно важны для выражения и передачи опыта, который прятался, в основном опыта черных американцев. То же самое происходило в Германии с нацистским прошлым и с его жертвами. Когда в 1969 году студент художественной академии Анслем Кифер создал перформанс, в котором он вскинул руку в нацистском приветствии, это вызвало негодование, особенно с учетом того, что он делал это в том числе на публичных площадях европейских городов (Anderson, 2008: 129). Несколькими годами ранее режиссер Александр Клю-

---

13. Это, вероятно, следует пояснить. Оказывается, издатели были в большей степени готовы публиковать описания военного опыта из первых рук, включая свидетельства выживших, чем читатели — покупать и читать. Такие описания подходят к необходимости знать и желанию осуждать и винить.

ге создал серию «биографий» преступников и жертв войны. После революционного романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959), повестей и пьес Рольфа Хоххута («Наместник», 1963), Питера Вайса («Дознание», 1965) и Хейнара Кипхардта («Дело Оппенгеймера», 1964), которые были созданы под влиянием суда над Эйхманом в 1961 году и судами над преступниками из Освенцима в 1963–1965 гг., немецкая литература не занималась Холокостом, антисемитизмом и темной стороной нацистского прошлого, вплоть до волнений 1968 года. В этих условиях была переиздана «Диалектика Просвещения». Она стала не просто свидетельством травматического прошлого, но и вторжением в культурную травму Германии и призывом к оружию для студентов-активистов всего мира. Кто бы мог такое представить в 1944 году?

Заключение

Читать текст можно по-разному. Тексты по социальной теории обычно не судят по их эстетическим качествам, и в них не ищут скрытых смыслов. Исключение составляют марксистская и феминистская критики, представители которых всегда ищут признаки предвзятости. Под эстетическим чтением я понимаю чтение, при котором обращается внимание на форму представления, не связанную с логической аргументацией и аккуратным использованием фактической информации и ссылок. В чтении литературы по социальной теории обычно считается важным не форма представления, но то, что можно узнать после чтения текста. Тексты по социальной теории должны предоставлять информацию и знания и в редких случаях — новые точки зрения на мир. В том, чтобы передавать знание о мире, эти тексты похожи на художественную литературу, но она создается для эстетического восприятия. В данном случае чтение и опыт чтения центральны, и «читатель больше всего заинтересован в том, что произошло *во время* чтения» (Rosenblatt, 1978: 25). Хотя для художественной литературы важна форма, она может выполнять и терапевтическую функцию как для писателя, так и для читателя. Письмо и чтение о горе и других сильных эмоциях, как в случае художественной литературы, так и в случае мемуаров, может стать временным облегчением для автора и быть понятным для читателя. Литература может быть способом передачи неизвестного и непредставимого опыта, как повести Тони Моррисона об опыте рабов в США (Euerman, 2001). Свидетельство катастрофы может быть выражено в литературе, в фактическом или художественном описании (Żółkoś, 2010). Художественная литература, как и социальная теория, позволяет писателю дистанцироваться от эмоций и вовлечь читателя неожиданным способом.

В этом эссе я читал тексты по социальной теории с точки зрения эстетики. Чтение социальной теории таким способом, как и восприятие абстрактного искусства, требует определенной позиции и готовности со стороны читателя. Чтобы читать тексты по социальной теории как выражения травмы, надо смотреть сквозь текст на лежащие в его основе разрывы, «изначальную внутреннюю катастрофу», как их называет Хартмант, которые разрывают поток аргументации и помогают описать неожиданные сбои, оговорки и пропуски. Читать социальную теорию в свете тео-

рии травмы — значит находить смысл в том, что может быть иначе воспринято как преувеличение, разрозненность или очевидная непоследовательность. Три анализируемых выше текста обладают элементами всего перечисленного, что необычно для работ по социальной теории, в которых обязательна норма следования логической аргументации. Книга Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» — очень необычная книга для автора с претензией на реализм. Аргументация в тексте построена так, что она то прерывается, то начинается заново, меняет направление и затем снова все начинается заново. Такие разрывы, мне кажется, напрямую связаны с травмой, которую Фрейд лично переживал и одновременно пытался понять. «Современность и Холокост» выражает личную травму другого типа. Похожая больше на «Диалектику Просвещения», эта работа содержит пугающие свидетельства выжившего. В описании своей жизни Бауман в большей степени играет активную роль, нежели роль жертвы, и занимается изучением своего объекта с большей дистанции, чем Хоркхаймер и Адорно, поскольку с описываемого времени прошло сорок лет. Бауман говорит во имя моральности и ответственности по отношению к аудитории ученых, которые, как он считает, не обратили достаточного внимания на Холокост. У «Диалектики Просвещения» нет точного адресата; по мнению его авторов, никому неинтересно об этом слушать. Это тоже часть травмы, отраженной в тексте. В 1960-х, после судов над Эйхманом и преступниками Освенцима, книга неожиданно находит своего читателя; открытие в публичном дискурсе позволяет Адорно расширить свои публичные выступления. В этом новом контексте личная и культурная травмы сливаются. Хотя социальная теория — это не поэзия, можно поднять вопрос, является ли социальная теория после Освенцима — варварством? Позиция Адорно по отношению к возможности критической социальной теории в послевоенной Германии оставалась амбивалентной, и с этой темой ему было нелегко работать. Бауман не выражает ни амбивалентности, ни неловкости. Критическая социальная теория не только возможна, она необходима, даже если ее аудитория ограничена. Он соглашается с Адорно в том, что социальная теория не должна давать утешения. И хотя она может и не изменить мира, она может, во всяком случае, стать способом рефлексии о его условиях. Голос в пустыне лучше, чем отсутствие голоса вообще, и личная травма помогла ему найти этот голос.

Благодарность

Я благодарю Марка де Лей и анонимных рецензентов, чьи критические замечания помогли мне в работе над статьей.

Литература

Адорно Т., Сэнфорд Р. Н., Френкель-Брюнsvик Э., Левинсон Д. Дж. (2001). Исследование авторитарной личности / Пер. с англ. Л. К. Латышева, М. Н. Попова, М. В. Кондратенко под общ. ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити.

- Лиотар Ж.-Ф.* (1998). Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Сауд Э.* (2005). Фрейд и неевропейское / Пер. с англ. А. Гараджа // Синий диван. 2005. № 6. С. 7–38.
- Фрейд З.* (1993). Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / Пер. с нем. Р. Ф. Додельцева. М.: Наука.
- Хабермас Ю.* (2008). Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* (1997). Диалектика Просвещения / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум.
- Adorno T. W.* (1967) *Prisms* / Transl. S. Weber and Sh. Weber. Cambridge: MIT Press.
- Adorno T. W.* (1991). *Notes to literature* / Transl. S. W. NicholSEN. N. Y.: Columbia University Press.
- Adorno T. W.* (2010). *Guilt and defense: on the legacies of national socialism in postwar Germany* / Transl. J. K. Olick and A. J. Perrin. Cambridge: Harvard University Press.
- Alexander J.* (2004). *Toward a theory of cultural trauma* // *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P.* *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press. P. 1–30.
- Anderson M.* (2008). *Documents, photography, postmemory: Alexander Kluge, W. G. Sebald and the German family* // *Poetics Today*. Vol. 29. № 1. P. 129–153.
- Bauman Z.* (1989). *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press.
- Caruth C.* (1996). *Unclaimed experience: trauma, narrative, and history*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Erikson K.* (1994). *A new species of trouble: explorations in disaster, trauma, and community*. N. Y.: Norton.
- Eyerman R.* (2001). *Cultural trauma: slavery and the formation of African American identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eyerman R.* (2008). *The assassination of Theo van Gogh: from social drama to cultural trauma*. Durham: Duke University Press.
- Eyerman R.* (2011a). *The cultural sociology of political assassination: from MLK and RFK to Fortuyn and Van Gogh*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Fassin D., Rechtman R.* (2009). *The empire of trauma: an inquiry into the condition of victimhood* / Transl. R. Gomme. Princeton: Princeton University Press.
- Franklin R.* (2011). *A thousand darknesSES: lies and truth in Holocaust fiction*. N. Y.: Oxford University Press.
- Giesen B.* (2004). *The trauma of the perpetrators: the Holocaust as the traumatic reference of German national identity* // *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P.* *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press. P. 112–154.
- Habermas J.* (1975). *Legitimation crisis* / Transl. Th. McCarthy. Boston: Beacon Press.
- Hartman G.* (1996). *On traumatic knowledge and literary studies* // *New Literary History*. Vol. 26. № 3. P. 537–563.
- Heins V.* (2011). *Beyond friend and foe: the politics of critical theory*. Boston: Brill.
- Horkheimer M., Adorno T.* (2002). *Dialectic of enlightenment: philosophical fragments* / Transl. E. Jephcott. Stanford: Stanford University Press.
- Horsman Y.* (2011). *Theaters of justice: judging, staging, and working through in Arendt, Brecht, and Delbo*. Stanford: Stanford University Press.

- Kaplan E. A.* (2005). *Trauma culture: the politics of terror and loss in media and literature*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- LaCapra D.* (2001). *Writing history, writing trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Leys R.* (2000). *Trauma: a genealogy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Muller-Doohm S.* (2005a). *Adorno: a biography*. Cambridge: Polity Press.
- Muller-Doohm S.* (2005b). Theodor W. Adorno and Jürgen Habermas — two ways of being a public intellectual: sociological observations concerning the transformation of a social figure of modernity // *European Journal of Social Theory*. Vol. 8. № 3. P. 269–280.
- Narrating trauma: on the impact of collective suffering. (2011) / Ed. R. Eyerman, J. C. Alexander, E. B. Breese. Boulder: Paradigm Publishers.
- Olick J. K.* (2003). What does it mean to normalize the past? Official memory in German politics since 1989 // *States of memory: continuities, conflicts, and transformations in national retrospection* / Ed. J. K. Olick. Durham: Duke University Press. P. 259–288.
- Pickford H. W.* (2005). Preface // *Adorno T. W. Critical models: interventions and catchwords* / Transl. H. W. Pickford. New York: Columbia University Press. P. vii–xii.
- Pollock F., Adorno Th. W.* (2011). *Group experiment and other writings: the Frankfurt School on public opinion in postwar Germany* / Ed. and transl. A. J. Perrin and J. K. Olick. Cambridge: Harvard University Press.
- Rabinbach A.* (1997). *In the shadow of catastrophe: German intellectuals between apocalypse and enlightenment*. Berkeley: University of California Press.
- Rosenblatt L. M.* (1978). *The reader, the text, the poem: the transactional theory of the literary work*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Rothberg M.* (1997). After Adorno: culture in the wake of catastrophe // *New German Critique*. № 72. P. 45–81.
- Ryan J.* (1991). Postoccupation literary movements and developments in West Germany // *Legacies and ambiguities: postwar fiction and culture in West Germany and Japan* / Ed. E. Schlant and J. Th. Rimer. Baltimore: Johns Hopkins University Press. P. 189–206.
- Schlant E.* (1999). *The language of silence: West German literature and the Holocaust*. N. Y.: Routledge.
- Smelser N. J.* (2004). Psychological trauma and cultural trauma // *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press. P. 31–59.
- Van Reijen W., Bransen J.* (2002). The disappearance of class history in «Dialectic of enlightenment»: a commentary on the textual variants (1947 and 1944) // *Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of enlightenment: philosophical fragments* / Transl. E. Jephcott. Stanford: Stanford University Press. P. 248–252.
- White H.* (1990). *The content in the form: narrative discourse and historical representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Wiggerhaus R.* (1995). *The Frankfurt School: its history, theories and political significance*. Cambridge: MIT Press.
- Ziege E.-M.* (2009). *Antisemitismus und Gesellschaftstheorie: die Frankfurter Schule im amerikanischen Exil*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Żółkoś M.* (2010). *Reconciling community and subjective life: trauma testimony as political theorizing in the work of Jean Améry and Imre Kertész*. N. Y.: Continuum.

Ошибка каузальности в социальной науке¹

Аласдер Макинтайр

Аннотация. В статье рассматривается проблема связи действий и верований. Автор показывает, что принятый в социальных науках подход, берущий свое начало в работах Юма и Милля и предполагающий выявление каузальных связей между верованиями и действиями, ошибочен. Вместо этого Макинтайр, исходя из разделения физического движения и человеческого действия, предлагает рассматривать связь верований и действиями с точки зрения тех описаний, которым должно соответствовать действие. В качестве иллюстрации своего подхода автор рассматривает роль, которую сыграла философская работа И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» в процессе идеологического «закрытия» советского общества.

Ключевые слова: действие, верование, каузальность, описание, социальная теория, И. В. Сталин.

«Вообще же говоря, — писал Юм, — религиозные заблуждения опасны, а философские только смешны»². Цель данной статьи — показать, что философские заблуждения тоже могут быть опасны.

I

Как верования связаны с действиями? Меняет ли то, во что верят люди, их действия и влияет ли это на их социальную жизнь? Или их социальная жизнь протекает как минимум относительно независимо от того, во что они верят? Ответы на эти вопросы, которые на первый взгляд совершенно противоположны, часто имеют много общего. Обычно это общее заключается в сползании от явной и внутренне противоречивой лжи к откровенной непротиворечивой банальности. Парето, ранний Вебер, Маркс — всем им можно поставить в вину то, что они считают либо (как Парето и Маркс), что верования вторичны и представляют собой побочный продукт социаль-

1. Пер. с англ. А. М. Корбута. Источник: *MacIntyre A.* (1962). *A mistake about causality in social science // Philosophy, politics and society: second series / eds. P. Laslett and W. G. Runciman. Oxford: Basil Blackwell. P. 48–70.*

© Корбут А.М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

2. *Юм Д.* (1996). *Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / пер. с англ. С. И. Церетели // Юм Д. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль. С. 316. — Прим. перев.*

ной жизни, которая протекает независимо от них, либо (как ранний Вебер), что идеи играют автономную роль и воздействуют на социальную жизнь.

Все они занимают самоуверенную и догматичную позицию. Все они вскоре начинают смягчаться. Парето иногда заявляет о нерелевантности верований для поведения безо всяких исключений: «Когда китаец, мусульманин, кальвинист, католик, кантианец, гегельянец и материалист в равной мере воздерживаются от воровства, каждый из них дает этому действию различное объяснение...»³. Но тот же самый Парето в других местах не столь категоричен; например, он приписывает спорам о моральной философии социально-подрывной характер. Ранний Вебер бросает вызов тем, кто сводит протестантизм к простой идеологической рефлексии над зарождающимся капиталистическим экономическим порядком, утверждая, что он оказывает решающее влияние на формирование этого порядка; поздний Вебер настаивает, что он всего лишь исследовал одно из направлений каузальной цепи. Другие направления столь же открыты для изучения. Но наиболее поразительный пример — переход от Марксова «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁴ к энгельсовскому письму к Блоху: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»⁵.

В каждом случае шаблон один и тот же. Сначала провозглашается либо влияние верований на действия, либо нерелевантность верований для действий, а затем, по мере накопления контрпримеров, первоначальный взгляд меняется, пока все protagonисты не сходятся в своей приверженности поверхностному интеракционизму. Верования и идеи влияют на социальную жизнь, а социальная жизнь влияет на верования и идеи. Каузация направлена в обе стороны.

Никто не спорит с теми эмпирическими наблюдениями, на которых социологи основывают подобный вывод. Но как насчет понятий, входящих в схему, к которой подгоняются факты? Какова концептуальная схема, общая для столь непохожих мыслителей? Она содержит по крайней мере два элемента, заслуживающих внимания и проблематизации.

Первый элемент — представление о том, что верования и действия есть различные и отдельно идентифицируемые социальные феномены. Второй элемент — представление о том, что каузальная связь заключается в постоянном соединении. Социаль-

---

3. Парето В. (2008). Компендиум по общей социологии / пер. с ит. А. А. Зотова. М.: ГУ ВШЭ. С. 194. — Прим. перев.

4. Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 7. — Прим. перев.

5. Энгельс Ф. (1965). Йозефу Блоху, 21[–22] сентября // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 394. — Прим. перев.

ные ученые нередко крайне озабочены тем, чтобы избавить свои исследования от кажущихся им чужеродными философских элементов. Поэтому удивительно, сколь часто их взгляды на каузацию представляют собой сочетание анализа Юма и методов Милля. Это отчетливо видно по той цитате из Парето, которую я приводил выше, — поскольку воздержание от воровства может соединяться с любым верованием, никакое верование не соединяется постоянным образом с воздержанием от воровства. Следовательно, никакое верование не связано каузально с воздержанием от воровства. Вебер точно так же использует миллевский метод различия для установления каузальной связи между протестантизмом и капитализмом. Он показывает, что в Китае и Индии имелись те же условия для появления капитализма, что и в Европе, за исключением протестантизма. Но капитализм там не возник. Следовательно, у нас есть хорошие основания полагать, что протестантизм является причиной капитализма.

Стоит отметить, что если вы придерживаетесь юмовского взгляда на каузальность и желаете исследовать отношения между верованием и действием, вы, скорее всего, будете считать верование и действие обособленными феноменами, поскольку только между обособленными феноменами возможна каузальность в смысле Юма. Эта связь между двумя составляющими концептуального аппарата объясняет, почему возражать против разделения верования и действия, значит возражать против применимости юмовской концепции каузальности в данной области.

С точки зрения Юма (или, скорее, с наиболее известной из нескольких немного различающихся точек зрения Юма), чтобы нечто одно было причиной чего-то другого, они должны зримо и единообразно соединяться. Если А постоянно предшествует Б, а Б единообразно следует за А, тогда А есть причина Б. Отсюда вытекает, что каузальные связи не носят необходимого характера. А — причина Б, но точно так же Б могло бы быть причиной А или В быть причиной одного из них или обоих сразу. Любая каузальная связь случайна. Мы можем обнаружить, в чем именно заключаются каузальные связи, лишь путем наблюдения. По мнению Юма, мы никогда не должны удивляться тому, что мы обнаруживаем, поскольку у нас нет права иметь какие-либо предварительные ожидания, которые могут не оправдаться. Всё может оказаться каузально связанным со всем. Отсюда вытекает следующий парадоксальный для социального теоретика вывод (по крайней мере, если он полагает, как полагала классическая социология, что верования и действия суть различные феномены).

Если верования и действия находятся в каузальных отношениях (как их понимает Юм), тогда конкретные верования соотносятся с конкретными действиями чисто случайным образом. Если мы ищем причину какого-либо действия в области верований, то мы не можем иметь априорных ожиданий относительно того, где нам следует искать. Любое верование могло бы стать причиной любого действия. Предположим, мы видим человека, опрыскивающего свои розы инсектицидом, и интерпретируем высказывание «Он делает это потому, что верит во вредность тли для роз» как приписывание юмовской каузальности. Наше обоснование данного высказывания может состоять лишь в том, что мы наблюдали единообразную корреляцию между верой во вредность тли и действием опрыскивания роз, но при установлении данного

единообразия мы могли бы обнаружить и любое другое верование. Действие опрыскивания роз могло бы с той же вероятностью коррелировать с верой в то, что пятна на солнце вызывают экономический спад или что папа римский — антихрист. Просто так *случилось*, что оно коррелирует с верой во вредность тли для роз. Мы можем показать бессмысленность этого вывода, а также то, почему он бессмыслен, с помощью двух примеров.

Первый — человек, который печется о благополучии своих роз столь же сильно, как и человек из предыдущего примера. При этом его розы покрыты тлей, однако он не опрыскивает их инсектицидом и не предпринимает никаких подобного рода мер. Если бы юмовская точка зрения была верна, мы должны были бы все равно спросить: «Но верит ли он во вредность тли для роз или не верит?», поскольку в данном случае верование могло бы оказаться связанным с действием *неопрыскивания* роз. Если бы такая связь существовала, это означало бы, что нет никакой единообразной корреляции между верованием и действием, откуда, следовательно, вытекало бы, что верование нельзя считать каузально влияющим даже в тех случаях, когда оно предшествует действию.

Таково, вероятно, предельное *reductio ad absurdum* той точки зрения, что верование и действие коррелируют подобным образом. Столкнувшись с этим вторым типом примера, мы должны были бы, будь он описан так, как описал его я, исключить возможность вопроса «Но верит ли он во вредность тли для роз или не верит?». Если человек беспокоится о своих розах, знает, что они покрыты тлей, и не опрыскивает их, *значит*, он не верит в то, что тля вредна для роз. Говоря «значит», мы подразумеваем, что его действие неопрыскивания своих роз уже предполагает наличие у него верований касательно тли, а не указывает на них, выступая внешним знаком чего-то иного, а именно его веры. Его вера заключается в таком способе действия. Верить в то, во что он верит, — значит действовать определенным образом.

Этого достаточно, чтобы показать, что действия и верования — не более обособленные феномены, чем (если проводить подходящую, хотя и не совсем точную, параллель) слова и значения. Мы не будем заводить эту параллель слишком далеко, но было бы, вероятно, не совсем ошибочным утверждать, что как мы можем осмысленно говорить о словах и значениях и при этом они не представляют собой отдельные «вещи», так неразрывны и действия с верованиями. И точно так же как о словах можно сказать, что они выражают значения, о действиях можно сказать, что они выражают верования (и, как я покажу, именно этому обязаны всей своей осмысленностью). Отметим, между прочим, что верования могут иногда рассматриваться отдельно от действий, но действия неотделимы от верований. Против этого можно выдвинуть следующий контрпример, основанный на двух моих предыдущих примерах.

«Что бы мы сказали, — мог бы спросить убежденный юмианец, — о человеке, который активно печется о благополучии своих роз и открыто заявляет об этом, знает, что они покрыты тлей, не опрыскивает их инсектицидом, но настаивает, что верит во вредность тли?» Безусловно, такой случай легко себе представить, и сама его представимость показывает, что действия и верования четко различимы. Но совершенно

ясно, что́ следует сказать по поводу данного случая. Это не пример агента, верования и действия которого расходятся, а пример человека, который, обладай он всеми перечисленными характеристиками, не может в принципе считаться рациональным агентом; он исключает себя из класса существ, признаваемых в качестве обычных человеческих агентов, и потому не может выступать доказательством. На это мне возражат, что мой аргумент слишком строг, и так оно и есть. Любые рациональные агенты время от времени демонстрируют непоследовательность, и до сих пор я рассматривал лишь тот случай, когда непоследовательность настолько сильна, что мы сбрасываем субъекта со счетов как сумасшедшего или, по крайней мере, не совсем здорового человека. Что же мы скажем о том случае, когда мы не можем списать субъекта со счетов в силу его безумия, но тем не менее его верования несовместимы с его действиями?

Все зависит от степени непоследовательности. Когда сумасшествие или другое психическое расстройство исключается, тогда, если человек утверждает, что он верит в то-то и то-то, но его действия совершенно не сходятся с его ответами, мы решительно склонны называть его заявления неискренними или как минимум порожденными самообманом и утверждать, что этот человек *на самом деле* не верит в то, во что он, по его словам, верит. Если, с другой стороны, расхождение гораздо менее тотальное, тогда мы просто называем агента «непоследовательным». При этом мы демонстрируем, что связь между верованием и действием носит логический, а не случайный характер. Когда юмианцы задают риторический вопрос о том, каким образом действие может быть логически связано с верованием, так как верование может логически соотноситься лишь с другим верованием, они в определенном отношении правы. Поскольку действия выражают верования, поскольку действия являются проводником наших верований, их можно описывать как последовательные и непоследовательные по отношению к верованиям, выражаемым в словах. Действия, как и высказывания, относятся к области утверждений, понятий и верований, и связь между верованием и действием является не внешней и случайной, а внутренней и концептуальной.

В свете вышесказанного становится понятен аристотелевский взгляд на действие как заключение в практическом силлогизме. В аристотелевском учении о практическом силлогизме большая посылка представляет собой утверждение о том, что нечто является благом, полезно или приносит удовлетворение кому-либо (например, «Всякому человеку полезно сухое» — единственное достоинство этого примера заключается в том, что он принадлежит самому Аристотелю⁶), меньшая посылка представляет собой утверждение, подтверждаемое восприятием (например, «Вот сухая пища»), а заключением является действие (например, говорящий съедает ее). Таким образом, действие следует из посылок точно так же, как суждение следует из посылок в теоретическом силлогизме. Мы можем показать силу фразы «следует из» в последнем предложении, рассмотрев пример, близкий к теоретическому силлогизму, — случай, когда говорящий вроде бы принимает посылки правильного силлогизма, но при

---

6. См.: *Аристотель*. (1983). *Никомахова этика* / пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. С. 195. — *Прим. перев.*

этом противится заключению. Он признаёт, что тёплый фронт приносит дождь, а также что тёплый фронт приближается, но отказывается говорить «Поэтому будет дождь». В этом случае есть только две возможности. *Либо* говорящий думает, что к аргументу следует добавить ещё одну посылку, *либо* он не понимает, с чем он согласился. Если последнее исключается, тогда мы можем сделать вывод о том, какие дополнительные верования есть у говорящего (например, он полагает, что на движение тёплого фронта вполне может оказать влияние какой-либо другой релевантный метеорологический фактор). Точно так же, когда говорящий соглашается с посылками и не действует согласно им, мы можем делать выводы о его добавочных верованиях. Сказав, что сухое полезно человеку и что вот сухая пища, говорящий не съедает ее. «Значит, ты на диете, или ты думаешь, что кто-то отравил эту еду, или ты только что поел». Мы *либо* делаем такой вывод, *либо* опять же должны приписать говорящему непонимание того, с чем он согласился. В обоих случаях, если субъект настаивает на том, что он просто признает посылки и отрицает заключение, он оказывается выше нашего разума: мы буквально не знаем в одном случае, что он говорит, а в другом — что он делает.

Важно отметить, что ни в одном из своих предыдущих аргументов я не пытался каким бы то ни было образом отождествлять верования и действия. Следовательно, не существует обязательного родства между моей позицией и, например, бихевиористским анализом веры в гипотетические и категориальные утверждения по поводу действия. Я бы, несомненно, сказал, что для того чтобы высказывание «*x* верит, что *p*» было истинным, необходимо, чтобы было истинным, что *x* *либо* поступает, *либо* поступил бы определенным образом. Но это совсем не то же самое, что утверждать, будто высказывание «*x* верит, что *p*» *означает*, что *x* поступает *либо* поступил бы таким образом. Абсолютно необходимо придерживаться той точки зрения, что верования и действия нетождественны и что первые нельзя свести к последним, поскольку к действиям можно применить множество предикатов, которые нельзя применить к верованиям, и наоборот. Верования могут быть истинными или ложными, правдоподобными или неправдоподобными и т. д., а действия — нет. Действия могут быть эффективными или неэффективными, поспешными или медлительными и т. д., а верования — нет. Остается ещё набор предикатов, которые логически допустимо применять и к тем, и к другим. К ним относятся «разумный» и «неразумный», «сумбурный» и «связный» и т. д. Теперь мы видим один из аспектов ошибки, которую делает Юм, полагая, что действие можно назвать разумным или неразумным только в том случае, когда оно хорошо или плохо подходит для достижения избранной цели: оно так же — что ещё важнее — может быть неразумным в контексте верований агента. Но какова релевантность всего этого для социологии?

До сих пор мой аргумент состоял в том, что такие разные социологи, как Энгельс, Парето и Вебер, неизбежно ошибались в своих представлениях о роли идей в социальной жизни и их связи с действиями. Сколь бы усердны они ни были в предъявлении фактов, они неправильно понимали логический характер собираемых ими данных. Если мы вновь рассмотрим в свете сказанного как один из важных примеров

то, что Вебер говорит о связи протестантизма с капитализмом, мы лучше поймем последствия данного логического недопонимания. Описывая указанную связь, Вебер допускает одну или две дополнительных логических неясности. (Поскольку я критикую Вебера, следует сказать, что я выбрал данную работу в качестве примера исключительно в силу ее классичности и непреходящей гениальности.) Например, он каузально связывает с протестантизмом то, что он называет «духом капитализма», — понятие, с помощью которого капиталистические установки противопоставляются капиталистическим формам деятельности. Конечно, на самом деле установка может быть выявлена только через формы действия, в которых она манифестируется. Установка — это именно предрасположенность к тому, чтобы делать определенные вещи, возможно, в определенном стиле. Поэтому говорить о «духе капитализма» и его причинах — значит говорить о причинах ряда форм деятельности, рассмотренных определенным образом, и ни о чем более. Кроме того, не всегда понятно веберовское противопоставление «логического» и «психологического» влияния определенных доктрин. Об этом свидетельствует приводимый им пример учения о «добрых делах» в протестантизме.

Для первых кальвинистов вечная жизнь предопределена Богом, и человек не в силах ничего изменить. Кроме того, не существует внешних признаков, показывающих, кто предопределен к раю, а кто — к аду. Однако психологический гнет желания узнать нечто столь важное был слишком силен среди кальвинистов, и благодаря Беза они узнали, что знаками избранности являются «добрые дела». Таким образом, со временем совершение добрых дел и избранность к спасению стали одним и тем же в рамках учения, которое первоначально разделяло их. Вебер описывает это так, как если бы психологическое давление потребности узнать, буду ли я спасен, нарушило логическую последовательность кальвинизма. Но на самом деле кальвинизм и сам Кальвин всегда вынуждены были считаться с призывами к добрым делам, содержащимися в Библии. Кальвин придерживался следующих пропозиций: 1) Бог требует добрых дел; 2) важнее всего — делать то, что требует Бог; 3) добрые дела не связаны с тем, что кажется тебе самым важным: твоим спасением или вечными муками. Изменение одной из этих пропозиций является логическим требованием, а не следствием психологического давления; альтернативой является противоречие. Более того, пока не будет изменена третья пропозиция, проповедование и законотворчество в области морали — две главные кальвинистские формы деятельности, которые тоже рационально обосновываются данным учением, — невозможны. Поэтому переход от Кальвина к Беза — это такая же смена способа рассуждения, как, скажем, переход от Декарта к Спинозе, и разговоры о психологическом давлении могут лишь ввести в заблуждение. Особенно опасно в них то, что они заставляют недооценивать тот аспект, который хочет акцентировать Вебер на данном этапе, — силу идей, т. е. рациональности.

Связь между протестантизмом и капитализмом, которую он пытается вскрыть, рациональна. Вебер фактически преподносит нам капиталистические действия в качестве заключения практического силлогизма, содержащего протестантские послышки. Выделение этой логической связи между верованием и действием было огромным

достижением. Но именно поэтому применение методов Милля совершенно неуместно; нам не нужно жонглировать каузальными альтернативами. Индия и Китай не усиливали и не могли ослабить его высказывания по поводу Европы, поскольку вопрос не в том, имеется ли чисто случайная связь между поддающимися разделению феноменами. Постоянного соединения нет ни здесь, ни там. Возможно, это объясняет, почему, несмотря на желание Вебера изменить определенные детали в свете последующих работ, убеждение, лежащее в основе «Протестантской этики и духа капитализма», столь непосредственно. И последний вывод: данная интерпретация ни в коей мере не делает нерелевантными те статистические исследования корреляции между протестантскими верованиями и капиталистической практикой в Европе, которые проводились и до, и после. Если я объясняю ваши действия как заключение из ваших посылок, я должен быть способен идентифицировать как действие, так и посылки в качестве ваших. Статистические данные показывают, что достаточно большое число людей одновременно были протестантами и занимались соответствующими видами деятельности. Поэтому, согласно излагаемой здесь точке зрения, статистическое исследование играет (как играло всегда) важную роль в социологии. Однако статистические корреляции используются несколько иным образом, нежели в классической социологии. Точно так же остается релевантной задача сравнения европейских и азиатских путей развития, но ее релевантность — это не релевантность юмовской каузальной связи.

II

Если идеи не выступают по отношению к действиям юмовскими причинами или юмовскими результатами, то какова их роль? Некоторый свет на это можно пролить, если рассмотреть известное различие между физическим движением и человеческим действием. Это различие станет очевидно, если проанализировать критерии идентичности в каждом из двух случаев. Те же самые физические движения могут составлять в разных контекстах совершенно разные действия. Так, человек может совершать одинаковые физические движения, заключающиеся в написании его имени, и при этом подписывать договор или оплачивать счет, т. е. совершать различные действия. Но разве человек не совершает в каждом случае одно и то же действие, а именно пишет свое имя? Ответ состоит в том, что само по себе написание собственного имени никогда не является действием; мы имеем дело либо с подписанием документа, либо с предоставлением информации, либо, возможно, с бездумным рисованием. Всё это действия, а написание своего имени — нет. В равной мере совершенно разные физические движения могут составлять одно и то же действие. Оплата счета может заключаться в письме по бумаге, в передаче монеты, даже в произнесении слов.

Когда мы говорим об «объяснении человеческого поведения», мы порой игнорируем данное различие. Поскольку любое человеческое действие предполагает физическое движение, мы можем думать, что объяснять движение — значит объяснять действие. А это легко возвращает нас к представлению о том, что объяснять

действия — значит приписывать им юмовские причины, поскольку мы ищем юмовские причины физического движения. При этом не замечается, что если мы, когда нас просят объяснить свое поведение, соотносим его с предшествующим условием юмовского типа, мы исключаем это поведение из класса действий и относим к какому-то другому классу, вероятнее всего, к классу физических движений. Моя голова кивает и меня спрашивают: «Почему ты кивнул?» Если я в качестве ответа ссылаюсь на нервный тик, то я прибегаю к истории о необходимых и достаточных предшествующих условиях, истории о нервах и мускулах и, возможно, об определяющих событиях раннего детства. Такое объяснение будет, несомненно, носить юмовский характер, отсылая к общим законам, т. е. к постоянно соединяющимся факторам. Но объяснять кивок нервным тиком — значит объяснять его не как то, что я делаю, а как то, что просто случается. Если, с другой стороны, я объясняю кивок тем, что мне задали вопрос и я отвечал на него «Да», тогда я, безусловно, объясняю кивок как действие. Я указываю на цель, которой он служит. Это отсылка к цели агента всегда имплицитно и зачастую эксплицитно предполагает отсылку к некому предшествующему событию или условию. Но связь между действием и тем, что предшествует ему, определенно не заключается в постоянном соединении. Если я объясняю свой кивок ответом на предшествующий вопрос, я явно не отсылаю к некому обобщению, фиксирующему постоянное соединение между вопросами и ответами. Из факта задавания вопроса никогда не следует, что на него будет дан конкретный ответ или какой бы то ни было ответ вообще. Отсылка к предшествующим вопросам становится частью объяснения поведения тогда, когда объясняется роль кивка в социально закреплённой и узнаваемой практике — практике задавания вопросов и ответа на них. Иными словами, фон моего объяснения составляют общепринятые правила конкретного социального порядка.

Здесь я выдвинул более сильный тезис, нежели тот, что содержится в первой части статьи. В ней я доказывал, что юмовское представление о каузальности неприменимо к связи между верованиями и действиями. Теперь я показал, что оно так же неприменимо к связи между предшествующими и последующими действиями агента. Что еще вытекает отсюда в отношении связи действий и верований? Рассмотрим случай, когда я сам себя озадачиваю. Почему я киваю головой или двигаю рукой? Если меня озадачивает физическое движение, то я могу избавиться от своего недоумения, прочитав книгу по неврологии или сделав нечто в этом духе. Требуется знание общих законов, и агент может объяснить свои движения точно таким же образом, как и любой другой — прояснив для себя их физиологию. Но если я озадачен не физическим движением, а действием, тогда все не так. Никто не может снять мое недоумение, отослав к общим законам. И в некотором смысле никто не может снять мое недоумение, кроме меня самого. Но важно понимать, в каком смысле это так.

Привилегированность позиции, занимаемой агентом в отношении объяснения собственных действий, состоит не в том, что агент может объяснить свое действие лучше, чем кто-либо еще. Часто мы можем видеть, к чему стремится человек, лучше него самого и соответственно объяснять его действия. Некоторые люди отличаются

неспособностью замечать свою влюбленность, ревность или амбиции. Тем не менее если то, что делает агент, вообще может считаться действием, то его действие по существу идентифицируется как таковое посредством описания, которому оно, на его взгляд, соответствует. В чем важность предлагаемого агентом описания собственных действий? Сформулируем последовательно три пункта, каждый из которых шире предыдущего.

Во-первых, чтобы действие было действием, оно должно соответствовать некоторому описанию, которое социально узнаваемо в качестве описания действия. Это тавтология. Включение в его формулировку фразы «социально узнаваемо» обусловлено тем, что я не могу решить сам, что является или не является действием или целью. Я могу изобрести новое действие, но при этом должна существовать возможность сообщить о том, что я делаю, другим людям. Причина проста: я смогу выполнить условия придания своим поступкам осмысленности в собственных глазах, только если я могу выполнить условия придания своим поступкам осмысленности в глазах других, поскольку осмысленность действия заключается в его соответствии описанию, которое присваивает (почти всегда имплицитно) этому действию определенную цель. Описания — это общественная собственность, подобно тому (и в силу того) как общественной собственностью является язык. Отсюда, среди прочего, следует, что для того чтобы действие было *моим* действием, описание, которому оно соответствует, должно быть мне доступно. Что бы я ни делал, я должен быть способен делать это намеренно, а делать намеренно я могу только то, что я могу описать самому себе еще до совершения действия. (Разумеется, я не имею в виду, что в действительности намерения всегда формулируются до действия.) Действие, вытекающее из заранее сформулированного намерения, заключается в том, что я побуждаю мир отвечать на мое описание его.

Следовательно, *любое* действие должно соответствовать некоторому описанию, а *мои* действия — соответствовать описанию, доступному мне. К этим двум пунктам следует добавить третий. Я уже отмечал, что другие могут опознавать то, что я делаю, и подбирать подходящее описание лучше, чем я. Но искренние заявления агента все равно обладают конечным авторитетом. То, что он не может провозгласить своей целью ни при каких условиях, не может быть его целью. Это лишь тривиальное развитие фразы «его цель». (Психоанализ, кстати говоря, бесконечно расширил наше представление об условиях, при которых подобные заявления могут иметь место.)

Следовательно, тезис состоит в том, что агент может делать только то, что он способен описать. Я могу показать силу этого тезиса, проиллюстрировав его применение. Бесспорно, применимость данного тезиса наиболее очевидна в случае того, что мы могли бы назвать «сознательным» действием, и в меньшей степени — в случае «бессознательного действия». Поэтому рассмотрим последний случай. Изнуренный программист начинает ходить во сне в компьютерной лаборатории. Не просыпаясь, он пробивает отверстия в перфоленте, переходя к следующему этапу в создании той программы, над которой он сейчас работает. Описывая это, мы безо всяких колебаний скажем, что он программировал во сне. Но вот в лабораторию залез бродяга,

которые заснул и во сне пробил отверстия в ленте. Он вообще не знает, что такое компьютер. Даже если отверстия на его ленте расположены в правильной и общепринятой последовательности, мы никогда не скажем, что он программировал во сне. Мы скажем лишь, что во сне он пробил перфоленту и так вышло, что получившийся рисунок соответствует определенной части программы. Разница между нашими высказываниями в этих двух случаях объясняется тем, что описания «программировать» и «работать над конкретной программой» доступны специалисту по вычислениям, но не бродяге. Следовательно, наше понятие действия ограничено в этом пункте именно так, как я указывал выше. Рассмотрим теперь следующий контрпример.

Агент может делать только то, что он может описать. Но дети часто могут делать то, что они еще не способны описать. В частности, ребенок, который научится говорить лишь позже, может осуществлять многие сложные виды деятельности, будучи неспособным предоставить их описание. Этот пример определенно требует модификации аргумента. Дело в том, что ребенок может овладеть подобного рода действиями только в той мере, в какой они доступны (или, во всяком случае, понятны) окружающим его взрослым. Действия ребенка считаются действиями потому, что мы можем идентифицировать их как таковые с точки зрения *наших* описаний. То же самое относится к действиям глухонемых. Поэтому данный пример позволяет указать на принципиальный момент. Пределы того, что я делаю, определяются пределами *доступных* мне описаний, а не тех описаний, которыми я располагаю в отдельный момент времени. А доступные мне описания — это описания, принятые в группе, к которой я принадлежу.

Такой концептуальный анализ, очевидно, крайне важен для социологии. Если пределы действия — это пределы описания, тогда анализировать идеи, распространенные в обществе, — значит так же выявлять пределы, в которых неизбежно протекает действие в этом обществе. Теория идеологии — это не очередная концепция на службе у социолога, а элемент его основополагающего интереса к обществу как таковому. Выявлять пределы социального действия в данный период — значит выявлять запас описаний, используемый в данную эпоху. «Знакомство с историей, — пишет Стюарт Хэмпшир, — научило меня тому, что приписывать хорошо известные сегодня намерения людям, жившим в предыдущие века, значило бы вкладывать им в уста и мысли слова, которые там, скорее всего, не появились бы»⁷.

Роль описаний в действии и вытекающее отсюда место понимания описаний в объяснении действия, разумеется, гораздо более сложны, чем это показано в предыдущих аргументах. Я писал так, как будто некоторый запас описаний доступен или недоступен в конкретный момент времени данной социальной группе. Однако на самом деле эти описания являются компонентами верований, рассуждений и проектов, и по мере того как последние непрерывно критикуются, модифицируются, отвергаются или совершенствуются, запас описаний меняется. Следовательно, изменения в человеческом действии неразрывно связаны с нитью рациональной критики в чело-

---

7. Hampshire S. (1960). Thought and action. N. Y.: Viking Press. P. 214. — Прим. перев.

веческой истории. Дальнейшее развитие этой мысли требует рассмотрения совершенно иного аспекта человеческого действия.

Любое действие могло бы быть другим; агент всегда имеет альтернативы. Когда человек имеет непреодолимые причины делать одно и не делать другое (например, под дулом пистолета), мы часто описываем его как человека, не имеющего альтернатив. Но если любая альтернатива исключена, так что никакого выбора не остается, происходящее больше не является действием. В этом случае хорошо видна ошибочность объяснений в стиле Юма. Суть объяснения, основанного на понятии постоянного соединения, заключается в том, что в свете предшествующих условий последующие события не могли быть иными. Альтернатив не существует. Но поскольку человеческие действия всегда имеют альтернативы, вся концепция действия в схеме Юма может быть фальсифицирована. (Я прекрасно осознаю, что обхожу стороной целый кластер проблем, связанных с традиционным спором о свободе воли и детерминизме. Это сделано намеренно.)

Таким образом, из разных линий аргументации вытекает, что искать то, что предшествует действию, — значит искать не инвариантную каузальную связь, а доступные альтернативы и спрашивать, почему агент актуализировал одну из них. Иногда объяснение будет отсылать к предрасположенностям агента, иногда — к его выбору. Но поскольку у людей ключевую роль в формировании предрасположенностей играет осуществление выбора, предмет моего внимания будет именно он. Объяснение выбора между альтернативами заключается в прояснении того, каков был критерий агента и почему он использовал именно данный критерий, а не какой-то другой, а также в объяснении того, почему использование этого критерия кажется рациональным тем, кто его применяет. Иными словами, внутренняя связь верований с действием такова, что при объяснении правил и конвенций, которым подчиняется действие в данном социальном порядке, мы не можем опустить указание на рациональность или нерациональность этих правил и конвенций.

Объяснять действия — значит объяснять выбор, а объяснять выбор — значит демонстрировать, почему некоторые критерии определяют рациональное поведение для данного общества. К этому мы должны здесь добавить, что объяснение того, почему определенные критерии считаются рациональными в некоторых обществах, начинается с того, что они *являются* рациональными. И поскольку это должно быть частью нашего объяснения, мы не можем объяснять социальное поведение в отрыве от наших собственных норм рациональности. Но давайте взглянем на эту проблему с другой стороны.

Предположим, группа марсианских социологов наблюдает за человеческим поведением. То, что они видят, мы назвали бы игрой в шахматы, но, к сожалению, у них нет понятия игры. На Марсе нет игр. В силу этого они не замечают, что поведение игроков подчиняется правилам, хотя они приходят к множеству статистических обобщений относительно перемещения небольших кусочков дерева человеческими существами. Что именно они не понимают, когда они не способны понять эти перемещения в качестве игры в шахматы?

Во-первых, они, конечно же, не способны отнестись к действиям игроков как чему-то отличному от их физических движений. Дело не в том, что они неправильно *объясняют* то, что делается; скорее, они не способны *идентифицировать* действия, которые требуют объяснения. Во-вторых, дело не только в том, что они не могут объяснить подчиняющиеся правилам действия игроков; они не способны так же заметить случаи нарушения правил или неправильного расчета, основанного на ошибочном представлении о правилах. Предположим, группа шахматистов, оказавшись в ситуации, когда на доске остались король с одной стороны и король и пешка с другой, продолжает играть бесконечно, веря в то, что бесконечно избегать мата невозможно. Чтобы объяснить данное поведение, мы должны объяснить, почему они верят в это, и такое объяснение должно начинаться с идентификации их веры как одновременно ложной и поддающейся обнаружению в свете их знания правил шахмат. Если бы их вера не была ложной, тогда в данном конкретном случае нечего было бы объяснять. Однако нам все равно есть что объяснять, а именно, каким образом они выучили (а не выучили неправильно) правила шахмат.

Аналогия с социальной системой очевидна. Чтобы объяснить действия в рамках этой системы, мы должны идентифицировать правила и их связь с разумными или неразумными, истинными или ложными верованиями. Следовательно, мы не можем объяснять действия с помощью верований, не затрагивая вопросы об истинности или ложности, разумности или неразумности. Объяснение того, почему кто-то сделал что-то, будет совершенно разным, если верования агента истинны и если они ложны, так как совершенно разным будет предмет объяснения. Поэтому в любом обществе мы будем способны идентифицировать происходящее, только если мы идентифицировали и оценили принятые в этом обществе методы рассуждения и критики. А это приводит нас к глубочайшему конфликту с любой школой социологической мысли, которая утверждает, что социологи либо не должны, либо не могут рассматривать вопросы истинности или разумности верований.

Что данный подход к социальной теории упускает такого, что я хочу включить в нее? Не только рациональность социальной жизни, но и напряженные отношения между ней и другими факторами.

Выше я защищал тезис о том, что пределы действия есть пределы описания, что выделение общественных понятий является тем самым одним из (если не единственным) ключевых шагов для анализа общественной жизни. Я также показал, что запас описаний и верований в обществе меняется и развивается. В свете этих аргументов мы можем предложить классификацию обществ, напоминающую классификации Бергсона и Поппера, но отличающуюся от них. Бергсон и Поппер, каждый по-своему, противопоставляют «открытые» и «закрытые» общества. Я предлагаю трехчленную классификацию, включающую закрытые, открытые и общества, которые были открытыми, но вновь стали закрытыми. Все первобытные общества, в особенности изолированные, стремятся к закрытости. У них есть свои понятия и свои верования; они вращаются в замкнутом концептуальном кругу. (Пример — колдовство азанде.) Большинство позднейших обществ открыты; у них есть устоявшиеся модусы крити-

ки. Но во многих обществах предпринимается согласованная попытка ограничить доступный запас понятий и верований и в определенной мере вернуться к замкнутому кругу. Эта попытка всегда носит самопротиворечивый характер, поскольку знание о том, что круг должен быть закрыт, предполагает осознание того, что на самом деле он открыт. Такое осознанное возвращение предполагает тем самым попытку ответить на рациональную критику нерациональными методами.

Отсюда следует, что анализ идеологии должен всегда включать три части: мы должны выявить, какие идеи и верования составляют ее; мы должны выявить, какие пределы они устанавливают для действия; и мы должны изучить, каковы последующие средства, с помощью которых она либо оставляет открытой возможность рациональной критики, либо пытается помешать любой критике, которая не попадает в заданные концептуальные рамки. Мы сможем сделать это, только если исследуем, что происходит в тех точках, где идеология больше всего нуждается в критике, т. е. там, где она оказывается ложной или неразумной. При этом нам опять-таки нужно дать социологическое объяснение своим собственным нормам рациональности. Что это значит, я сейчас проиллюстрирую с помощью одного широко известного примера.

III

В период с 1935 по 1938 год в России случились четыре вещи. Закончилась вторая пятилетка и началась третья. Была принята сталинская конституция, «самая демократическая в мире» (ее писали в основном Бухарин и Радек). Все члены ленинского Политбюро, за исключением Троцкого, который находился в изгнании, и самого Сталина, но включая Радека и Бухарина, были признаны виновными в заговоре с целью убийства Сталина и восстановления капитализма и в ряде других преступлений, в том числе — в убийстве Максима Горького. И Сталин лично написал философский труд «О диалектическом и историческом материализме», который был опубликован в качестве первого параграфа главы IV «Истории ВКП(б)»⁸. Я хочу попытаться объяснить в свете предыдущих аргументов связь последнего факта с первыми тремя. Начать стоит с вопроса о том, почему Сталин вообще решил написать книгу по философии.

Ответ Дойчера состоит в том, что это был элемент публичного образа. «В качестве инициатора судебных процессов он был незаметен публике — он представал перед ней в образе философа, историка и творца конституции»⁹. Но мы должны спросить, почему этот публичный образ был необходим. Сталин никогда не был выдающимся теоретиком. Ответ заключается в том, что Сталину было нужно утвердить нормативный и ортодоксальный характер определенных идей и одновременно объяснить, почему можно игнорировать альтернативные взгляды. В этом Сталин походил на всех современных идеологов. Любая теория роли теории в обществе, если она хочет быть убедительной, обязана содержать описание не только самой себя, но и соперничаю-

8. Ошибка автора. Работа Сталина составляет второй параграф главы IV. — *Прим. перев.*

9. *Deutscher I.* (1960). *Stalin: a political biography*. N.Y.: Vintage Books. P. 382. — *Прим. перев.*

щих теорий. Кроме того, социальные теории обладают еще одной характеристикой, которая пока не упоминалась в приводимых аргументах, но теперь должна быть раскрыта. Эта характеристика принципиально отличает роль теории в гуманитарных науках от роли теории в науках естественных.

Способ мышления людей о вещах (т. е. естественная наука — к «вещам» относятся и человеческие тела) соответствует природе самих вещей либо не зависит от нее; способ мышления людей о других людях является частью той реальности, о которой они пытаются думать соответствующим образом. Понятия, которые мы используем для постижения того, что мы есть, становятся частью того, что мы есть, или, скорее, частью нас становится то, что мы используем их подобным образом. Следовательно, в социальной теории мы используем понятия для понимания людей, которые определяют себя посредством своих способов использования понятий, в некоторых случаях — тех же самых понятий, с помощью которых мы пытаемся понимать их. Поэтому построить теорию и популяризировать ее — значит предоставить людям новые средства самоосмысления; распространение теории вполне может изменить поведение, которое теория пытается описывать. Отсюда вытекает тот часто отмечавшийся факт, что социальные теории, в отличие от теорий в физике, могут влиять на свою верификацию и фальсификацию. Как это связано со Сталиным?

Связь самая непосредственная, если роль теории заключается в усилении и выражении определенной формы поведения, поскольку затем осуществление этого типа поведения усиливает теорию. Система становится самодостаточной. Мой аргумент будет состоять в том, что сталинистское мышление в России пыталось стать закрытой системой за счет доминирования определенных форм поведения, которые очерчиваются понятиями, используемыми в книге Сталина. Каковы эти понятия? Чтобы понять специфику сталинизма, мы должны рассмотреть книгу в том контексте, в который ее помещали как автор, так и его читатели, — в контексте марксистской классики. Что в «Диалектическом и историческом материализме» не является простым повторением?

Во-первых, из формул классического марксизма (которые далеко не всегда согласуются между собой) Сталин последовательно выбирает те, которые позволяют ему вернуться к простому механистическому материализму, в той его форме, в которой его всегда избегал Маркс и даже иногда осуждал Энгельс. Поэтому Сталин говорит нам, «что мир развивается по законам движения материи», «что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно» и, следовательно, «что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей»¹⁰. Это дает нам общее представление о социальной жизни как серии каузальных цепочек, источник которых находится вне человеческой жизни в физической вселенной. К этим цепочкам идеально подходит юмовская модель анализа, которая применима не только к связи между одним действием и другим, но и к связи между идеями и действиями.

---

10. Сталин И. В. (1997). О диалектическом и историческом материализме // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель. С. 260, 264. — Прим. перев.

Идеи есть следствия и они же есть причины. Как причины они второстепенны. Они не могут вызвать или прервать изменение; они могут только усилить или ослабить уже идущий процесс. «Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед...»¹¹.

Таким образом, первый основной вклад Сталина состоит в грубом формулировании той точки зрения, которую я попытался опровергнуть в предыдущих разделах статьи. Здесь более чем уместно отметить, что ложность высказываемых Сталиным идей уже была известна в самой марксистской традиции. Можно сослаться не только на Гегеля и Марксовы «Тезисы о Фейербахе», но и на борьбу с механистическим материализмом, которую развернули в двадцатые годы в Советском Союзе сторонники Деборина. Этот философский спор не был связан ни с каким политическим расколом. Философы, придерживавшиеся обеих точек зрения, были как среди левой, так и среди правой оппозиции. Когда Сталин пришел к власти, он прекратил этот философский спор примерно тем же способом, каким папа прекратил дискуссии о свободе воли между доминиканцами и иезуитами. Последующее повторное изложение им своих взглядов сопровождалось канонизацией книги, которая редко (или вообще никогда) упоминалась в предыдущих дискуссиях, — ленинского «Материализма и эмпириокритицизма». В этой книге Ленин излагает механистическую теорию знания, от которой он отказался позже в «Философских тетрадах» после чтения Гегеля.

Вторая специфическая черта сталинской философии — молчаливый отказ при формулировании так называемых законов диалектики от принципа, важного как для Гегеля, так и для Энгельса, — принципа отрицания отрицания. Этот принцип крайне важен для любой формы гегельянства, поскольку он выражает не-конечность всякой понятийной схемы или положения дел. В сочинениях Гегеля присутствует напряжение между концепцией отрицания отрицания и понятием Абсолюта, так как первое мешает идентифицировать какое-либо положение дел или концептуальную схему в качестве реализации Абсолютного Духа в конкретных терминах. Поэтому, когда Гегель более-менее открыто отождествляет прусскую монархию в социальном плане и свою собственную философию в концептуальном с Абсолютом в его земном воплощении, он неизбежно отодвигает на задний план принцип отрицания отрицания. Это значит, что данный принцип препятствует конечности и абсолютизации какого-либо положения дел или концептуальной схемы в качестве конечной. Поэтому молчаливо полностью удалить его, как это делает Сталин, — значит открыть дорогу Абсолюту.

Тезис, который я хочу выдвинуть, состоит в том, что сталинизм представляет собой концептуальную схему, которая объявляет себя конечной и абсолютной истиной, и делает это с целью реализации одной части большевистской программы за счет другой. Маркс считал буржуазную демократию недопустимой, поскольку верил, что нельзя распределять политическую власть, пока так же не распределена власть

11. Там же. С. 265. — *Прим. перев.*

экономическая. Буржуазное общество не способно распределить экономическую власть, потому что это индустриализирующееся общество, а индустриализирующееся общество — это общество, в котором небольшая кучка людей распоряжается капиталом и трудом по своему усмотрению. Отсюда следует, что индустриализирующееся общество не может быть демократическим. Поскольку Маркс всегда считал социализм лишь наиболее радикальной формой демократии, он был осуществим для него лишь в рамках уже полностью индустриализированной экономики. Когда большевики захватили власть, они унаследовали Марксовы представления о демократии (пример — работа «Государство и революция»). Но они столкнулись также с задачей индустриализации. Это противоречие раскололо их теорию. Они *либо* признают объективную невозможность социализма (как это вскоре сделал Ленин в форме НЭПа), *либо* пытаются найти новый способ преодолеть эти трудности, сохранив возможность демократии в будущем за счет внутрипартийной демократии (приблизительно такой выход предлагал Троцкий в конце двадцатых годов), *либо* соглашаются на индустриализацию и называют ее демократией (как сделал Сталин).

Именно использование механистических понятий позволило Сталину соответствующим образом исказить сознание. Механистические понятия крайне привлекательны в индустриальном обществе. Индустриальный управленец знает, что машина способна делать все то же, на что способен человек. Иными словами, любые мыслимые задачи, решаемые человеком, можно свести к рутинным движениям, которые способна выполнять машина. В слове «мыслимые» кроется ловушка, но ее можно легко проигнорировать и поразить воображение количеством действий, которые сведены к рутинным последовательностям физических движений. Кроме того, образ механизма превосходно выражает неизбежную иерархию процесса индустриализации. Маркс прекрасно понимал, что механистический материализм предполагает разделение на тех, кто подвергается каузальному манипулированию, и тех, кто тем или иным образом способен осуществлять манипулирование. Обсуждая Роберта Оуэна в третьем тезисе о Фейербахе, Маркс говорил, что «материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом...»¹². Маркс понимает, что механистические понятия связаны с объяснением любого изменения как воздействия одних людей на других, приведения их к желаемому состоянию. То, что человек кажется самому себе реформатором, не важно. Я могу изменить ваши взгляды, либо вступив с вами в спор, либо сделав вам инъекцию. В первом случае я обращаюсь к безличным канонам рациональности, и отношения между нами могут быть проанализированы только исходя из общепринятых процедур следования правилам. Понятие демократии целиком связано с понятием рационального спора, а демократическая идея ра-

---

12. Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 2. — Прим. перев.

венства может отчасти объясняться тем фактом, что рациональный спор апеллирует к критериям, которые ведут к вердикту, не зависящему от людей. Если, однако, я меняю ваши взгляды с помощью инъекции или любой другой каузальной манипуляции, я разрушаю это равенство, поскольку я рассматриваю вас в качестве манипулируемого, а себя — в качестве манипулирующего.

Таким образом, в противоречии между демократией и индустриализацией, с которым столкнулись большевики, механистические понятия могли сыграть важную роль, создав такой образ человеческих отношений, в котором демократическому равенству больше нет места. Термин «демократия» был отпущен в свободное плавание, что позволяло использовать его для оправдания каких угодно целей. Но помехой для его переопределения были старые большевики, которые в своих теориях и практике были носителями альтернативной, более широкой концептуальной схемы (она кажется нам более широкой в свете наших собственных канонов рациональности), что не давало сознанию закрыться от несталинистских альтернатив. Отсюда террор. Террор — это способ замыкания круга и изгнания рациональности. Рациональный спор не способен защитить от альтернатив, поскольку по самой своей природе он оставляет открытой возможность предложения лучшего аргумента. Поэтому, чтобы превратить механистическое сознание в Абсолют, Сталин должен физически уничтожить любые следы альтернативы.

Эта попытка обречена на провал. «1984» невозможен. Но анализ того, почему он невозможен, поможет нам понять необходимость не только террора, но и судебных процессов, и не только судебных процессов, но и признаний. «1984» невозможен, потому что в современном индустриальном обществе рациональный дискурс неискореним. Чтобы контролировать аппарат, ограничивающий сознание, надо иметь агентов. Чтобы они знали, что они делают, они должны иметь более широкое сознание, чем то, которое позволено иметь остальным. Начинается фатальное вторжение рациональности. Но если «1984» невозможен, то пробел можно заполнить двумя способами. Ваша механистическая концептуальная схема провозглашает, что любые идеи есть результат чего-то другого, в частности — что они представляют собой зеркальное отражение чуждых классовых интересов. Поэтому утверждение такого рода каузальной связи между верованиями и действиями является центральным звеном сталинистской аргументации. Когда действия порождают идеи, сталинистские идеи отражают классовые интересы пролетариата, а несталинистские идеи отражают враждебные классовые интересы, тогда наличие у тебя несталинистских идей означает, что ты совершаешь несталинистские действия. Именно это заключение позволяет из несогласия с взглядами Сталина на коллективизацию сделать вывод об участии в заговоре с целью убийства Сталина. Со сталинистской точки зрения всё это рационально; сомнение возможно, только если покинуть замкнутый круг. Чтобы помешать этому, есть лишь один способ: заставить тех, у кого есть альтернативные представления, самим подтверждать замкнутость круга, признаваясь в том, что выводы сталинизма верны, а заключения — истинны. Отсюда признания. Релевантность «1984» здесь очевидна. Чтобы воплотить «1984», нужны агенты, но эти агенты как минимум не впечатлены

признаниями, поскольку они же их и выбили. Поэтому они сами становятся угрозой. С этой точки зрения не случайно, что Бухарину и Раковскому на скамье подсудимых составили компанию глава НКВД Ягода, а затем — глава НКВД Ежов.

Суть аргумента, таким образом, состоит в том, что сталинизм можно понять только как набор идей, которые выражают социальную дилемму большевиков, вынужденных выбирать между демократией и индустриализацией, и способ разрешения этой дилеммы, найденный Сталиным. Относительно этого аргумента следует сказать две вещи. Во-первых, он подчеркивает рациональность сталинистских действий, что вытекает из методологических доводов, изложенных в предыдущих разделах статьи. С данной точки зрения центральная проблема сталинизма заключается в том, чтобы представить в качестве рационального то, что явно иррационально, превратить открытое общество в закрытое. И во-вторых, это лишь отправная точка. Я не отрицаю роль других мотивов в сталинизме; я попытался *идентифицировать*, а не *объяснить*. Но если признать эту идентификацию, тогда мы должны будем избавиться от распространенного класса объяснений сталинизма. В этот класс входят все объяснения сталинизма, которые отводят вопросам теории второстепенную роль и рассматривают сталинизм как выражение, скажем, потребности в божественной фигуре, или романтического культа насилия среди интеллектуалов, или культа личности. Если методологическая часть данного очерка верна, тогда действия нельзя интерпретировать и идентифицировать в отрыве от верований, и верования представляют собой не предшествующую причину, а выражение сталинистского социального порядка и беспорядка. Маркс писал об исходе английской революции: «Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого Завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума»¹³. Это не значит, что Локк или Аввакум были простой надстройкой; если бы таково было рациональное одеяние социального порядка, мы были бы способны различить его форму только как то, что может носить подобный наряд. Мы должны понять английское общество *через* Аввакума и *через* Локка. Сказав это, мы можем смело спародировать Маркса: «Ленин и российский народ воспользовались для своей революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из марксизма-ленинизма. Когда же действительная цель была достигнута, когда индустриальное преобразование российского общества совершилось, Сталин вытеснил Маркса».

---

13. Маркс К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 120. — Прим. перев.

Conversation with Günter Gaus

Hannah Arendt

Grigori Dashevsky
(translator)

Book Reviewer, Publishing House "Kommersant"
4 Vrubelya Str., Moscow, Russian Federation 125080
Email: dashewsk@mtu-net.ru

Hannah Arendt was interviewed by Günter Gaus, a German journalist and politician, for the program "Zur Person" (the channel ZDF in Germany). Arendt speaks of the turning points in her biography, which were essential to her work. Arendt also tells about her attitude toward intellectuals, philosophers, politics, totalitarianism and democracy. She rejects her belonging to philosophers, as she considers herself as a political theorist and notes the general hostility philosophy used to have toward political issues. Arendt says about what her self-awareness of being Jewish. Important was what happened in Germany after Hitler came to power. It was not only the persecution of Jews, but also the willingness of intellectuals to connect to the new regime. It was Coordination Policy (Gleichschaltung) that permanently alienated Arendt from intellectuals willing to explain and support any regime. The next important set of issues linked with her move to the United States and the need to write in English that was so uncomfortable for a woman deeply rooted in German culture. Finally, the key experience that largely determined the intellectual development of Arendt was the knowledge of the extermination camps, especially Auschwitz. "There was something with which we all never could handle". Arendt and Gaus also address this specific relationships between individuals which Arendt calls love, and she wants to strictly separate this kind of relationships from the concept of the political. She also insists on the importance of publicity for the contemporary politics, which involves large groups of people.

Keywords: Hannah Arendt, political theory, Nazism, Jewishness, totalitarianism, thinking, democracy

Beyond “Pure Science” and Philosophic Contemplation

Ilya Matveev

Graduate Student, European University at St. Petersburg (EUSP)

3 Gagarinskaya Str., Saint-Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: matveev.ilya@yahoo.com

During the 20th century there have been many attempts to reconstitute political knowledge as objective, value-neutral empirical science. One of such attempts was the “behavioral revolution” in political science. However, apart from this tendency a different one can be traced: scholars strived to openly acknowledged political goals and values as a factor in their own work. In this case one can speak of “engaged knowledge”. Pierre Bourdieu, a representative of this tradition, spoke of the need to give up an image of the “scholar who locks himself up in his ivory tower” and stop the “flight into purity”. He urged scientists to bring their knowledge outside academia and join social movements. In the similar vein Michael Burawoy emphasized the necessity to make sociological knowledge available to the wider public. The article reveals the ways in which engaged knowledge distances itself from the image of political and social scholarship as “pure science” as well as from the approach of political philosophy with its emphasis on philosophic contemplation. This perspective opens up the way for the analysis of Max Weber’s ideas on the value neutrality of scientific knowledge, essential features of the “behavioral revolution” in political science, as well as Leo Strauss’ views on the nature of political philosophy. The article develops the ideas of feminist standpoint epistemology, which is contrasted with the scientist’s “gaze from nowhere” and philosopher’s “gaze from above”. Finally, the article gives account of the problematic relation between engaged knowledge and the Marxist tradition.

Keywords: scientism, objectivism, epistemology, political engagement, intellectuals, value-neutrality

References

- Althusser L. (2012) Preobrazovanie filosofii [The Transformation of Philosophy]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 5, pp. 73–96.
- Balibar E. (1994) *Masses, Classes, Ideas: Studies on Politics and Philosophy Before and After Marx*, London: Routledge.
- Bourdieu P. (2002) Za angazhirovannoe znanie [For an Engaged Knowledge]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 5, pp. 61–63.
- Burawoy M. (2008) Za publichnuju sociologiju [For Public Sociology]. *Social'naja politika v sovremennoj Rossii: reformy i povsednevnost'* [Social Policy in Contemporary Russia: Reforms and Everyday Life] (eds. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova), Moscow: Variant, CSPGI, pp. 8–51.
- Dahl R.A. (1961) The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest. *American Political Science Review*, vol. 55, no 4, pp. 763–772.
- Daston L., Galison P. (1992) The Image of Objectivity. *Representations*, no 40, pp. 81–128.
- Foucault M. (2002) *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Addresses, and Interviews], Moscow: Praksis.
- Gunnell J. G. (1986) *Between Philosophy and Politics: The Alienation of Political Theory*, Amherst: University of Massachusetts Press.

- Harding S. (1993) Rethinking Standpoint Epistemology: What Is «Strong Objectivity»? *Feminist Epistemologies* (ed. L. Alcoff), London: Routledge, pp. 49–82.
- Holdren N., Touza S. (2005) Introduction to Colectivo Situaciones. *Ephemera*, vol. 5, no 4, pp. 595–601.
- Jay M. (1986) *Marxism and Totality: The Adventures of a Concept from Lukacs to Habermas*, Berkeley: University of California Press.
- Kachanov Ju. (2000) *Nachalo sociologii* [The Principle of Sociology], Moscow, Saint-Petersburg: Institut jeksperimental'noj sociologii, Aletejja.
- Lecourt D. (1977) *Proletarian Science? The Case of Lysenko*, London: NLB.
- Lukacs G. (2003) *Istorija i klassovoe soznanie: issledovanija po marksistskoj dialektike* [History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics], Moscow: Logos-Al'tera.
- Lynd R.S. (1939) *Knowledge for What? The Place of Social Science in American Culture*, Princeton: Princeton University Press.
- Marx K. (1955) Tezisy o Fejlerbahe [Theses on Feuerbach]. *Sochinenija, tom 3* [Collected Works, vol. 3], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, pp. 1–4.
- Matveev I. (2012) Al'tjusser: politika teorij [Althusser: The Politics of Theory]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 5, pp. 55–72.
- Mauger G. (1999) Sociologičeskaja angazhirovannost' [Sociological Engagement]. *Pojetika i politika* [Poetics and Politics], Moscow, Saint-Petersburg: Institut jeksperimental'noj sociologii, Aletejja, pp. 292–324.
- Mills C.W. (2000) *The Sociological Imagination*, New York: Oxford University Press.
- Norton A. (2005) *Leo Strauss and the Politics of American Empire*, New Have: Yale University Press.
- Pavlov A. (2008) Pragmatičnye nasledniki političeskoj filosofii Leo Shtrausa [Pragmatic Heritors of Leo Strauss' Political Philosophy]. *Istorija filosofii* [History of Philosophy], vol. 13, Moscow: Institut filosofii RAN, pp. 98–109.
- Pavlov A. (2010) Grazhdanskaja vojna političeskoj teorij [The Civil War of Political Theory]. *Političeskaja konceptologija*, no 4, pp. 40–65.
- Proctor R. (1991) *Value-Free Science? Purity and Power in Modern Knowledge*, Cambridge: Harvard University Press.
- Showalter E. (1987) *The Female Malady: Women, Madness, and English Culture, 1830–1980*, New York: Penguin Books.
- Smith S. B. (2007) *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism*, Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L. (1988) *Persecution and the Art of Writing*, Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L. (2000) *Vvedenie v političeskuju filosofiju* [An Introduction to Political Philosophy], Moscow: Praksis.
- Strauss L. (2012) Presledovanie i iskusstvo pis'ma [Persecution and the Art of Writing]. *Sociologičeskoe obozrenie*, vol. 11, no 3, pp. 12–25.
- Weber M. (1990) Nauka kak prizvanie i professija [Science as a Vocation]. *Izbrannye proizvedenija* [Collected Works], Moscow: Progress, pp. 707–734.

Correspondence on Schmitt and the Political

Anatoliy Akhutin

Assistant Professor, Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation 125993

E-mail: filippovaf@gmail.com

Alexander Filippov

Professor of Sociology, National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: filippovaf@gmail.com

Discussion of the Carl Schmitt's concept of the political takes the form of a dialogue. Anatoly Akhutin, a philosopher, raises three questions in a letter to Alexander Filippov, a sociologist. These questions are: (1) On Sovereignty. Sovereign, according to Schmitt, is the one who can introduce a state of emergency. Does it mean that the state of emergency can be a way to the approval and support of dictatorial powers? (2) The concepts *Entschlossenheit* (resoluteness) in Heidegger's work and *Entscheidung* (decision) in Schmitt's writings are dangerous. The totalitarian bias is apparent here. (3) On speech and democracy. What is political being of humans? Are "friend", "enemy", "struggle" the proper concepts to understand and describe it? Alexander Filippov answers these questions. (1) Correct understanding of Schmitt's point of view is only possible if the distinction made in his book "Dictatorship" (1921) between the commissar and the sovereign dictatorships is taken into account. (2) Schmitt and Heidegger were strongly influenced by the German philosophical anthropology. That is why we should better take into consideration the lectures on the *Basic Concepts of Metaphysics* instead of *Being and Time*. One of the most important answers Heidegger has given to his opponents in these lectures concerning the concept "resoluteness" was that *Entschlossenheit* is not a property of individuals and does not belong to the nature of human existence. (3) At this point, there is no discrepancy between Akhutin and Filippov. Schmitt wrote mainly about the political opposition of one nation to another people and the internal politics in times of crisis.

Keywords: Carl Schmitt, political, war, Heidegger, democracy, dictatorship, polis, speech

Political Philosophy and Political Economy

Kamil Galeev

Undergraduate Student, National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kamilkazani@gmail.com

Review of *Translating Empire: Emulation and the Origins of Political Economy* by Sophus A. Reinert (Cambridge: Harvard University Press, 2011).

Herzen and Slavophiles

Andrey Teslya

Assistant Professor, Pacific National University
136 Tihookeanskaya Str., Khabarovsk, Russian Federation 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

The article discusses the relationships between Herzen and Slavophiles from the 1840s to the first half of the 1860s. The article highlights 3 period of relationships: (1) Moscow period (1842–1846), (2) the first phase of Herzen's emigrant life (1847–1855), (3) the period of Herzen's maximum influence on Russian public life and thought (1856–1862) and of decline (1863–1870). Special attention is paid to the influence of Slavophil views on Herzen in the 1850s, when Herzen worked upon the idea of so-called "Russian socialism". Herzen's first personal acquaintance to Slavophiles occurred at the spring of 1842. Personal contacts have corrected significantly his earlier views and evaluations developed on the basis of his assessments of "Westernizing" camp and quite limited acquaintance to Slavophil texts. Slavophil problems get a new impetus during the emigration period when Herzen, being a part of "European revolutionary emigration", vividly observes a connection between revolution and national movements. With the beginning of reign of Alexander II, there is a revival of social life and reformatory plans. On this basis occurs the maximum rapprochement of Herzen with Slavophiles, especially with the most liberal part of the movement (I.S. Aksakov, Y.F. Samarin). Break-up between Herzen and Slavophiles took place in 1863 due to the differences in positions concerning January revolt in Poland. The differences, however, refers to a drastically different original perspectives, only manifested themselves during the crisis.

Keywords: Herzen, Slavophilism, socialism, narodnichestvo, nation, nationalism

References

- Aksakov K. (1889) *Polnoe sobranie sochinenij. T. I: Sochinenija istoricheskie* [Complete Works, vol. 1: Historical Works], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Belinsky V. (1982) *Sochinenija. T. 9: Pis'ma* [Works, vol. 9: Letters], Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Borisenok I. (2001) *Mikhail Bakunin i "pol'skaja intriga": 1840-e gody* [Mikhail Bakunin and the "Polish Intrigue": The 1840s], Moscow: ROSSPEN.
- Derzhavin N. (1939) Herzen i slavjanofily [Herzen and Slavophiles]. *Istorič-marksist*, vol. 1, no 1, pp. 125–145.
- Dudzinskaja E. (1983) *Slavjanofily v obshhestvennoj bor'be* [Slavophiles in the Social Combat], Moscow: Mysl.
- Dudzinskaja E. (1983) Slavjanofily i Herzen nakanune reformy 1861 g. [Slavophiles and Herzen on the Eve of 1861 Reform]. *Voprosy istorii*, no 11, pp. 43–59.
- Eidelman N. (1999) *Svobodnoe slovo Herzena* [Herzen's Free Speech], Moscow: URSS.
- Emeljanov E., Teslia A. (2012) "Edinstvennyj golos, k kotoromu prislushivaetsja pravitel'stvo" ["The Only Voice That Government Gives Ear to"]. *Sociologičeskoe obozrenie*, vol. 11, no 3, pp. 45–59.
- Gershenson M. (2000) *Izbrannoe, T. 2: Molodaja Rossija* [Selected Works, vol. 2: Young Russia], Moscow, Jerusalem: Universitetskaja kniga, Gesharim.
- Gershenson M. (2000) *Izbrannoe, T. 3: Obrazy proshlogo* [Selected Works, vol. 3: Images of the Past], Moscow, Jerusalem: Universitetskaja kniga, Gesharim.

- Ginzburg L. (1973) *O psihologicheskoy proze* [On Psychological Prose], Leningrad: Hudozhestvennaja literatura.
- Herzen A. (1954–1965) *Sobranie sochinenij. V 30 t.* [Collected Works], Moscow: AS USSR.
- Herzen A., Ogarev N. (1955) *Literaturnoe nasledstvo. T. 62. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 62, Book 2], Moscow: AS of the USSR.
- Kavelin K. (1989) Avdot'ja Petrovna Elagina [Avdotia Petrovna Elagina]. *Russkoe obshchestvo 30-h godov XIX v. Ljudi i idei: memuary sovremennikov* [Russian Society in 1830s. Persons and Ideas: Contemporaries' Memoirs] (ed. I. Fedosova), Moscow: MGU.
- Khestanov R. (2001) *Alexander Herzen: improvizacija protiv doktriny* [Alexander Herzen: Improvisation contre Doctrine], Moscow: Dom intellektual'noj knigi.
- Khristoforov I. (2011) *Sud'ba reformy: russkoe krest'janstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of the Reform: Russian Peasants in Government's Policy before and after the Emancipation, 1830–1890s], Moscow: Sobranie.
- Kireevskiy I. (1911) *Polnoe sobranie sochinenij. T. II* [Complete Works, vol. 2], Moscow: Put'.
- Koshelev A. (2011) *Samoderzhavie i Zemskaja дума* [Autocracy and Zemsky Duma], Moscow: Institut russkoj civilizacii.
- Malia M. (2002) *Sovetskaja tragedija: istorija socializma v Rossii. 1917–1991* [The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991], Moscow: ROSSPEN.
- Malia M. (2010) *Alexander Herzen i proishozhdenie russkogo socializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855], Moscow: Territorija budushhego.
- Poroh I., Poroh V. (1989) A. Herzen i I. Aksakov na rubezhe 50–60-h godov XIX veka [Herzen and Aksakov at the Turn of 1850–60s]. *Revoljucionnaja situacija v Rossii v seredine XIX veka: dejateli i istoriki* [Revolutionary Situation in Russia in the Middle of 19th Century: Figures and Historians], Moscow: Nauka, pp. 85–102.
- Poroh V. (1971) Otnoshenie I.S. Aksakova k «krest'janskoj reforme» 1861 g. (po neopublikovannym pis'mam) [Aksakov's Attitude Toward "Peasant Reform" of 1861 (Based on Unpublished Letters)]. *Nekotorye voprosy otechestvennoj i vseobshhej istorii* [Some Questions of Russian and World History], Saratov: Saratov University, pp. 71–84.
- Presniakov A. (1991) Vospominanija E.M. Feoktistova i ih znachenie [Feoktistov's Memoirs and Their Significance]. Feoktistov E. *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896* [Behind the Curtain of Politics and Literature, 1848–1896], Moscow: Novosti, pp. 5–12.
- Ramishvili A. (1957). Herzen v bor'be so slavjanofil'stvom [Herzen at Struggle with Slavophilism]. *Trudy Tbilisskogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 11, pp. 309–337.
- Ramishvili A. (1957). Povest' Herzena «Soroka-vorovka» (K voprosu otnoshenija Herzena k slavjanofil'stvu) [Herzen's Story "The Thieving Magpie" (Toward a Question of Herzen's Attitude toward Slavophilism)]. *Trudy Tbilisskogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 12.
- Samarin I. (1911). *Sochinenija. T. XII: Pis'ma 1840–1853* [Works, vol. 12: Letters, 1840–1853], Moscow: Mamontov.
- Samarin I. (2012) Pis'mo I.F. Samarina A.I. Herzenu (ot 9 maja 1858 g.) [Letter of U.F. Samarin to A.I. Herzen (May 9, 1858)]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 3, pp. 60–74.
- Teslya A. (2012) Debaty o narodnosti [Nationality Debates]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 1, pp. 99–119.
- Teslya A. (2012) Zapreshhennaja 6-ja stat'ja I. S. Aksakova iz cikla "O vzaimnom otnoshenii naroda, obshchestva i gosudarstva" [The Censored Sixth Article by Ivan Aksakov from the Series "On the Mutual Relationship Between People, Society and State"]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 2, pp. 41–70.
- Tsimbaev N. (1978) *I.S. Aksakov v obshchestvennoj zhizni poreformennoj Rossii* [I.S. Aksakov

in the Public Life of Post-Reform Russia], Moscow: MGU.

Tsimbaev N. (1986) *Slavjanofil'stvo (iz istorii russskoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX veka)* [Slavophilism (From the History of Russian Socio-Political Thought of the 19th Century)], Moscow: MGU.

Shchukin V. (2007) *Rossijskij genij prosveshhenija* [Russian Genius of the Enlightenment], Moscow: ROSSPEN.

Zhelvakova I. (2010) *Herzen* [Herzen], Moscow: Molodaja gvardija.

Tikhomirov's Diary (December 1905)

Lev Tikhomirov

Alexander Repnikov
(editor)

Chief Specialist, Russian State Archive of Socio-Political History
15 Bolshaia Dmitrovka Str., Moscow, Russian Federation 125009
Email: repnikov@mail.ru

Lev Tikhomirov (1852–1923) was one of the active members of the narodnichestvo movement. From 1879 he was a member of the Executive Committee of “Narodnaya Volya” party. After the assassination of Alexander II by the members of “Narodnaya Volya” and defeat of the party, he went abroad, where, together with P. Lavrov, he edited the “Journal of Narodnaya Volya”. In 1888, in Paris, his pamphlet *Why I Ceased to Be a Revolutionary* was published, where he criticized the revolutionary path of development. In the meantime Tikhomirov send a petition to Alexander III, in which he expressed remorse for his previous activities and requested permission to return to Russia (which was granted). In monarchist Russian Tikhomirov became one of the leading writers of the conservative camp, and from 1909 to 1913 headed the newspaper “Moscow News”. Being an author of historical and philosophical works and memories, for decades he was considered a renegade who betrayed a revolutionary struggle. In recent years works of Tikhomirov as a monarchist started to arouse a significant interest. However, only the study of all the major events of his life and philosophical evolution can reveal the originality of Tikhomirov's views as revolutionary and as conservative. These events are reflected in his diary. Tikhomirov kept the diary for over 30 years. Shortly before his death he gave it to the Rumyantsev Museum, where they are preserved today. However, Tikhomirov's diary virtually unknown to the public.

Keywords: Lev Tikhomirov, social thinking, revolution, Russian conservatism, historical biography, history of political parties

References

- Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) (2004) *“Kozni vragov nashih sokrusheni...”: dnevniki, 1910–1917* [“Break the Intrigues of Our Enemies...”: Diaries, 1910–1917], Minsk: Pravoslavnaja iniciativa.
- Arseniev N. (1962) O moskovskih religiozno-filosofskih i literaturnyh kruzhkakh i sobranijah nachala XX v. [On Moscow Religious-Philosophical and Literary Circles and Assemblies at the Beginning of the 20th Century]. *Sovremennik*, no 6.
- Burin S. (1994) *Sud'by bezvestnye: Sergej Nechaev, Lev Tihomirov, Vera Zasulich* [Unknown Fortunes: Sergey Nechaev, Lev Tikhomirov, Vera Zasulich], Moscow: Institut vseobshhej istorii RAN.
- Cosmas and Damian Maroseyka Church (2003) *Episkop Tikhon (Tikhomirov), sostavitel' akafista svjatym Kosme i Damianu Azijskim* [Bishop Tikhon (Tikhomirov), a Compiler of Acathistos to Cosmas and Damian of Assia], Moscow: Hram svjatyh bessrebrenikov Kosmy i Damiana na Marosejke.
- Davydov Y. (1996) *Gluhaja pora listopada* [Blanking Time to Leaf Fall], Moscow: Terra.
- Davydov Y. (2001) *Bestseller* [Bestseller], Moscow: Vagrius.
- Dzhunkovskiy V. (1997) *Vospominaniya, T. 1* [Memoirs, vol. 1], Moscow: Izdatelstvo im.

Sabashnikovyh.

- Ermashov D., Prolubnikov A., Shirinyants A. (1999) *Russkaja social'no-politicheskaja mysl' XIX — nachala XX veka: L.A. Tikhomirov* [Russian Social and Political Thought of the 19th — Beginning of 20th Centuries], Moscow: Knizhnyj dom.
- Florensky P. (1998) *Arhiv svjashhennika Pavla Aleksandrovicha Florenskogo, Vyp. 2* [An Archive of Priest Pavel Florensky, issue 2], Tomsk: Vodolej.
- Florensky P., Bulgakov S. (2001) *Perepiska svjashhennika P. A. Florenskogo so svjashhennikom S. N. Bulgakovym, Vyp. 4* [The Correspondence of Priest P.A. Florensky and Priest S.N. Bulgakov], Tomsk: Vodolei.
- Fomin S. (2002) Iz dnevnika L.A. Tikhomirova (Moskva, 1901, 1905, 1912–1917 gg.) [From the Diary of L.A. Tikhomirov (Moscow, 1901, 1905, 1912–1917)]. ...*I dany budut Zhene dva kryla* [...The Woman Will Be Given the Two Wings], Moscow: Palomnik, pp. 585–626.
- Fudel S. (2001) *Sobranie sochinenij, T. 1* [Collected Works, vol. 1], Moscow: Russkij put'.
- Golubtsov S. (1999) *Moskovskaja Duhovnaja Akademija v nachale XX veka: professura i sotrudniki* [Moscow Theological Academy at the Beginning of the 20th Century: Faculty and Staff], Moscow: Martis.
- Kirianov Y. (ed.) (1998) *Pravye partii, 1905–1917 gody: dokumenty i materialy, T. 1* [Right-wing Parties, 1905–1917: Documents and Materials, vol. 1], Moscow: ROSSPEN.
- Lachaeva M. (2010) Vitte S.Y. [S.Y. Vitte]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Milevsky O. (2004) *Lev Tikhomirov: dve storony odnoj zhizni* [Lev Tikhomirov: Two Sides of One Life], Barnaul.
- Minakov A. (2010) Suvorin A.S. [A.S. Suvorin]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Mikhailov O. (1996) *Aleksandr III: zabytyj imperator* [Alexander III: Forgotten Emperor], Moscow: Armada.
- Nachapkin M. (2007) *Maloizvestnye stranicy russkogo konservatizma* [Little-known Pages of Russian Conservatism]. *L.A. Tikhomirov: zhizn' i mirovozzrenie* [L.A. Tikhomirov: Life and Outlook], Ekaterinburg: RGPPU.
- Nikolaev G. (2006) *Jeshatologicheskij triptih* [Eschatological Triptych]. *Jeshatologicheskij sbornik* [Eschatological Miscellanea], Saint-Petersburg: Aletheia, pp. 358–396.
- Novoselov M. (1904) *Policejsko-vrachebnyj protokol i hristianskie dobrodeteli* [Police-Medical Protocol and Christian Virtues], Saint-Petersburg: Berezhlivost.
- Novoselov M. (1911) *V tihoj pristani* [In the Haven of Refuge], Sergiev Posad.
- Novoselov M. (1994) *Pis'ma k druž'jam* [Letters to Friends], Moscow: PBSTI.
- Novoselov M. (1994) *Pis'ma M.A. Novoselova k L.N. Tolstomu* [Letters of M.A. Novoselov to L.N. Tolstoy]. *Minuvshee: Istoricheskij al'manah, Vyp. 15* [The Past: Historical Almanac, issue 15], Moscow, Saint-Petersburg: Atheneum-Feniks, pp. 371–423.
- Omelyanchuk I. (2010) *Russkaja monarhicheskaja partija* [Russian Monarchical Party]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Omelyanchuk I., Repnikov A. (2010) *Sojuz russkikh ljudej* [The Union of Russian People]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An

- Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Pavlov N. (1927) *Ego Velichestvo Gosudar' Nikolaj II* [His Majesty the Lord Nikolay II], Paris.
- Pertsov P. (2002) *Literaturnye vospominanija, 1890–1902* [Literary Memories, 1890–1902], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Poliakov A. (2010) Velikany sumraka [The Giants of Twilight]. *Molodaja gvardija*, no 7-8, 9, 10, 11-12.
- Poliakov A. (2011) Velikany sumraka [The Giants of Twilight]. *Molodaja gvardija*, no 1-2.
- Poliakov A. (2011) *Velikany sumraka* [The Giants of Twilight], Moscow.
- Posadsky S., Posadsky A. (2009) *Lev Aleksandrovich Tihomirov: filosofsko-kul'turologicheskie iskanija* [Lev Alexandrovich Tikhomirov: Philosophical and Culturological Search], Saint-Petersburg: SPbKO.
- Repnikov A. (2010) Gringmut V.A. [V.A. Gringmut]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Repnikov A. (2010) Pobedonostsev K.P. [K.P. Pobedonostsev]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Repnikov A. (2010) Shcherbatov A.G. [A.G. Shcherbatov]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Repnikov A., Milevsky O. (2011) *Dve zhizni L'va Tihomirova* [Two Lifes of Lev Tikhomirov], Moscow: Academia.
- Repnikov A., Soloviev K. (2010) Sharapov S.F. [S.F. Sharapov]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Sverchkov D. (1926) *Tri meteora: G. Gapon, G. Nosar', A. Kerensky* [Three Meteors: G. Gapon, G. Nosar, A. Kerensky], Leningrad.
- Soloviev K. (2010). Kireev A.A. [A.A. Kireev]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th — Beginning of the 20th Centuries: An Encyclopaedia], Moscow: ROSSPEN.
- Tikhomirov L. (1927) *Vospominanija L'va Tihomirova* [The Memoirs of Lev Tikhomirov], Moscow, Leningrad: Gosizdat.
- Tikhomirov L. (1930) 25 let nazad: iz dnevnikov L.A. Tihomirova [25 years Ago: From the Diaries of L.A. Tikhomirov]. *Krasnyj arhiv*, vol. 1–5.
- Tikhomirov L. (1933) Iz dnevnika L.A. Tihomirova [From the Diary of L.A. Tikhomirov]. *Krasnyj arhiv*, vol. 6, pp. 82–128.
- Tikhomirov L. (1935) Iz dnevnika L'va Tihomirova (Period stolypinshhiny) [From the Diary of L.A. Tikhomirov (The Period of Stolypinshchina)]. *Krasnyj arhiv*, vol. 5–6.
- Tikhomirov L. (1936) Iz dnevnika L'va Tihomirova (Period stolypinshhiny) [From the Diary of L.A. Tikhomirov (The Period of Stolypinshchina)]. *Krasnyj arhiv*, vol. 1–2.
- Tikhomirov L. (1992) *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [On Monarchist Statehood], Saint-Petersburg: Rossijskij imperskij sojuz-orden, "Komplekt".
- Tikhomirov L. (1998) *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [On Monarchist Statehood], Moscow: Oblizdat, Alir.
- Tikhomirov L. (2004) *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [On Monarchist Statehood], Moscow: Biblioteka Serbskogo Kresta.
- Tikhomirov L. (2006) *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [On Monarchist Statehood],

- Moscow: Ajris-press.
- Tikhomirov L. (2008) *Dnevnik L.A. Tikhomirova, 1915–1917 gg.* [The Diary of L.A. L.A. Tikhomirov, 1915–1917], Moscow: ROSSPEN.
- Tikhomirov L. (2010) *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [On Monarchist Statehood], Moscow: ROSSPEN.
- Trofimov A. (2001) Episkop Tikhon (Tikhomirov) [Bishop Tikhon (Tikhomirov)]. *Novaja kniga Rossii*, no 4, pp. 61–64.
- Shulgin V. (1992) “*Chto nam v nih ne nravitsja...*” [“What We Do Not Like in Them...”], Saint-Petersburg: Hors.
- Shcherbatov A. (2002) “Obnovlennaja Rossija” i drugie raboty [“Renewed Russia” and Other Works], Moscow: Russkaja panorama.
- Yakovlev A. (2001) *Korona i krest: sceny rossijskoj cerkovnoj zhizni konca XIX — nachala XX veka* [Crown and Cross: Scences from the Russian Church Life of the End of the 19th — beginning of the 20th Centuries], M.: Palomnik.
- Yakovlev A. (2005) *Korona i krest: sceny rossijskoj cerkovnoj zhizni konca XIX — nachala XX veka* [Crown and Cross: Scences from the Russian Church Life of the End of the 19th — beginning of the 20th Centuries], Moscow: Terra-Knizhnyj klub.

Social Theory and Trauma

Ron Eyerman

Daria Khlevnyuk
(translator)

Graduate Student, State University of New York at Stony Brook
Stony Brook, New York, USA 11794-4356
Email: d.khlevnjuk@gmail.com

Ron Eyerman is one of the authors of the cultural theory trauma with an introduction by Jeffrey Alexander. This text may be seen as a case-study, that underlines and illuminates some of the main features of their theory. Using the examples of three significant social theory texts, Horkheimer and Adorno's "Dialectic of Enlightenment", Freud's "Moses and Monotheism" and Bauman's "Modernity and the Holocaust", this article illustrates the difference between personal, collective and cultural trauma. All of those texts are connected to the same event – the Holocaust – and the outcome of this event. Bauman and Adorno could have become the victims, but instead survived bearing the trauma, conceptualizing it and thus becoming predecessors of the cultural trauma theory. Ron Eyerman shows the complexity of the relationship between personal and collective trauma, and the construction of social theory. In analyzing these texts he goes into history of their creation, finding evidence of the traumatic experience of the authors. He also analyzes aesthetic characteristics of the texts, showing these texts as not only pieces of social theorizing but also as personal experiences, trying to find meaning in gaps, voids and inconsistency. The aim is also to illustrate how personal trauma can impact the construction and representation of social theory.

Keywords: cultural trauma, collective memory, sociology of memory, cultural sociology, social theory, psychoanalysis, Holocaust

References

- Adorno T.W. (1967) *Prisms*, Cambridge: MIT Press.
- Adorno T.W. (1991) *Notes to Literature*, New York: Columbia University Press.
- Adorno T.W. (2010) *Guilt and Defense: On the Legacies of National Socialism in Postwar Germany*, Cambridge: Harvard University Press.
- Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford N. (2001) *Issledovanie avtoritarnoj lichnosti* [The Authoritarian Personality], Moscow: Serebrjanye niti.
- Alexander J. (2004) Toward a theory of cultural trauma. *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press, pp. 1–30.
- Anderson M. (2008). Documents, photography, postmemory: Alexander Kluge, W.G. Sebald and the German family. *Poetics Today*, vol. 29, no 1, pp. 129–153.
- Bauman Z. (1989) *Modernity and the Holocaust*, Ithaca: Cornell University Press.
- Caruth C. (1996) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Erikson K. (1994) *A New Species of Trouble: Explorations in Disaster, Trauma, and Community*, New York: Norton.
- Eyerman R. (2001) *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Eyerman R. (2008) *The Assassination of Theo van Gogh: From Social Drama to Cultural*

- Trauma*, Durham: Duke University Press.
- Eyerman R. (2011) *The Cultural Sociology of Political Assassination: From MLK and RFK to Fortuyn and Van Gogh*, New York: Palgrave Macmillan.
- Eyerman R., Alexander J.C., Breese E.B. (eds.) (2011) *Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering*, Boulder: Paradigm Publishers.
- Fassin D., Rechtman R. (2009) *The Empire of Trauma: An Inquiry into the Condition of Victimhood*, Princeton: Princeton University Press.
- Franklin R. (2011) *A Thousand Darkesses: Lies and Truth in Holocaust Fiction*, New York: Oxford University Press.
- Freud Z. (1993) *Chelovek po imeni Moisej i monoteisticheskaja religija* [Moses and Monotheism], Moscow: Nauka.
- Giesen B. (2004) The trauma of the perpetrators: the Holocaust as the traumatic reference of German national identity. *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press, pp. 112–154.
- Habermas J. (1975) *Legitimation Crisis*, Boston: Beacon Press.
- Habermas J. (2008) *Filosofskij diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity], Moscow: Ves mir.
- Hartman G. (1996) On traumatic knowledge and literary studies. *New Literary History*, vol. 26, no 3, pp. 537–563.
- Heins V. (2011) *Beyond Friend and Foe: The Politics of Critical Theory*, Boston: Brill.
- Horkheimer M., Adorno T.W. (1997) *Dialektika Prosveshhenija* [Dialectic of Enlightenment], Moscow: Medium.
- Horkheimer M., Adorno T.W. (2002) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*, Stanford: Stanford University Press.
- Horsman Y. (2011) *Theaters of Justice: Judging, Staging, and Working Through in Arendt, Brecht, and Delbo*, Stanford: Stanford University Press.
- Kaplan E.A. (2005) *Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and Literature*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- LaCapra D. (2001) *Writing History, Writing Trauma*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Leys R. (2000) *Trauma: A Genealogy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Liotard J.-F. (1998) *Sostojanie postmoderna* [The Postmodern Condition], Moscow, Saint-Petersburg: Institut jekperimental'noj sociologii, Aletheia.
- Muller-Doohm S. (2005) *Adorno: A Biography*, Cambridge: Polity Press.
- Muller-Doohm S. (2005) Theodor W. Adorno and Jurgen Habermas — two ways of being a public intellectual: sociological observations concerning the transformation of a social figure of modernity. *European Journal of Social Theory*, vol. 8, no 3, pp. 269–280.
- Olick J.K. (2003) What does it mean to normalize the past? Official memory in German politics since 1989. *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection* (ed. J.K. Olick), Durham: Duke University Press, pp. 259–288.
- Pickford H.W. (2005) Preface. Adorno T.W. *Critical Models: Interventions and Catchwords*, New York: Columbia University Press, pp. vii–xii.
- Pollock F., Adorno T.W. (2011) *Group Experiment and Other Writings: The Frankfurt School on Public Opinion in Postwar Germany*, Cambridge: Harvard University Press.
- Rabinbach A. (1997) *In the Shadow of Catastrophe: German Intellectuals Between Apocalypse and Enlightenment*, Berkeley: University of California Press.
- Rosenblatt L.M. (1978) *The Reader, the Text, the Poem: The Transactional Theory of The*

- literary Work*, Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Rothberg M. (1997) After Adorno: culture in the wake of catastrophe. *New German Critique*, no 72, pp. 45–81.
- Ryan J. (1991) Postoccupation literary movements and developments in West Germany. *Legacies and Ambiguities: Postwar Fiction and Culture in West Germany and Japan*, Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 189–206.
- Said E.W. (2005) Freud i neevropejskoe [Freud and the Non-European]. *Sinij divan*, no 6, pp. 7–38.
- Schlant E. (1999) *The Language of Silence: West German Literature and the Holocaust*, New York: Routledge.
- Smelser N.J. (2004) Psychological trauma and cultural trauma. *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press, pp. 31–59.
- Van Reijen W., Bransen J. (2002) The disappearance of class history in “Dialectic of Enlightenment”: a commentary on the textual variants (1947 and 1944). Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*, Stanford: Stanford University Press, pp. 248–252.
- White H. (1990) *The Content in the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Wiggerhaus R. (1995) *The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance*, Cambridge: MIT Press.
- Ziege E.-M. (2009) *Antisemitismus und Gesellschaftstheorie: die Frankfurter Schule im amerikanischen Exil*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Zolkos M. (2010) *Reconciling Community and Subjective Life: Trauma Testimony as Political Theorizing in the Work of Jean Amery and Imre Kertesz*, New York: Continuum.

A Mistake about Causality in Social Science

Alasdair MacIntyre

Andrei Korbut
(translator)

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: korbut.andrei@gmail.com

The article considers the problem of actions–beliefs link. As author shows, the widespread approach in social science, those origins can be traced back to Hume and Mill and which tries to reveal the causal relations between beliefs and actions, is mistaken. It is mistaken because it proposes that, firstly, beliefs and actions are distinct and separately identifiable social phenomena and, secondly, causal connection consists in constant conjunction. MacIntyre, instead, proposes, taking as a starting point the distinction between physical movement and human action, to consider the actions–beliefs link in terms of the descriptions which the action should correspond to. If we, on being asked for an explanation of what we have done, refer it to an antecedent condition of a Humean kind, we precisely remove it from the class of actions and assign it to, most probably, the class of physical movements. To explain behavior as a genuinely human action, an explanation must refer to the customarily recognized rules of a particular social order. This presupposes that (1) action must fall under some description which is socially recognizable as the description of an action; (2) an action must fall under a description and my actions under a description available to me; and (3) agent can do only what he/she can describe. As an illustration of his approach, author examines the role of Stalin’s philosophical work “Dialectical and historical materialism” in the process of the ideological “closing” of Soviet society.

Keywords: action, social theory, belief, causality, description, Stalin

Contents

POLITICAL PHILOSOPHY	
Conversation with Günter Gaus.....	3
<i>Hannah Arendt</i>	
Beyond “Pure Science” and Philosophic Contemplation.....	24
<i>Ilya Matveev</i>	
SCHMITTIANA	
Correspondence on Schmitt and the Political.....	34
<i>Anatoliy Akhutin, Alexander Filippov</i>	
BOOR REVIEWS	
Political Philosophy and Political Economy.....	48
<i>Kamil Galeev</i>	
RUSSIAN ATLANTIS	
Herzen and Slavophiles.....	62
<i>Andrey Teslya</i>	
Tikhomirov’s Diary (December 1905).....	86
<i>Lev Tikhomirov, Alexander Repnikov</i>	
CULTURAL SOCIOLOGY	
Social Theory and Trauma.....	121
<i>Ron Eyerman</i>	
TRANSLATIONS	
A Mistake about Causality in Social Science.....	139
<i>Alasdair MacIntyre</i>	
Abstracts.....	158